

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.И. НОСОВА»

На правах рукописи

Бодрова Елена Владимировна

**НЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ
ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л.Н. Чурилина**

Магнитогорск – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ И НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ В ТЕОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	14
1.1. Фразеологизация как объект исследования: ретроспективный обзор теоретических концепций.....	14
1.2. Фразеологизация как лингвистический феномен: содержание и этапы процесса, типология, способы образования фразеологических единиц.....	39
1.3. Неофразеологизация и неофразема на новейшем этапе формирования фразеологического фонда русского языка.....	54
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	66
ГЛАВА 2. НЕОФРАЗЕМА КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ: ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ	69
2.1. Неофразема как продукт неофразеологизации: категориальные признаки.....	69
2.2. Фразеокреативы как тип неофраземы: категориальные признаки.....	73
2.3. Фразеоальтернативы как тип неофраземы: категориальные признаки	86
2.4. Фразеопопуляризмы как тип неофраземы: категориальные признаки.....	101
2.5. Потенциальные фразеологизмы как тип неофраземы: категориальные признаки.....	114
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	127
ГЛАВА 3. НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС: ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ.....	130
3.1. Нелинейная модель в реконструкции процесса формирования неофразем.....	130

3.2. Модель процесса неофразеологизации с нулевым вектором движения.....	133
3.3. Модель процесса неофразеологизации с комбинацией двух областей.....	139
3.3.1. Комбинация <i>область креативности – область альтернативности</i>	139
3.3.2. Комбинация <i>область креативности – область узуальности</i>	144
3.3.3. Комбинация <i>область креативности – область системности</i>	147
3.3.4. Комбинация <i>область узуальности – область системности</i>	149
3.4. Модель процесса неофразеологизации с комбинацией трёх / четырёх областей.....	152
3.4.1. Комбинация <i>область креативности – область альтернативности – область узуальности</i>	152
3.4.2. Комбинация <i>область креативности – область узуальности –</i> <i>область системности</i>	155
3.4.3. Комбинация <i>область креативности – область альтернативности – область узуальности – область системности</i>	156
3.5. Неофразеологизация и обновление фразеологической системы русского языка.....	160
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	176
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	179
СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	181
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ...	211
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ИССЛЕДОВАНИИ.....	217
ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО МАТЕРИАЛА.....	225

ПРИЛОЖЕНИЕ А АВТОРСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СПОСОБОВ	266
ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	
ПРИЛОЖЕНИЕ Б ПОКАЗАТЕЛИ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ НА	277
СВЕРХСЛОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ИЗ ОБЛАСТИ «КРЕАТИВНОСТЬ».....	

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению актуальных в современной дискурсивной практике процессов неологизации, ведущих к обновлению фразеологического фонда русского языка.

Актуальность и степень разработанности проблемы. Активное внедрение цифровизации запустило процессы трансформации образа мира современного человека. Результатом «цифровизации социальных практик» стало преобразование дискурса *homo digital*¹, основные качества которого соответствуют требованиям цифрового пространства²: преимущественно опосредованный характер коммуникации, неконтролируемое увеличение объема потребляемой информации, ее глобальное перемещение в пространстве Сети. Кардинально изменился не только объем транслируемой информации, но и ее локализация: пространство Интернета стало одновременно топосом общения и средой неологических процессов, в том числе и неофразеологизации, к исследованию которой обращались на рубеже XX–XXI в. представители разных отечественных фразеологических школ (В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, Л.П. Гашева, А.Н. Столярова и др.).

Особый интерес для исследования представляют продукты неофразеологизации – неофраземы, достаточно широкий и разнородный пласт устойчивых словесных комплексов (УСК), востребованных в современных дискурсивных практиках носителей русского и других славянских языков. Вновь образующиеся единицы идентифицируются и классифицируются по разным параметрам в трудах отечественных ученых (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина, Н.В. Баско, Г.М. Шипицына

¹ Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. *Homo digital – субъект цифровой революции* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. №2. С. 121.

² *Цифровым пространством* сегодня принято называть совокупность всего, что создано и функционирует в Интернете: социальные сети, веб-сайты, порталы, блоги, форумы – платформы, позволяющие общаться, получать информацию, обмениваться ею.

и др.) и зарубежных лингвистов (Х. Вальтер, В. Хлебда, Д. Благоева, М.С. Диброва, С.И. Георгиева, Б.Т. Тенчева, М. Янковичова и др.).

Разработке принципов классификации неологизмов посвящено значительное число научных трудов (В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, А.Н. Столярова, А.А. Брагина, Н.З. Котелова, С.И. Алаторцева, Е.В. Сенько и др.). Между тем список классификационных признаков единиц этого типа не является универсальным, поскольку набор выделенных параметров обнаруживает зависимость от временного фактора (О.С. Рублева). При всем многообразии предлагаемых подходов к систематизации сверхсловных неообразований в исследованиях преобладают типологии, основанные на критериях: степень новизны, форма языковой единицы, тип обозначаемой реалии, способ / источник образования и др.

На современном этапе исследований понимание фразеологической инновации³ в целом не ограничено жесткими рамками, что находит отражение в наполнении новых словарей фразеологизмов. Так, в различных словарях при фиксации сверхсловных новообразований отмечены: 1) отсутствие «разделения на языковые и речевые, окказиональные» (В.М. Мокиенко); 2) представление разнородного материала: собственно «классические» фразеологизмы, перифразы, коллокации и устойчивые обороты неэкспрессивного характера, терминологические и квазитерминологические (М.С. Доброда); 3) в словари попадает фразеологическая инноватика, функционирующая в масс-медиа дискурсе; 4) востребованные в речевой практике сверхсловные неологизмы, восходящие к различным источникам и сферам.

Несмотря на масштабность исследований неофразеологического материала и практику его лексикографирования, научному осмыслению и словарной фиксации подвергается лишь часть весьма разнородных единиц из числа новообразований, именуемых неофраземами. Для дальнейшей

³ Генералова Е.В. «Денег нет, но вы держитесь»: новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги», в русском языке конца XX – первой четверти XXI вв. // Русская речь. 2025. №1. С. 2 – 36.

систематизации глобального пласта устойчивой неологики есть необходимость в дополнительных исследованиях, направленных на уточнение самого понятия неофразеологизации. Таким образом, актуальность проводимого исследования определяется его направленностью на теоретическое осмысление неофразеологизации как процесса и описание его продуктов.

Объектом исследования является процесс образования новых устойчивых в употреблении, воспроизводимых сверхсловных единиц как условие пополнения фразеологического фонда русского языка.

Предмет исследования составили специфические характеристики процесса неофразеологизации в эпоху активной цифровизации коммуникативного пространства и продукты этого процесса, именуемые неофраземами.

Исследование имело **целью** выявить лингвистические и экстралингвистические условия образования новой сверхсловной единицы, описать основные этапы этого процесса, а также предложить вариант классификации продуктов неофразеологизации.

Достижение поставленной цели предполагало решение ряда **задач**:

1) обобщить разрабатываемые на разных этапах формирования отечественной теории фразеологии представления о сущности процесса образования фразеологических единиц;

2) опираясь на достижение отечественной научной мысли, определить перечень способов образования фразеологических единиц, описать механизмы и этапы неофразеологизации как процесса;

3) на основе анализа современного дискурсивного материала разработать вариант классификации продуктов процесса неофразеологизации, выявив экстралингвистические и лингвистические признаки единиц каждого типа;

4) предложить вариант реконструкции процесса неофразеологизации, дать содержательную интерпретацию структуры модели и механизмов взаимодействия ее элементов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили:

– фундаментальные труды отечественных ученых по теории фразеологии (В.В. Виноградов, Л.И. Ройзензон, В.Л. Архангельский, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, В.П. Жуков, Н.М. Шанский, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский);

– результаты исследований процесса фразеологизации / неофразеологизации и его продуктов (В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Н.Ф. Алефиренко, Ю.Я. Бурмистрович, А.В. Кунин, С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев, А.М. Эмирова, С.Г. Соколова, А.В. Жуков, О.В. Елисеева, Е.Н. Ермакова и др.);

– исследование тенденций обновления фразеологических фондов славянских языков, в том числе в условиях глобализации и цифровизации (В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, С.И. Георгиева, М.С. Доброва, Л.Н. Чурилина, Г.М. Шипицына, Н.В. Баско и др.);

Система исследовательских **методов** предопределена поставленными задачами: диалектический метод на этапе формулирования принципов исследования; индуктивный метод на этапе формирования корпуса неофразем; комплекс лингвистических методов на этапе работы с отобранным речевым материалом (варианты дескриптивного метода; аналитический метод – компонентный, контекстуальный, лингвокультурологический и сравнительный анализ); метод моделирования.

Источником **материала исследования** послужили современные словари новой фразеологии, изданные в период с 1997 по 2022 гг.: Душенко К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М, 1997; Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб, 2000; Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений:

более 4000 статей. М, 2005; Максимов Б.Б. Фильтр базар: словарь молодежного жаргона г. Магнитогорска. Магнитогорск, 2002; Баско Н.В. Фразеологический словарь. Наше время в зеркале фразеологизмов. М, 2019; Генералова Е.В. Фрагмент словаря русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2020 гг. XXI в.). СПб, 2022; Доброва М.С. Словарь новых фразем и коллокаций русского языка. Оломоуц, 2022; Жуков А.В. Словарь современной русской фразеологии. М, 2015; Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М, 2023; Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...». Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. М, 2011; Шулежкова С.Г., Чурилина Л.Н. и др. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов. Магнитогорск, Пловдив, 2021.

На основе указанных словарей была составлена картотека объемом около 2500 сверхсловных единиц. В качестве дополнительного источника при формировании базы исследования использовались фрагменты новейшей дискурсивной практики, зафиксированные в русскоязычном пространстве Интернета в период 2021–2025 гг.: в картотеку включено около 200 единиц.

Научная новизна исследования определяется тем, что в ходе анализа новейшего дискурсивного материала впервые разработан комплексный подход к изучению неофразеологизации как специфического процесса, протекающего в коммуникативном пространстве цифровой среды и детерминированного требованиями этой среды. Представление о неофразеологизации как нелинейном процессе положено в основу оригинальной классификации фразеологических неологизмов, опирающейся на взаимно соотнесенные лингвистические и экстралингвистические признаки неоединицы.

Теоретическая значимость результатов исследования обусловлена вкладом в дальнейшую разработку теории неофразеологизации: выявлены условия и этапы формирования неофразем в цифровой среде, предложен вариант реконструкции процесса неофразеологизации; разработан алгоритм

анализа неофразем; выявлен комплекс категориальных признаков неофразем; предложен вариант классификации фразеологических новообразований, учитывающий разнородные их характеристики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты и дискурсивный материал могут быть использованы при дальнейшем изучении процессов обновления фразеологической системы русского языка в новейших условиях. Результаты исследования могут составить основу спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам фразеологии, а также найти применение в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Фразеологизация в исследовательской практике традиционно представлялась как линейный процесс – поэтапное преобразование свободных словосочетаний в несвободные. Однако трансформированное в условиях цифровизации коммуникативное пространство оказывает влияние на масштабы неологических процессов в языке, что приводит к необходимости рассмотрения неофразеологизации как самостоятельного процесса.

2. Неофразеологизация представляет собой процесс формирования новых устойчивых в употреблении, воспроизводимых сверхсловных единиц, сферой бытования которых оказывается новое коммуникативное пространство, определяющее специфику функционирования новообразований. Продуктом неофразеологизации является неофразема – единица с неопределенным статусом (единица речи или единица языка). Ключевым для понимания неофразеологизации можно признать фактор времени: процесс закрепления новой единицы в дискурсивной практике доступен для прямого наблюдения.

3. Неофраземы функционируют в пространстве размытых границ: геополитические, культурные, языковые различия не оказывают существенного влияния на закрепление единицы в разных речевых практиках. В этой ситуации судьба неофраземы, зафиксированной на некотором временном отрезке, зависит от непредсказуемой экстралингвистической

реальности, которая определяет «жизненный цикл» единицы. В цифровой коммуникативной среде для образования и закрепления неофраземы в узусе не всегда требуется протяженный временной период.

4. Процесс образования неофраземы редко является поэтапно-линейным. В предложенной нами нелинейной модели неофразеологизация предстает как вариативный набор специфических характеристик (областей), комбинации которых определяют эвентуальное движение неофраземы от момента рождения – первая фиксация в цифровой среде – до закрепления в системе языка.

5. Нелинейная модель процесса неофразеологизации включает в свой состав четыре области: область креативности, область альтернативности, область узуальности, область системности. В основе каждой из четырех областей лежит собственная доминанта (языковое творчество, конкуренция смыслов, дискурсивная востребованность, корреляция с традиционными для национальной картины мира концептами), которая позволяет разграничивать не только сами области, но и неофраземы, относимые к ним (фразеокреативы, фразеоальтернативы, фразеопопуляризмы, потенциальные фразеологизмы).

6. Неофразеологизация может быть представлена как нелинейный, многовекторный процесс, допускающий перемещение новой единицы в пределах потенциальных вариантов (областей), смену категориальных признаков и, как следствие этого, изменение неофразеологического статуса единицы. Для неофразеологизации характерны свобода и множественность вариантов перемещения единицы, волновой характер изменений.

7. Финальной точкой неофразеологизации является формирование потенциального фразеологизма – неофраземы, коррелирующей с традиционными концептами и обнаруживающей готовность к формированию парадигматических отношений с единицами фразеологической системы. Процесс обновления фразеологического фонда русского языка регулируется рядом ограничений, доминирующее положение в этом ряду занимает культурный код.

Достоверность полученных результатов подтверждается обоснованностью методологической базы исследования, репрезентативностью рассмотренного речевого материала, выбором адекватных предмету и поставленным перед исследованием целям методов.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы и результаты исследования обсуждались на заседании кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Результаты исследования были представлены на международных и всероссийских научных конференциях, среди которых: Международная молодежная конференция с участием ведущих ученых-славистов «Новая фразеология в новой Европе. Славяне и их языки в конце XX – начале XXI века: проблема сохранения национальной идентичности» (Магнитогорск, 2021); Межвузовская научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения», посвященная Дню славянской письменности и культуры, Международному дню филолога и Дню русского языка (Кострома, 2023); XV Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) «Русский язык и литература в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2023); Всероссийская научно-практическая конференции (с международным участием) «Проблемы непрерывного педагогического образования» (Ишим, 2024); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Новейшая филология: междисциплинарная парадигма исследований», посвященная памяти проф. Г.Г. Галич (Омск, 2024); Международная научная конференция «Лингвистика креатива: дискурсивные практики речетворческой деятельности» (Екатеринбург, 2024); Межвузовская научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения», посвященная Дню славянской письменности и культуры, 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина (Кострома, 2024); VII Конгресс Российской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (Красноярск, 2024); Международная научная

конференция «Русский язык и языки народов России: проблемы взаимодействия, перспективы развития» (Магнитогорск, 2025).

По теме диссертационного исследования было опубликовано 14 научных статей (общий объем 6,54 п. л.), из них 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертационное исследование (общий объем 278 с.) состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка научной литературы по теме исследования (239 наименований), списка использованных словарей и справочников (49 наименований), списка литературы, использованной в исследовании (88 наименований), ссылок на источники исследовательского материала (332 наименования) и приложения, включающего 9 таблиц.

ГЛАВА 1. ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ И НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ В ТЕОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

1.1. Фразеологизация как объект исследования: ретроспективный обзор теоретических концепций

Исследование фразеологизмов как знаков особого типа имеет более чем полувековую историю. За это время сформулированы ответы на ключевые для науки вопросы: об объёме фразеологии, о методах её изучения, о специфике фразеологизмов как единиц языка и возможных способах их классификации и др. Современный этап развития теории фразеологии связан с определением нового круга задач: «Можно исчерпать возможности понятийно-терминологического аппарата, описывающего ту или иную предметную область, но сама предметная область, по-видимому, неисчерпаема. Это относится, в частности, к области идиоматики, в исследовании которой по мере появления новых подходов открываются всё новые горизонты» [Савицкий, 2006, с. 3]. В числе актуальных для исследования проблем оказывается и процесс формирования фразеологических единиц, определяющий формирование фразеологической системы языка. В этой связи особое внимание следует уделить разнообразию способов означивания этого процесса, наблюдаемому в фундаментальных трудах корифеев отечественной фразеологии и их последователей.

Признано, что первая попытка именовать этот процесс принадлежит В.В. Виноградову, им был предложен термин *фразообразование* (см. [Телия, 1984, с. 44], [Ермакова, 2008, с. 6]). Колумб русской фразеологии призывал «запастись точными знаниями <...> об основных категориях, управляющих механизмом фразообразования в языке» [Виноградов, 1977, с. 121]. По замыслу В.В. Виноградова, термином *фразообразование* должна быть охвачена вся совокупность образования фразеологических единиц (далее – ФЕ). Под фразообразованием понималось образование качественно новой единицы с новым индивидуальным значением. Идеи учёного нашли

продолжение в трудах его многочисленных последователей (ср. построенный по аналогичной модели *оборотообразование* Н.М. Шанского).

В «Замечаниях об основных понятиях русского фразообразования» В.Л. Архангельского термин *фразообразование* тоже используется, при этом одновременно и как способ именования предполагаемого «раздела фразеологии, который имеет свою проблематику, свои объекты и методы их изучения», и как имя процесса образования ФЕ. Для разграничения «исторического развития фразеологического состава» и «структурных типов образования новых фразем и устойчивых фраз» учёный использует данный термин то в сочетании с лексемой *процессы*, то – с лексемой *способы* [Архангельский, 1973, с. 3 – 7]. Анализируя концепцию, Д.А. Романов пишет: «И хотя В.Л. Архангельский считал неудачными как виноградовский термин *фразообразование*, так и термин Н.М. Шанского *оборотообразование*, тем не менее он понимал, что задача ближайшего будущего – изучать активные процессы образования фразеологических единиц в разные исторические периоды развития русского языка» [Романов, 2015, с. 73]. Будучи идейным вдохновителем фразеологической школы, В.Л. Архангельский инициировал исследования этого процесса.

В дальнейшем довольно широкое распространение получил термин *фразообразование*, признаваемый «органичным», потому что «сопрягается со словообразованием» [Копыленко, 2010, с. 13], «кажется более точным ещё и потому, что он становится в ряд с терминами словообразование, терминообразование, знакообразование» [Толикина, 1973, с. 14]. *Фразообразование* в исследовательской практике трактуют как:

- закономерности образования фразеологических единиц и их структуры (Ю.А. Гвоздарев [1977]);
- механизм формирования единиц косвенной номинации (Г.Г. Соколова [1987], С.Н. Денисенко [1985], В.Т. Бондаренко [1979]);
- образование качественно новой фразеологической единицы с новым индивидуальным значением на базе фразеологии (Е.Н. Ермакова [2008]).

Значимый вклад в развитие терминосистемы внесла ученица В.Л. Архангельского, В.Н. Телия, предложившая вариант разведения параллельно используемых терминов *фразообразование* и *идиомообразование*: если *идиомообразование* – это вторичная синтезирующая номинация, в основе которой случайность и спонтанность номинативного замысла, то *фразообразование* – это вторичная аналитическая косвенная номинация, обусловленная ассоциативными связями переосмыслиемых слов и обозначаемых в актах номинации реалий [Телия, 1973, с. 46].

Н.Ф. Алефиренко, размышляя о сущности косвенно-производной номинации, приходит к выводу, что ранее полученные данные нуждаются в уточнении, например: в дериватологии предпочтение отдаётся термину *фразообразование*, что вызывает нежелательные разнотечения, поскольку фраза – термин синтаксический [Алефиренко, 2017, с. 66]. В этой связи добавим, что неупорядоченность во фразеологической терминологии наблюдалась в работах учёных разных поколений (см. об этом у А.Н. Баранова [2013]; Л.Ю. Буяновой, Е.Г. Коваленко [2013]).

В 60-е годы прошлого века Л.И. Ройзензон – представитель самарканской фразеологической школы – вводит в научный оборот термин *фразеологизация*. Характеризуя фразеологизацию как лингвистическое явление, Л.И. Ройзензон обращает внимание на отсутствие во многих работах строгого разграничения *фразеологизации* и *идиоматизации*. Для последней наиболее общими чертами являются: 1) семантическая цельность, 2) экспрессивность, 3) эмоциональность, 4) метафоричность, 5) обобщенно-оценочное значение, 6) особая модальность и интонация. В понимании автора, не для всякого фразеологического образования обязательна идиоматичность [Ройзензон, 1961, с. 111]. Таким образом, по Л.И. Ройзензону, «фразеологизация представляет собой процесс формирования и закрепления различных по характеру своих внутренних семантических и структурно-сintаксических связей устойчивых единиц <...>» [Там же. С. 114].

Аналогичная точка зрения высказывается в публикации А.В. Кунина: «Под фразеологизацией мы понимаем образование фразеологических единиц и устойчивых сочетаний нефразеологического характера в результате постепенного процесса приобретения теми или иными сочетаниями слов всех элементов устойчивости или всех элементов устойчивости нефразеологического характера» [Кунин, 1971, с. 9]. Если фразеологизация у Л.И. Ройзензона – широкое по своему охвату понятие, так как фразеологизируются единицы, формально принадлежащие к различным сферам языка: одни относятся к фразеологии, другие тяготеют к синтаксису, то В.И. Кодухов обособляет *синтаксическую фразеологизацию*, которая, по его мнению, как и *лексическая фразеологизация*, обладает вторичной формой и вторичным содержанием, но соотносится не с лексемами, а с моделями словосочетаний и предложений [Кодухов, 1967, с. 127].

В этот же период высказывались и иные точки зрения на содержание термина. Так, в монографии Ю.А. Гвоздарева, высоко оцененной В.Л. Архангельским, делается акцент на том, что «термин фразеологизация нельзя применять к любому акту фразообразования. Более подходящим для этого может быть термин фразообразовательный процесс» [Гвоздарев, 1977, с. 54].

В исследованиях нового времени отмечается поляризация в понимании самого рассматриваемого процесса. В частности, А.А. Москвина уверена, что фразеологизацию нельзя считать способом образования новых номинативных единиц, поскольку она «есть приобретение речевой единицей статуса единицы языковой, что предполагает лишь смену статуса, но никак не деривацию новой единицы» [Москвина, 2008, с. 13]. В публикациях Л.Н. Чурилиной на новейшем речевом материале демонстрируется, как в результате фразеологизации формируются сверхсловные наименования новых концептов – неофраземы [Чурилина, 2020, с. 127].

Особого внимания требует наблюдаемое в современных публикациях рассогласование в толковании терминов. В некоторых исследованиях

новейшего периода закрепилась узкая трактовка фразеологизации как образования фразеологизмов на базе имеющихся языковых средств (об этом см. у И.В. Зыковой [2015]). При этом отмечены случаи использования терминов *фразеологизация* и *идиоматизация* как синонимичных, и как средств именования процессов, различных по содержанию и конечному результату [Аглеева, 2016, с. 6 – 7]. С точки зрения О.В. Елисеевой, «фразеологизация и фраземообразование имеют различное содержание: *фразеологизация* – многомерный, созидательный, эволюционный процесс. Приводящий к закреплению в языке ФЕ как средств вторичной номинации на базе речевых единиц – переменных СС; *фраземообразование* – процесс конструктивный, использующий различные способы и средства образования ФЕ на базе уже существующих в языке устойчивых и воспроизведимых единиц» [Елисеева, 2000, с. 9].

Таким образом, значимые расхождения в способах именования процесса фиксируются и в классических работах, и в современных исследованиях.

На разных этапах разработки общей теории фразеологии наряду с *фразообразованием* и *фразеологизацией* «в специальной литературе употреблялись разные термины для обозначения возникновения и дальнейшего развития фразеологических единиц» [Джаграева, 2005, с. 34]. В ходе обзора научных публикаций (вторая половина XX в. – наст. время) нам встретились следующие аналоговые единицы: *фразеологическая деривация* (А.В. Кунин [1971]); *вторичная фразеологическая деривация* (Ю.Ю. Авалиани [1972]); *оборотообразование* (Н.М. Шанский [2019]); *фраземообразование* (М.М. Копыленко [2010]); *фразеообразование* (А.П. Бабушкин [2018]); *сложная номинация* (А.И. Каплуненко [1979]); *отфразеологическая деривация* (А.М. Бушуй [1980]); *трансформация фразеологизмов / фразеологических единиц* (Г.В. Орлова [2017]); М.В. Прокопова [2012]); *фразеологическая трансформация* (И.Т. Урбанович [2020]); *окказиональная фразеологическая деривация* (А.М. Мелерович [1986]); *индивидуально-авторские преобразования* (А.М. Мелерович [2016]);

Н.А. Божко [2015]); *окказиональная деривация* (Е.А. Глотова [2019]); *окказиональное преобразование* (И.Ю. Третьякова [2015]); *смыслообразование и знакопорождение фразем* (Н.Н. Семененко [2020]); *семантическая деривация* (Г.А. Коротких [2015]); *неофразеологизация* (Л.П. Гашева [2016]); *паремиобразование* (Е.И. Селиверстова [2020]); *фразеотворчество* (О.В. Ломакина [2011]); *фраземосемиоз* (Н.Ф. Алефиренко [2019]).

Подобная терминологическая и понятийная многовариантность объясняется различиями в понимании объёма фразеологии, избираемыми аспектами рассмотрения процесса образования ФЕ, а также «господствующей в науке о языке лингвистической парадигмой» [Буянова, 2013, с. 17].

Разработка вопроса образования ФЕ начиналась в недрах официально принятой за доминантную структурной лингвистики, поэтому теория формирования сверхсловных единиц определялась дилеммами: язык – речь, синхрония – диахрония. На первый взгляд, выдвинутое структуралистами требование строго разграничивать в исследовании *язык* и *речь* было соблюдено в области фразеологии. Научное сообщество проявило солидарность в признании лингвистической аксиомы В.В. Виноградова: «Но есть глубокая методологическая разница между исследованием фразеологических проблем применительно к речевой деятельности или к индивидуальному стилю и к системе языка в целом, хотя между этими областями и происходит непрестанное взаимодействие» [Виноградов, 1977, с. 119]. Однако время от времени внутри фразеологии возникали новые поводы для полемики: один из ключевых вопросов – *что* из того множества, что фразеологизируется, считать *языковым*, а что – *продуктом речи*.

Как отмечает Т.В. Каменцева, проблему преобразования ФЕ рассматривали сквозь призму отношений узуальное / окказиональное [Каменцева, 2010, с. 47]. В.Л. Архангельский, в своё время анализируя сокращение устойчивых фраз, пришел к выводу: «Следует различать узуальное сокращение лексического состава устойчивой фразы, т. е.

сокращение, ставшее традиционным и свойственное всем говорящим, и сокращение окказиональное» [Архангельский, 1969, с. 16]. Фразеологизмы противопоставлялись окказиональным новообразованиям: «Авторские преобразования выходят за рамки проблемы фразеологической деривации как лингвистического явления» [Денисенко, 1985, с. 59]. Это означало, что окказиональная единица функционирует только на уровне речи. По мнению А.М. Мелерович, свойства окказиональных единиц проявляются лишь в особых единичных контекстах. Эти контексты неповторимы в силу того, что они несут на себе печать индивидуального творчества, как и возникающие в них образные обороты [Мелерович, 1986, с. 122]. Окказиональной при таком подходе принято считать авторскую переработку ФЕ, окказиональное употребление устойчивых оборотов, семантические сдвиги, необычные контекстуальные связи фразеологизмов – всё, что отступает от нормативного употребления [Ермакова, 2013, с. 165]. Так, представитель Костромской фразеологической школы И.Ю. Третьякова окказиональные преобразования фразеологизмов относит к явлениям окказиональной фразеологической деривации [Третьякова, 2011, с. 8]. На периферии, помимо окказиональных единиц, оказывается и диалектная фразеология [Пахотина, 1975, с. 120]. Перечень признаков, по которым дифференцируется узульное и окказиональное, предложен в монографии З.Р. Аглеевой: фразеологическая единица не нарушается при речевых реализациях, и значение ФЕ представлено в словаре [Аглеева, 2016, с. 7].

По мере того как лингвистическая мысль выходила за рамки традиционных представлений, складывалось принципиально новое отношение к окказиональному материалу во фразеологии. Во-первых, признавалось, что вторичные фразеологические связи, под которыми понимаются окказионализмы, могут стать фактами языка и являются узульными единицами (О.В. Шавкунова [1968], В.А. Лебединская [2007], Е.А. Добрыднева [1993], Т. Малински [1992]). При этом высказывается сомнение в том, что «деформированные» фразеологизмы приобретают статус

индивидуально-авторского образования, способного узуализироваться [Гатауллин, 2016, с. 92]. Во-вторых, получило признание мнение, что окказиональное использование фразеологизмов расширяет фразеологический состав языка (О.В. Ломакина [2011], Е.Д. Горячева [2018]), а потому, в-третьих, непрерывно пополняется список источников окказионального образования ФЕ. Так, И.Ю. Третьякова относит к приёмам структурно-семантического типа окказионального преобразования ФЕ расширение компонентного состава, замену компонентов, образование ФЕ по модели, эллипсис, контаминацию, модификацию синтаксической модели, сегментацию ФЕ, ролевую инверсию, а к приёмам семантического типа – двойную актуализацию, буквализацию значения ФЕ, переосмысление ФЕ [Третьякова, 2011, с. 57]. В научных публикациях отмечается, что в качестве базы окказиональной деривации выступают паремии, фольклор, интертекстемы, дискурсивные практики, синтетические виды искусства и даже недавние исторические события, т.е. современный культурный контекст (об этом см. у О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко [2019, с. 267]). В-четвертых, выявлены показатели закрепления за окказионализмами нового признака – узуальности: наличие в сознании носителей языка; независимость от контекста порождения; социально закреплённое значение; традиция соответствующего употребления; фиксация в словаре неологизмов; переход дискурсивной формы в письменную. Таким образом, признаётся, что под воздействием комплекса интра- и экстравалингвистических факторов окказиональные образования становятся фактами языка.

Однако, думается, преждевременно считать вопрос решённым. В современной фразеологической науке споры, как пишет об этом С.Г. Шулежкова, всего лишь ушли на второй план, и, кто знает, в какой момент и в связи с какими процессами они вновь выйдут в актуальную зону [Шулежкова, 2020, с. 67]. В условиях неконтролируемого и интенсивного обновления фразеологических систем славянских языков возможно возобновление дискуссий для объяснения новых явлений.

Продолжая разговор о преломлении идеи дихотомий на этапе обсуждения дискуссионных вопросов теории фразеологизации, остановимся на синхроническом и диахроническом аспекте описания фразеологии.

С момента принятия тезиса о целесообразности противопоставления синхронии и диахронии в исследовании языковых фактов прения вокруг него не прекращались. Вопрос поднимался лингвистами и в эпоху непререкаемого авторитета идей структурализма, и в период революционной смены научной парадигмы (об этом см. у Е.С. Кубряковой [1968], В.П. Даниленко [2011], М.А. Казазаевой [2014]). В то же время во фразеологии, как ни в каком другом разделе языкознания, по мнению В.М. Мокиенко [Мокиенко, 1973, с. 22], последовательно отграничивалась синхрония от диахронии вплоть до выхода «Большого фразеологического словаря» под редакцией В.Н. Телия. В этом издании впервые продемонстрирован в действии симбиоз синхронического и диахронического анализа фразеологических единиц: «зона» семантики, «зона» речевого употребления, «зона» культурологического комментария диалогически дополняют друг друга [Телия, 2006, с. 7, 779]. Научная школа В.Н. Телия предварила лексикографические идеи многих европейских научных школ, где классическая дихотомия «синхрония – диахрония» ещё видится лишь в её оппозиционности [Мокиенко, 2013, с. 75].

Несмотря на то, что на «отца структурной лингвистики» Ф. де Соссюра, по «заключению» В.П. Даниленко, диахроническая атмосфера действовала удушающее и он был апостолом синхронии [Даниленко, 2011, с. 9], для научного сообщества второй половины XX века диахронический подход был весьма значим. В целом, первые принципы, положенные в основу описания фразообразования, были диахроническими. Изучение этого процесса проводилось главным образом в историческом аспекте (В.Н. Телия). Диахронному описанию фразеологии посвящены труды И.А. Федорова [1973], Б.А. Ларина [1977], Л.Я. Костючук [1983], В.М. Мокиенко [1986], А.М. Бабкина [2009].

Л.Я. Костючук писала во введении к своей докторской диссертации: «Историческая фразеология как диахронический аспект изучения фразеологических единиц важна для выяснения ряда проблем фразеологии современного языка. Без выяснения особенностей возникновения, развития и сохранения отдельных устойчивых сочетаний слов бывает трудно, а иногда и невозможно понять отдельные явления во фразеологической системе современного языка» [Костючук, 1983, с. 8]. В.М. Мокиенко, обращаясь к реконструкции первоначальных образов фразеологизмов, выделяет этапы диахронического анализа фразеологизмов в исследованиях практического типа: 1. Установление семантической модели; 2. Привлечение экстраглавиистических факторов; 3. Обращение к этнографическому материалу для утверждения или опровержения проделанной реконструкции [Мокиенко, 1973, с. 34].

Следуя принципам диахромии, учёные «проводили чёткую грань между диахроническими и синхроническими принципами во фразообразовании, признавая право за каждым» [Ермакова, 2012, с. 110]. Так, Ю.А. Гвоздарев высказывает убеждение в том, что «разграничение синхронии и диахронии необходимо, поскольку в процессе развития языка во фразеологических единицах могут происходить весьма сложные семантические процессы, приводящие к существенному изменению как внутренних отношений, так и общего значения» [Гвоздарев, 1977, с. 17]. Вместе с тем, продолжает автор, задачи в рамках этих подходов существенно разнятся: в диахроническом плане должны изучаться процессы фразообразования, типология фразообразовательных процессов, а в синхроническом – типы фразеологических единиц, системная соотнесенность их на данном этапе развития языка. Таким образом, по Ю.А. Гвоздареву, при диахроническом анализе фразообразования производится установление типичности образования единиц с опорой на отдельные этимологии, а анализ фразеологических единиц в синхронном плане фразообразования – это

сравнительное изучение их в условиях существующей фразеологии [Там же. С. 14 – 15].

Несколько иной подход реализуется в работах А.М. Эмировой: «Синхроническое фразообразование связано с изучением семантических процессов, имеющих ментальную природу: формирование идеального содержания, характерного именно для фразеологии, и его языковая объективация, которая реализуется как поиск адекватной для целей данного коммуникативного акта языковой формы, её «подгонка» к данному содержанию, сопровождающаяся различными структурно-семантическими трансформациями» [Эмирова, 2020, с. 119]. Диахроническое фразообразование понимается автором как дальнейшая «жизнь» созданной в разовом коммуникативном акте языковой единицы, как её дальнейшая «судьба»: <...> частотность, многоразовость её употребления первоначально в узкой стилевой сфере, а затем – в смежных и даже маргинальных стилевых зонах» [Там же. С. 119 – 120]. В отличие от Ю.А. Гвоздарева, А. Эмирова считает, что именно «диахронический аспект фразообразования ярко демонстрирует системную обусловленность фразеологической единицы, показывает «давление» языковой системы – по синтагматической и парадигматической осям, являющиеся одним из главных внутренних регулирующих механизмов «жизнедеятельности» языка» [Там же.]. В рассматриваемой концепции характеристика процессов синхронического фразообразования предполагает выявление специфики обозначения предметов и выражения понятий фразеологическими средствами, анализ содержания фразеологических единиц в ментально-психологическом аспекте [Там же. С. 123]. При таком подходе подразумевается экспликация процессов, происходящих в сознании носителей языка, в центре внимания оказываются также интенции «человека говорящего».

Можно сказать, что в изучении фразеологизации имеет место смена фокуса внимания: интерес исследователя направлен по траектории от имманентного описания языка к антропоцентрическому. Справедливости

ради надо отметить, что в трудах других учёных намечалась аналогичная тенденция. Как скажет об этом позже М.Л. Ковшова, во фразеологии наступал период сосредоточенного исследования национально-культурной специфики фразеологизмов [Ковшова, 2016, с. 30]. О том, как в русской фразеологии отражается внеязыковая действительность – прежде всего элементы материальной и духовной культуры – в исторической перспективе, можно прочитать в третьей части научной трилогии В.М. Мокиенко – одном из первых разысканий подобного плана [Мокиенко, 1986].

Одновременно во фразеологии сохраняется и традиционный взгляд на рассматриваемую проблему. Например, А.И. Васильев, резюмирует: «Фразеологизация как в синхроническом, так и в диахроническом плане имеет разные типы своего образования» [Васильев, 2011, с. 73]. Для уточнения предыдущего положения можно привести тезис Д.О. Добровольского: «Этимологически-диахроническое моделирование восстанавливает реальные процессы фразообразования, а синхронное моделирование ориентирует на живую внутреннюю форму» [Добровольский, 2016, с. 118].

По мере отдаления от нас во времени работ фразеологов второй половины прошлого столетия, в которых синхрония и диахрония методично разводились, в изучении фразеологизации намечается инновационный подход. В последние годы, в этом убеждает читателей Г.М. Шипицына, взгляд на соотношение синхронии и диахронии в образовании фразем изменился в связи с изменениями в самом процессе фразеологизации словосочетаний [Шипицына, 2010, с. 236]. Созвучный тезис предложен Е.В. Сенько, высказывающей уверенность в том, что в устойчивых сочетаниях диахроническое и синхроническое переплетаются [Сенько, 2007, с. 137].

В настоящее время в отечественной науке сформировалось два подхода к соссюровской антиномии: в одном варианте диахрония и синхрония по-прежнему размежеваны, в другом – дополняют и обогащают друг друга [Кубрякова, 1998, с. 136].

Завершая обзор диахронического vs синхронического во фразеологии, стоит отметить, что научное сообщество становится сегодня свидетелем формирования уникального когнитивного пространства, в котором право на жизнь имеют и приверженность традиции, и следование новым взглядам. В этой связи кажутся абсолютно справедливыми слова С.Г. Шулежковой: «Исследователь определяет, остановится ли он на синхронном рассмотрении свойств избранного объекта, или начнёт изучать его судьбу в диахроническом ключе» [Шулежкова, 2017, с. 181].

Однако, рассматривая историю вопроса, ограничиться обзором только приведённых выше оппозиций было бы ошибочным. К современному пониманию процесса фразеологизации отечественные лингвисты шли, перенимая или отрицая опыт предшественников. Именно поэтому формирование представлений о фразеологизации расценивается нами как диалектический процесс: через принятие или преодоление противоречий, в процессе дискуссий утверждались основные постулаты, восходящие к сформулированным В. фон Гумбольдтом антиномиям. В рамках теории фразеологии они могут быть интерпретированы следующим образом:

– *язык как деятельность и продукт деятельности*: с одной стороны, фразеологизмы – результат когнитивной деятельности прошлых поколений, репрезентанты национальных фразеологических картин мира, с другой стороны, фразеологизмы, моделируемые под воздействием внутриязыковых и экстралингвистических факторов, «живые свидетели» социокультурного ответа на запросы нового времени;

– *языковая устойчивость и движение в языке*: формирование вариантов и трансформационные процессы во фразеологии, как и появление новых единиц, отражают непрекращающийся процесс формирования языковой системы;

– *целое и единичное в языке*: являясь первоначально отпечатком индивидуального восприятия, фразеологическая единица входит в языковую систему в качестве проводника коллективной языковой картины мира,

оставаясь при этом индивидуальным средством взаимодействия субъекта с действительностью.

В истории изучения фразеологической системы и фразеологизации самым «горячим» в числе полемических можно признать вопрос о времени, необходимом для формирования фразеологической единицы, а также о возможностях моделирования ФЕ.

По мере накопления нового фразеологического материала были определены типы и способы фразеологизации, условия образования ФЕ. Но чем активнее разрабатывалась теория, тем очевиднее становилось разделение фразеологов на два «лагеря» в представлении о хронологических рамках процесса фразеологизации: сторонники одного подхода представляли формирование фразеологизма как процесс медленный и постепенный, сторонники второго видели этот процесс быстрым, одноактным [Копыленко, 2010, с. 15]. К представителям первого «лагеря» справедливо отнести В.Л. Архангельского: «Историческое развитие фразеологического состава русского языка по направлению к нашему времени иногда охватывает в своём течении большие хронологические периоды» [Архангельский, 1969, с. 6]. Б.А. Ларин также не сомневался, что «для созревания грамматической неразложимости нужны века» [Ларин, 1977, с. 137]. Солидарен с этим мнением В.Т. Бондаренко, утверждавший, что «формирование нового значения – процесс длительный и постепенный» [Бондаренко, 1975, с. 101]. Ю.Я. Бурмистрович был апологетом альтернативной точки зрения: в его представлении фразеологизм возникает сразу – в одном ономасиологическом акте [Бурмистрович, 1971, с. 11].

Своеобразную «лингвистическую дуэль» с оппонентами наблюдаем в работе Б.А. Ларина «История русского языка и общее языкознание», в которой автор задаёт провокационные вопросы: «А могут ли образоваться, образуются ли идиомы в современном языке? Или это характерно только для пройденных этапов истории языка, и новых идиом не будет?» И здесь же предлагает ответ: «Фразеологические словосочетания включают не только идиомы, а и единства

разной степени слитности. Следовательно, в современном языке могут зарождаться такие целостные словосочетания. На протяжении XIX – XX веков можно наблюдать переход от вполне текучих («свободных»), к устойчивым словосочетаниям, часть которых, возможно, превратится со временем в идиомы» [Ларин, 1977, с. 145].

Интересна позиция, занятая в этом полемическом пространстве В.П. Жуковым. Стремясь найти компромиссное решение и избежать однозначности в суждении, он пишет: «Действительно, многие фразеологизмы, легко налагаемые на свободные словосочетания эквивалентного состава, возникают сразу же в процессе речи. Сначала как окказиональные фразеологизмы, а затем как общеупотребительные языковые единицы. Не все фразеологизмы, однако, могут возникнуть в короткий промежуток времени» [Жуков, 1986, с. 90–92].

Вопрос не утратил своей остроты и в новейшее время. В публикациях последних десятилетий некоторые исследователи склоняются к точке зрения Б.А. Ларина: «Совершенно очевидно, что весь процесс переосмыслиния протекает в течение долгого времени» [Бузарова, 2006, с. 176], а сверхсловная единица признаётся устойчивой при «достаточно длительном употреблении» [Иванова, 2008, с. 17]. В целом признавая оправданность подобной оценки роли временного фактора, нельзя отрицать и значимости социальных процессов, их роли в формировании фразеологизма. По наблюдению А.В. Савченко, последние десятилетия отмечены резким ускорением темпа жизни, что неизбежно отражается в языке [Савченко, 2016, с. 133]. Именно социальный фактор, считает Л.Н. Чурилина, влияет на процесс формирования фразеологической единицы в цифровой среде [Чурилина, 2021а, с. 58]. Исследователь приходит к выводу: «Закрепление в узусе устойчивых словесных комплексов осуществляется так быстро, что результаты не успевают фиксировать словари, даже электронные» [Чурилина, 2021б, с. 32].

М.А. Москвина видит причину расхождения во мнениях в том, что исследователи «не вполне чётко разводят два совершенно различных

феномена: 1) образование номинативной единицы (т.е. деривацию), 2) более или менее длительный процесс приобретения этой номинативной единицей языкового статуса (т.е. собственно фразеологизацию, постепенное «оязыковление» данной речевой единицы» [Москвина, 2008, с. 13].

Помимо «временного» значимым в обсуждении фразеологизации признаётся формальный фактор.

В движении от структурно-таксономического подхода к антропоцентрическому теория фразеологии обогащалась новыми концепциями. Сегодня учёные признают, что «были открыты новые перспективы для исследования фразеологизмов как модулированных и моделируемых единиц в самых разных аспектах от структурно-грамматического до лингвокогнитивного» [Никитина, 2020, с. 176]. При этом на ранних этапах формирования общей теории фразеологии немоделируемость идиом не оспаривалась, сама мысль о фразеологическом моделировании казалась абсурдной [Шулежкова, 2001, с. 219].

В научных сборниках периода 60 – 70-ых годов прошлого века, отрицание способности ФЕ быть базой для создания серий устойчивых комплексов является «общим местом». Исследователи доказывали, что «активная организующая роль говорящего при употреблении фразеологизма в его традиционной форме сведена к минимуму» [Амосова, 1963, с. 162]; «фразеологизмы не создают модели, способной наполниться новым материалом» [Никитин, 1968, с. 73]; «моделирование фразеологического сращения по воле говорящего невозможно» [Архангельский, 1969, с. 8]. Интуитивное обнаружение модели-схемы не становилось доводом, способным поставить под сомнение принятое убеждение, ср.: «структурная организация различных фразеологизмов может совпадать, но это совпадение объясняется не тем, что фразеологизмы образуются по одной модели, а тем, что их прототипы, т.е. конкретные словосочетания, из которых они возникли, были организованы структурно одинаково» [Молотков, 1972, с. 85]; фразеологические единицы – постоянный контекст, который не создаётся, а

традиционно воспроизводится говорящим, и это отделяет фразеологизмы от переменных сочетаний слов [Амосова, 1963, с. 162]; если признать, что фразеологическая единица – это структурно-семантическая модель, то автоматически ФЕ утрачивает свою единичность и переходит в класс переменно-устойчивых сочетаний слов [Кунин, 1968, с. 37 – 38]; образование по заданному образцу невозможно, потому что этому препятствует закон традиции [Архангельский, 1969, с.8]; «каждая модель фразеосхемы индивидуальна в своих проявлениях» [Лисоченко, 1968, с. 73].

О.П. Фесенко отмечает: «образность, национальная специфичность, дословная непереводимость на другой язык, утрата внутри-компонентных связей, специфичность внешних синтаксических связей служили бесспорными аргументами в пользу утверждения принципиальной немоделируемости фразеологических единиц» [Фесенко, 2005, с. 116]. Научная преемственность прослеживается и в ряде современных публикаций (см.: Москвина [2008], Васильев [2011]).

Справедливости ради скажем, что высказывались и сомнения. Так, о теоретической возможности образования фразеологизмов по продуктивным моделям говорила Л.М. Золотова: «Теоретически возможность моделирования во фразеологии обосновывается тем, что осмысление фразеологической единицы и фразеологическая номинация осуществляется на базе общепринятого кода естественного языка по общим законам мышления и психики <...> Таким образом, фразеологической номинации свойственна значительная регулярность <...>» [Золотова, 1979, с. 47].

В работах исследователей, обращавшихся к вопросу моделирования ФЕ, частотно упоминается имя Ю.Я. Бурмистровича, предвосхитившего идеи когнитивизма. Им было высказано предположение, что человек не может образовать фразеологизм без каких-то предварительных знаний: «В голове человека должны были иметься знания о закономерных соответствиях между типами значений фразеологизмов и типами их структур, а также о типах семантических взаимоотношений между фразеологизмами и их

«производящими». Знания такого рода и есть модели образования фразеологизмов» [Бурмистрович, 1971, с. 47]. В трудах его идейных единомышленников возможность моделирования ФЕ также не исключается. И.И. Чернышова называет ФЕ образованиями, которые создаются в языке по определенным структурно-семантическим моделям [Чернышова, 1977, с. 35], к каковым относит, например, аналитические конструкции [Чернышова, 1972, с. 114]. При этом признаётся, что не все группы фразеологизмов (фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, фразеологические образования, моделируемые образования, лексические единства) становятся базой для возникновения идентичных или близких фразеологических единиц [Чернышова, 1977, с. 38].

Н.М. Шанский отмечал, что на моделированные способы оборотообразования фразеологи обращали внимание крайне недостаточно. В его понимании «моделированные фразеологизмы создаются по аналогии с уже имеющимися в языке образцами и появляются в речи первоначально как индивидуально авторские новообразования» [Шанский, 2019, с. 316]. В кандидатской диссертации Е.П. Бережной, выполненной под руководством Н.М. Шанского, научно обоснована зависимость приёмов образования фразеологических неологизмов от структурных особенностей моделей [Бережная, 2005].

Попытку доказать, что фразеологические единицы в ошинских говорах образуются по моделям, осуществила Н.К. Шевцова. Признавая возможность образования фразеологизмов по аналогии, исследователь пришла к выводу, что ФЕ часто образуются по моделям компаративного характера: «Все рассмотренные обороты не имеют внутренней формы, что ещё раз доказывает их моделируемое происхождение. Фразеологизмы, построенные по модели, выступают в своих многочисленных моделях – вариантах» [Швецова, 1980, с. 162]. В диссертации М.Л. Джаграевой предложено следующее понимание моделирования: фразеологическое новообразование в системе языка возникает по продуктивным для этого периода моделям, которые есть чисто

структурные схемы, не наделённые планом содержания [Джаграева, 2009, с. 137].

Конкретные очертания понятие *фразеологической модели* получает в работах С.Г. Гаврина, определившего её как обобщенно-абстрактную конструкцию, на основе которой «развивается фразеологический фонд» [Гаврин, 1976, с. 69, 74]; модель – инвариативное единство семантических констант – появляется в результате «серийного производства» речевых единиц [Гаврин, 1976, с. 59]. Автор формулирует набор общих постулатов: 1) фразеологическая модель – своеобразный механизм, посредством которого создаются однотипные устойчивые сочетания; 2) при анализе фразеологической модели важно знать не только механизмы языка, но и механизмы сознания, продуцирующие мышление; 3) фразеологическую единицу необходимо рассматривать как устойчивую разновидность компликативных сочетаний [Гаврин, 1976, с. 63].

На современном этапе развития фразеологии справедливо признать, что противостояние по вопросу о моделировании ФЕ нивелировалось. Д.О. Добровольский утверждает, что если понимать моделируемость как порождение, то фразеология является немоделируемой субсистемой языка, если же понимать фразообразовательное моделирование как описание, то моделируемость представляется бесспорным фактом [Добровольский, 2016, с. 107]. Аналогичную позицию занимает Н.Ф. Алефиренко: «Поиски моделей велись в плане порождения, и это не согласовывалось с нерегулярностью, избирательностью, непрогнозируемостью фраземы. Сейчас моделируемость фраземы рассматривается в плане описания и является объективной реальностью» [Алефиренко, 2017, с. 49].

Кроме того, в современной исследовательской практике уточнены противоположные направленные тенденции в изучении моделирования. По мнению Е.В. Ивановой, моделирование изучается в разных направлениях: «во-первых, формальное описание структуры, семантики и функционирования языковых единиц, во-вторых построение эталонного

образца или схемы, лежащих в основе формирования структурных или семантических характеристик языковых знаков, в соответствии с которыми эти знаки были образованы и, как правило, могут быть образованы новые, т.е. создание порождающей модели» [Иванова, 2020, с. 427].

В практике получила развитие идея «исследовать структурно-семантические модели не только как схемы описания фразеологических единиц, но и как порождающие модели фраземообразования и фраземопреобразования» [Никитина, 2020, с. 179].

Разрабатываемые в рамках структурализма модели фраземообразования воспринимались как структурные схемы. Наличие «фразеосхемы», т. е. структурного костяка-остова Л.И. Ройзензон считал характерным признаком фразеологизации [Ройзензон, 1961, с. 107]. В фокусе внимания Д.Н. Шмелева оказались отдельные синтаксические конструкции, имеющие фразеологический характер: в этих конструкциях нет лексической неподвижности, но они обладают неизменной схемой построения, в пределах заданных схем допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение [Шмелев, 1977, с. 327 – 328]. Описание одной из таких моделей предложено в монографии Ю.А. Гвоздарева: она представлена в виде формулы «ни А ни Б». Уточняется, что с помощью этой формулы в русской фразеологии передаётся значение неопределенности: *А* обозначает нечто, противопоставленное *Б* [Гвоздарев, 1977, с. 142]. Т.А. Тулина отмечает свойство фразеосхемы – минимальное предикативное построение, позволяющее экономно кодировать смысл: «Что за *N*», «Как бы *Inf*», «Ну и *N*» и т.п. [Тулина, 1976, с. 150].

Признание фразеологами «факта моделированного фраземопроизводства, представляющего собой создание фразеологизмов по аналогии с образцом» [Шанский, 2019, с. 312] сыграло роль «спускового крючка» – во фразеологии начались масштабные разработки различного рода моделей.

В уже упоминаемой работе С.Г. Гаврина предложена интерпретация фразеологической модели, в основе которой лежит рассмотрение ФЕ как устойчивой разновидности компликативных сочетаний, представляющих собой весьма сложную иерархию порождающих инвариантных моделей (числом десять), служащих базой для создания всего многообразия компликативных сочетаний, вплоть до микромоделей [Гаврин, 1976, с. 71]. В соответствии с коммуникативными задачами выделяются типы семантических отношений, эти отношения и определяют основную структуру фразеологических моделей [Там же. С. 63 – 68]. В рамках предложенного подхода фразеологическая модель предстаёт как обобщенно-абстрактная лексико-семантическая конструкция, которая представляет собой «инвариантное единство семантических (или семантических и структурно-грамматических) констант, которое функционирует как самостоятельный языковой механизм, на основе которогоируются <...> компликативные сочетания» [Там же. С. 69].

Большой вклад в разработку вопроса фразеологического моделирования внёс В.М. Мокиенко. Структурно-семантической моделью В.М. Мокиенко называет «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, отражающий относительную стабильность их формы и семантики» [Мокиенко, 1977, с. 43]. В рамках концепции принципиально важно понимание, что возможность структурно-семантического моделирования сохраняется хотя бы минимально в пределах одной системы в рамках литературного русского языка, если имеющаяся модель «продолжает в какой-то степени оживлять утраченные семантические связи между прямыми и переносными значениями» [Там же. С. 54]. При анализе фраземообразовательных процессов необходимо учитывать тематическую группировку и разные типы отношений внутри семантического поля: а) связь на уровне фразеологического значения при различиях мотивировки и структуры; б) связь образа, исходной мотивации, но различие структур;

в) тождество структуры и мотивировки, но различие лексического воплощения – при тематической однородности [Мокиенко, 1979, с. 151].

Образование фразеологизмов по «моделям» как закономерный процесс признаётся В.Н. Телия: в её понимании модель – это «знание» говорящими соответствий определённых типов значений фразеологизмов с их структурными типами [Телия, 1973, с. 28].

Идея интенсивного образования новых ФЕ на базе и по образцу существующих фразеологизмов, близких по сигнификативному значению, получила своё развитие в работах А.Д. Райхштейна: «Фразообразовательное моделирование можно определить как установление типичных корреляций между семантическими инвариантами трёх типов, т.е. между компонентными, ситуационными и фразеосемантическими инвариантами. При этом между инвариантами всех трёх ступеней отсутствует обязательная одно-однозначная связь» [Райхштейну, 1980, с. 66].

С точки зрения Т.Г. Никитиной, перспективным направлением в исследованиях стало выявление фактов моделируемости в сфере фразеологических трансформаций и при образовании новых фразеологизмов [Никитина, 2020, с. 184]. Показательным в этом отношении является сформулированный И.Ю. Третьяковой исходный посыл для классификации ФЕ: «Если под фразеологической моделью понимать фразеологическую единицу – инвариант, а соответствующие в речи (текстах) фразеологизмы как ряд фразеологических вариантов, наполняющих фразеологическую модель, то есть смысл говорить об окказиональном моделировании. Фразеологическая модель – инвариант, становясь «образцом», по сути выполняет роль деривационного основания» [Третьякова, 2009, с. 202].

В последние десятилетия во фразеологические исследования интенсивно внедряются новые идеи и практики. Так, в работах П.С. Дронова используется термин *фразеосхема*, наполненный новыми смыслами, восходящими к дискурсивной лингвистике: фразеосхема – «это устойчивое, воспроизведимое и идиоматическое выражение со структурой словосочетания

или предложения, которая содержит некую переменную, заполняемую в конкретном контексте, и которое построено по регулярной модели и в плане выражения, и в плане содержания [Дронов, 2020, с. 96]. В одной из многочисленных работ, посвященных когнитивной лингвистике, Н.Ф. Алефиренко описывает фреймовое моделирование фраземы. Базисные фреймы проявляют свойства фразеосхем, обладающих семантической автономностью и остающихся значимыми даже без заполнения конкретным материалом. Выделенные базисные фразеологические фреймы становятся «строительными блоками» при конструировании сетевых концептуальных моделей фразеосемантических полей [Алефиренко, 2018, с. 100 – 107]. В монографическом исследовании А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского также уделяется внимание когнитивному моделированию с помощью метаязыка фреймов; эти когнитивные операции элементарны (по мнению авторов, их удобно использовать как отдельные «кирпичики») [Баранов, 2008, с. 227 – 230].

Характеризуя современный этап развития фразеологии, необходимо отметить стремление исследователей к координации процессов моделирования ФЕ с процессами мировосприятия как индивидуального, так и языкового коллектива в целом, что приводит к актуализации когнитивных и лингвокультурологических аспектов проблемы. Например, Т.Л. Павленко говорит о возможности «извлекать» схемы из идиом и превращать эти схемы в устойчивые модели с экспрессивной семантикой [Павленко, 2015, с. 47]. При таком подходе к исследованию фразеологизации за любой моделью стоит человек, которому подвластен «эвристический алгоритм порождения фразеологизмов – процесса, направляемого правилами, но характеризующегося наличием <...> креативности и проистекающей из неё непредсказуемости» [Молчкова, 2013, с. 72].

В.М. Моисеевым рассмотрен процесс образования фразеологизмов на основе прецедентных имён, иллюстрируется нестандартное моделирование ФЕ: «Основным видом когнитивных моделей является сочетание

когнитивного признака, обозначающего объект, и качественно характеризующего данный объект признака. Типичным для данной модели является расширение признака, обозначающего объект до соответствующего гиперонима при сохранении дифференциальных признаков прецедентного имени в виде качественно характеризующих признаков, образующих значение фразеологизма. Семы значения фразеологизмов сформировались в результате интерпретации носителями культуры дифференциальных признаков, образующих ядро данного прецедентного имени» [Моисеев, 2020, с. 71 – 72].

Лингвокогнитивные основы фразеологического моделирования позволяют выявить алгоритмы ментальных процессов познания и означивания мира. Так, Р.Х. Хайруллина и Э.Ф. Сагитова, анализируя такие модели, как «N такие N» (*Девочки такие девочки*) и «N, они такие» (*Мамы они такие*), приходят к выводу, что новые фразеологические единицы отражают ментальные установки и современные социокультурные ценности [Хайруллина, 2018, с. 528].

Следует добавить, что получивший развитие в лингвистических концепциях диалектический метод позволил языковедам на этапе смены научной парадигмы не только разрешить противоречия вокруг фразеологизации, но и открыть новые горизонты исследования столь неоднозначного процесса, как образование ФЕ. По мнению М.Л. Ковшовой, от традиционного этимолого-диахронического моделирования, восстанавливающего процессы фразообразования, исследователи перешли к моделированию, ориентированному на восприятие фразеологизмов и учитывающему положения процедурной и фреймовой семантики [Ковшова, 2016, с. 36].

Признание возможности моделирования ФЕ становится основой для исследования процесса фразеологизации. К настоящему моменту накоплен богатый речевой материал, позволяющий представить процесс образования фразеологизмов как многоаспектный. В.М. Савицкий выделяет в образовании ФЕ 4 аспекта: методологический (разработка принципов и методов

лингвистического моделирования во фразеологии), *генеративный* (выявление правил и моделей порождения фразеологических единиц), *структурный* (выявление и описание эталонов строения групп фразеологических единиц) и *функциональный* (установление способов моделирования действительности в знаковой структуре фразеологических единиц) [Савицкий, 2016, с. 79].

Интерес к фразеологизации отмечен в исследовании разных языков: итальянского (Т.З. Черданская [2019]), испанского (Н.Н. Курчаткина, А.В. Супрун [1981]), немецкого (И.И. Чернышева [1970]), английского (А.В. Кунин [1996]), французского (Г.Г. Соколова [1987]). Обращение к результатам исследований иного языка, по мнению Л.И. Ройзензона, позволяет «подчеркнуть, что процесс фразеологизации проходит в каждом языке по-своему, своеобразно <...>» [Ройзензон, 1961, с. 111]. Изучение фразеологизации привело исследователей к осознанию универсальности её основы (Д.О. Добровольский [2016], А.М. Эмирова [2017]). В условиях цифровой цивилизации фразеологизация подчинена одновременно тенденциям уникального обновления национальных фразеологических фондов и пересечения национальных картин мира (С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина, С.И. Георгиева [2021]).

Подведём предварительные итоги.

1. Понятие фразеологизации разрабатывалось в условиях становления общей теории фразеологии, когда у научного сообщества было больше вопросов, нежели ответов на них, что вполне закономерно привело к полемическим столкновениям. В числе активно обсуждаемых была проблема, связанная с выбором термина для именования самого процесса образования ФЕ. В современной терминосистеме прочные позиции занимает имя *фразеологизация*.

2. В классический и постклассический периоды развития отечественной фразеологии процесс формирования устойчивых единиц рассматривался в свете дихотомии Ф. де Соссюра, в связи с чем безоговорочно разграничивались узуальное и окказиональное образование фразеологизмов,

диахронические и синхронические принципы во фразеологизации. На современном этапе традиционные дихотомии не определяют основной характер исследований.

3. Предметом спора в прошлом веке стали два вопроса: временной фактор в образовании фразеологизмов и возможность моделирования устойчивых единиц. В 90-е годы XX века – в начале XXI века мы стали свидетелями масштабных неологических процессов, анализ которых привел к признанию факта: процесс формирования новых единиц и обретения ими статуса языковых может не быть растянутым во времени. С признанием моделируемости фразеологических единиц исследование процесса фразеологизации становится разноаспектным.

Содержание следующего параграфа составляет попытка осмысления фразеологизации одновременно «как явления, процесса и его результата» [Елисеева, 2000, с. 5].

1.2. Фразеологизация как лингвистический феномен: содержание и этапы процесса, типология, способы образования фразеологических единиц

К изучению фразеологизации, по мнению Л.И. Ройзензона, исследователи приходили независимо друг от друга и «из различных аспектов» [Ройзензон, 1961, с. 101], или областей интереса.

Л.И. Ройзензон одним из первых предлагает достаточно развёрнутое определение феномена: «Фразеологизация – это, таким образом, процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых (т.е. таких, которые не создаются заново, а лишь воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих), относительно устойчивых определенных языковых комплексов. Формально-грамматически эти комплексы могут быть соотносительны с словосочетаниями, с сочетаниями слов или предложениями, и обладают либо индивидуальной

устойчивостью (т.е. устойчивостью данного конкретного образования), либо типологической устойчивостью (т.е. устойчивостью в пределах определенного типа, объединяющего целый ряд однородных структурно-семантически схожих фразеологических образований)» [Там же. С. 114]. Все последующие варианты определения феномена вполне солидарны с этим. Общее представление фразеологизации сводится к пониманию её как процесса образования сверхсловных единиц на базе словосочетаний. По Ю.А. Гвоздареву, фразеологизация – это процесс образования фразеологических единиц, при котором нефразеологическое сочетание слов становится фразеологическим [Гвоздарев, 1977, с. 41]; В.М. Мокиенко отмечал, что «суть фразеологизации – в превращении свободных сочетаний в устойчивые» [Мокиенко, 1977, с. 53]; Н.М. Шанский предполагал, что «по своему существу фразеологизация сводится к тому, что в процессе речевого употребления переменное сочетание слов из творимой, контекстуальной единицы лексико-сintаксического характера превращается в воспроизведимую, готовую единицу строительного уровня языка» [Шанский, 2019, с. 315]; В.П. Жуков акцентирует внимание на внутренних трансформациях, отмечая, что «в процессе фразеологизации, когда словосочетание перерождается во фразеологизм, слова деактуализируются в семантическом отношении, доходя в своем крайнем проявлении этого качества, до потери собственного значения» [Жуков, 1986, с. 114].

Приведённые definиции позволяют заключить, что в 50 – 80-е годы XX в. в исследованиях закрепилось понимание фразеологизации как процесса формирования единицы вторичной (опосредованной) номинации, отличительными признаками которой были воспроизведимость, устойчивость, идиоматичность.

В конце XX – в начале XXI века на новом витке развития научного знания, прежде всего благодаря междисциплинарным исследованиям, намечаются новые подходы к решению вопроса порождения ФЕ.

Так, в лингвокультурологии «фразеологизация трактуется как культурно детерминированный процесс» [Зыкова, 2015, с. 81]. Содержание этого процесса видится И.В. Зыковой следующим образом: «концептуальное содержание, становясь релевантным для процесса фразеологизации, отбирается из разных семиотических областей культуры и комбинируется для построения целостных концептуальных структур – сложных концептуальных моделей, порождающих фразеологические образы и семантику» [Там же. С. 89].

Когнитивистика позволяет увидеть во фразеологизации процесс формирования и языкового выражения новых концептов, рождающихся в ходе познания окружающего мира [Ковалева, 2004, с. 3]. Н.Ф. Алефиренко замечает, что первый опыт осмыслиения когнитивных механизмов фраземообразования был связан с установлением взаимосвязи между фраземообразованием и концептом как основной оперативной единицей когнитивной семантики: «концепт служит стимулом и источником формирования фразеологического значения» [Алефиренко, 2005, с. 21].

Попытка «взаимодействия и взаимовлияния лингвокультурологии и когнитивистики в области фразеологии» расценивается как весьма перспективное направление развития науки [Венжинович, 2013, с. 43]. Вариантом подобной контаминации можно признать концепцию Н.Ф. Алефиренко, основанную на признании, что когнитивная природа фреймов, содержащих лингвокультурную информацию, такова, что они способны выполнять фраземообразующую функцию и при необходимости определяют векторы их окказиональной модификации («Такого рода фреймы как дискурсивно обусловленные когнитивные структуры моделируют культурно обусловленные, канонизированные знания, которые являются общими для всего этнокультурного сообщества» [Алефиренко, 2007, с. 5 – 6].

Обзор научных концепций делает очевидным, что множественная интерпретация понятия «фразеологизация» говорит не только о сложности и неоднозначности рассматриваемого явления, но и иллюстрирует то, как смена

научных подходов в языкоznании открывает новые возможности для решения старых задач.

Зарождение в научной мысли представления о фразеологизмах как о поэтапно создаваемых единицах было сопряжено с разработкой теории ономасиологического процесса во фразеологии, что определило параллельное развитие двух версий: во-первых, образование фразеологизмов было представлено как череда последовательно сменяющих друг друга этапов, во-вторых, рождение фразеологических единиц осмыслилось как процесс ономасиологический, в ходе которого происходило формирование смысловой структуры знаков вторичной (косвенной) номинации.

Традиция описывать процесс фразеологизации, опираясь на теорию номинации, была заложена в трудах Б.А. Ларина и реализована в исследованиях В.Н. Телия, Е.И. Дибровой и др.

В работах Б.А. Ларина фазы / этапы эволюционного превращения свободных оборотов речи (первичная номинация) в идиомы не вычленялись специально, но пунктирно обозначались; следуя логике автора, назовём их ступенями. На первой ступени в качестве исходных рассматриваются сочетания «полные по составу, нормальные по грамматическому строю, прямые по значению»; на второй ступени происходит семантическое обновление «в силу <...> переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению. <...> Параллельно этим семантическим процессам происходит обычно утрата некоторых звеньев фразы <...>»; на третьей ступени меняется грамматическая структура; а на четвертой – «старые устойчивые формулы всё более и более становятся неразложимыми семантически и грамматически <...>» [Ларин, 1977, с. 143].

В более поздних работах идея стадиальности процесса формирования ФЕ получает развитие. В частности, А.В. Кунин писал о том, что количество стадий находится в зависимости от типа фразообразования: образованные в результате фразеологической деривации проходят две стадии (потенциального фразеологизма и фразеологической единицы); для

образованных от переменных оборотов характерны три или четыре стадии, если тот или иной оборот создан автором (авторский оборот → потенциальный оборот → фразеологическая единица; переменное сочетание слов → авторский оборот → потенциальный оборот → фразеологическая единица) [Кунин, 1979, с. 149].

В.Н. Телия называет фразеологические сочетания продуктом косвенной номинации, сфера которой «соотносима с понятием фразообразования, рассматриваемого в номинативно-деятельностном аспекте» [Телия, 1984, с. 44]. Косвенная номинация предполагает такое комбинаторное взаимодействие слов, результатом которого будет ограничение «в совместном выборе слов, для выражения некоторого смысла, заданного в акте номинации» при условии контекстуальной поддержки: «Только в новой, нестандартной, необычной комбинации в значении слова актуализируются и проявляются смысловые компоненты» [Там же. С. 39]. Важно остановиться на ключевых положениях концепции: (1) выбор того или иного слова как компонента, «детерминированного смыслом другого, номинативно опорного компонента, зависит не только от собственного лексического значения переосмыслимого компонента, но и от его коннотативного аспекта»; (2) «переосмысление претерпевает только один компонент, а другой – номинативно опорный – актуализирует коннотации только на уровне категоризации»; (3) слово, претерпевающее переосмысление, «приспособливается к обозначению какого-либо признака опорного наименования», выбор этого слова диктуется «его «предрасположенностью» обозначить признак, характерный для данного опорного слова» [Там же. С. 41 – 43]. Каждое из трёх положений может быть рассмотрено как этап процесса формирования новой единицы.

В исследовании Е.И. Дибровой выделены несколько этапов, отражающих линейное, поступательное движение свободной, первичной номинации в косвенную, фразеологическую. На I-ом этапе единица референтно-денотативна и обладает прямой сигнификацией, которая презентует конкретные, реальные взаимоотношения объектов

действительности и образована обычно словами прямого номинативного содержания. На II-ом этапе единица по-прежнему референтно-денотативная, но ей уже приписывается речевой, окказиональный смысл. III-ий этап характеризует «совмещенную» эволюционную ступень: в роли свободного сочетания единица референтно-денотативна и прямо сигнifikативна; как устойчивый оборот она выступает в косвенно-сигнifikативном значении, интерпретационном по отношению к прямо сигнifikативному. На IV-ом этапе выступает уже собственно ФЕ, утратившая первичную (референтную) основу значения, закрепившая косвенную сигнifikативность значения, но сохраняющая отголоски связей с материальным миром в виде идеальной денотации» [Диброва, 1979, с. 38 – 39].

В работах других исследователей, обращавшихся к решению этой проблемы, можно обнаружить различные варианты представления этапов / стадий процесса образования ФЕ. Так, Л.К. Байрамова представляет этот процесс как закольцованный: свободное сочетание с широкими вариационными потенциями → нормированное литературное употребление с ограниченным количеством вариантов → индивидуально-авторская обработка нормированных фразеологизмов + актуализирующие корреляты → свободное словосочетание [Байрамова, 1990, с. 11].

О.В. Елисеева выделяет в образовании ФЕ три этапа, каждый из которых включает в себя определенные стадии: I. Формирование фразеологического значения в ходе лексико-семантических и грамматических преобразований фразеологизирующегося сочетания. II. Приобретение фразеологизирующими сочетанием категориальных признаков фразеологической устойчивости и воспроизводимости, формирование особых для фраземики синтагматических и парадигматических отношений, вхождение фразеологизирующегося сочетания в систему языка. III. Закрепление фразеологизирующегося сочетания в системе языка в качестве ее номинативной единицы [Елисеева, 2000, с. 8 – 9].

Ещё более дробное описание этого процесса предложено З.Р. Аглеевой, предположившей, что синтаксические конструкции приобретают устойчивость в результате прохождения пяти этапов, каждый из которых в свою очередь членится на фазы: «Первый этап состоит из трёх фаз: а) фиксации языковым сознанием тех свободных синтаксических конструкций, которые могут стереотипно характеризовать повторяющиеся сходные действия, явления или признаки; б) неоднократного употребления зафиксированной единицы или её части для номинации схожих стереотипных ситуаций; в) переноса акцента на явления, отдалённо напоминающие исходное действие или признак», а на завершающем процесс пятом этапе предполагается «вхождение фразеологизированного образования в систему языка, показателем которого служит лексикографическое описание <...>» [Аглеева, 2016, с. 8 – 10].

А.В. Жуков, выстраивая хронологию процесса перехода единицы из одной стадии в другую, оговаривает обязательное наличие «донулевого» этапа, который предшествует, собственно, фразеологизации. Этот условный этап проходят все метафористические сочетания (и будущие реальные фразеологизмы, и потенциальные обороты, и окказиональные устойчивые образования). Часть сочетаний переходит в новое качество – этап узульного употребления. Наконец, последний, завершающий этап преобразования единицы характеризует метафористические сочетания как сформировавшиеся, нормативно устойчивые обороты, полностью ассимилировавшиеся в системе языка, в том числе получившие словарную фиксацию. На последующем этапе своего развития и функционирования в языке и речи фразеологизм постепенно «обрастает» дополнительными системными свойствами (парадигматическими, синтагматическими, коммуникативными, стилистическими и др.), еще более укрепляя свое положение в языковой системе [Жуков, 2018, с. 373].

Возвращение отечественной науки к разработке теории стадиальности процесса образования ФЕ закономерно и, видимо, необходимо для анализа и

прогнозирования развития национальных фразеологических фондов. Глобальная неологизация фразеологического корпуса требует пересмотра сложившейся традиции в описании этапов фразеологизации.

Рассмотренные нами концепции, отражающие представления о фразеологизации как процессе (в том числе и представленные здесь [Никулина, 2005], [Бузарова, 2006], [Сасина, 2007], [Николаева, 2007], [Декатова, 2008], [Молчкова, 2013]), несмотря на кажущуюся вариативность, позволяют говорить о формировании оснований для консенсуса. Фразеологизация представляет собой процесс, развивающийся во времени; процесс этот может быть представлен в виде цепочки последовательно сменяющих друг друга этапов; содержание каждого этапа составляют изменения языковой единицы, проявляющиеся как на уровне формы, так и на уровне содержания.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о типологии фразеологизации.

Процессуальная природа языка определяет динамику лингвистических новаций, в том числе и во фразеологии. Принятое допущение, что процесс образования ФЕ аналогичен процессу рождения слова мотивировало исследователей к постановке новых вопросов: общее и специфическое в процессах слово- и фразеообразования, причины образования ФЕ и др. (перечень актуальных проблем предложен в работе В.Л. Архангельского [Архангельский, 1973, с. 3]).

Фразеологизация нередко описывается по аналогии со словообразованием: вводится термин фразеологическая деривация (см. [Кунин, 1971], [Коротких, 1978; 2015], [Бушуй, 1980], [Денисенко, 1985], [Мелерович, 1986], [Ермакова, 2008]). Так, по мнению С.Н. Денисенко, фразеологическая деривация – один из процессов фразообразования, при котором под влиянием лингвистических и экстралингвистических причин через модификации в семантике, структуре и грамматическом оформлении производящих устойчивых словесных комплексов создаются производные УСК [Денисенко, 1985, с. 54]. Фразеологическая деривация может быть

однократной (единичное соотношение «производящий УСК – производный УСК») и *многократной* (потенциально возможны четырех- и многоступенчатые соотношения); *линейной* (образование идет в одном направлении, одной цепочкой) и *объёмной* (создается пучок образований) [Там же.].

В.Н. Телия предлагает разграничивать *стандартное* (восполнение «пустых клеток» номинативного потенциала слова) и *нестандартное* (за счёт номинативно-комбинаторного способа означивания), а также *деривационно-системное* – «вторичное» – фразообразование (развитие фразеологизмов на базе уже существующих) [Телия, 1973, с. 41 – 43].

В целом, работая над декомпозицией фраземообразования, учёные исходили из общего понимания процесса: некий объект создаётся на базе заданного материала по заданным параметрам. Предполагается, что значительное влияние на процесс оказывает характер материала. Ю.А. Гвоздарев указывает на возможность выделения в русской фразеологии пяти основных типов деривационных баз: 1) отдельные слова, 2) переменные сочетания русской речи, 3) пословицы русского народа 4) фразеологические единицы, 5) иноязычный материал [Гвоздарев, 1977, с. 174]. На основе выделенных «баз» устанавливаются три основных типа процессов:

а) процессы, определяемые термином *фразеологическая интеграция*, т. е. создание оригинальных комбинаций слов, которые ранее не употреблялись в русской речи;

б) процессы семантического преобразования существующих комбинаций слов (например, *фразеологическая транспозиция*, образование новых единиц на базе переменных сочетаний и фразеологических единиц русского языка),

в) процессы, охватывающие изменения лишь формального плана (*фразеологическая модернизация*) [Там же.].

А.В. Кунин говорит о двух основных типах фразеологического переосмыслиния, при этом в основу разграничения положен характер переосмыслиния, специфика обозначения объектов:

1) *переосмысление при вторичной номинации*: путём простого переосмыслиния образуются ФЕ, прототипами которых являются переменные единицы – метафористическое переосмыслиние самое распространённое; при сложном переосмыслинии авторских оборотов всегда имеется осложняющий фактор (немотивированность значения ФЕ, ассоциации с экстраглавионическими факторами в качестве предварительного звена прототипа);

2) *переосмысление при третичной номинации*: единицы образуются путём переосмыслиния: а) предшествующего варианта, б) от единиц вторичной номинации, в) от переосмысленных индивидуально-авторских оборотов; г) в процессе окказионального преобразования факта вторичной номинации [Кунин, 1996, с. 74 – 79].

В работах Е.Н. Ермаковой также выделены два типа фразеообразования: *внешнему фразеообразованию* (на базе свободного словосочетания) противопоставлено *внутреннее* (образование нового фразеологизма на базе уже имеющегося в языке фразеологизма), в ходе которого «производная единица приобретает новое индивидуальное значение, как правило, новые грамматические свойства» [Ермакова, 2006, с. 102 – 103]. Е.С. Рябцева использует тот же классификационный критерий, выделяя *экстраглавионический* и *интраглавионический* пути образования ФЕ [Рябцева, 2021, с. 19 – 20].

Стихийный и масштабный процесс обозначения новых реалий мира средствами вторичной косвенной номинации реактивизировал интерес фразеологов к фразеологизации. Опираясь на опыт предшественников, учёные стремятся охватить «живой» и нестандартный фразеологический материал, который, как и любое новообразование, о чём пишет Г.Н. Скляревская, только «производит впечатление лингвистического хаоса», не являясь таковым

[Скляревская, 2001, с. 202]. Детальный анализ процесса образования новых фразеологизмов призван внести ясность в том числе и в представление о типах фразеологизации.

К числу традиционных справедливо отнести интерес исследователей новейшего времени к способам / механизмам образования ФЕ (см. [Макарова, 2010], [Васильев, 2011], [Соболева, 2015], [Савченко, 2016], [Глотова, 2019] и мн. др.). Значительный в объёме перечень способов образования фразеологических единиц (включает 17 наименований) был составлен ещё В.Л. Архангельским (см. [Архангельский, 1973, с. 7]). Большая часть выделенных способов были описаны в классификациях фразеологов разных поколений (см. Приложение А).

Выделенные в рамках различных подходов способы образования ФЕ можно разделить на две группы: первую составят способы, связанные с *тропеизацией* (метонимические и метафорические способы семантической деривации), вторую – с *трансформацией* (изменение основной языковой модели – ядерной структуры, приводящее к созданию вторичной языковой структуры [Розенталь, 1985, с. 325]). При этом тропеизация, или семантическое преобразование общего значения свободного сочетания слов, признаётся первопричиной при образовании ФЕ в большинстве концепций (обзор концепций, развиваемых в рамках ведущих научных школ во второй половине XX в., представлен в таблице 1).

Таблица № 1

Тропеизация как способ образования ФЕ: варианты интерпретации

Фразеологическая школа	Период	Персоналии	Интерпретация тропеизации
Ленинградская	1972	А.И. Молотков	«Основная масса фразеологизмов языка образуется из реально возможных, «логичных» по смыслу словосочетаний путем переосмыслиния их».

Продолжение таблицы 1

	1973	И.А. Федоров	«Абсолютное большинство фразеологизмов современного русского языка возникли из свободных словосочетаний с метафорическим содержанием».
	1977	Б.А. Ларин	«Исходными оказываются свободные обороты речи, полные по составу, нормальные по грамматическому строю, прямые по значению. Семантическое обновление наступает обычно в силу всё более вольного, переносного употребления: от конкретного к абстрактному».
	1990	В.П. Фелицына В.М. Мокиенко	«<...> генезис фразеологизмов <...> представляет собой приобретение свободным словосочетанием переносного, метафорического значения <...>».
Московская	1988	В.Н. Телия	«<...> метафоризация является универсальным средством пополнения языкового инвентаря, формирующегося в процессах вторичной номинации <...>».
Новгородская	1968	В.П. Жуков	(ФЕ) «В большинстве случаев возникают на основе метафоризации».
Тульская	1972	В.Л. Архангельский	«<...> процессы метафоризации и образования синтетических по значению ФЕ на базе свободных словосочетаний».
Самаркандская	1972 1975	Ю.Ю. Авалиани А.М. Эмирова	«Основным способом образования ФЕ является <...> семантическое обновление (переосмысление) свободного сочетания слов, которое наступает в результате различных семантических процессов»; «<...> перенос, основанный на сходстве тонких и часто переплетающихся ассоциаций, метафоризация, гиперболизация признака, перенос по сходству форм, функций».

Продолжение таблицы 1

Ростовская	1977	Ю.А. Гвоздарев	Для описания путей и типов образования ФЕ наиболее важны процессы переноса значений. <...> можно выделить три вида представления этих явлений: а) непосредственное представление, когда языковая единица есть собственный знак данного явления; б) опосредованное представление, когда языковая единица представляет данное явление на основе ассоциации по связи (метонимическое представление); в) опосредованное представление, когда языковая единица представляет данное явление на основе ассоциации по сходству (метафорическое представление)».
------------	------	----------------	---

Как можно заметить, фразеологами второй половины XX века метафора, как и иные способы переноса наименования, рассматривается в рамках ономасиологического направления, как акт вторичной номинации (об этом выше). В концепциях новейшего времени, развиваемых в условиях доминирования когнитивного и линвокультурологического направлений, также признаётся роль метафоры в организации внутренней формы фразеологизмов: «Процесс идиомообразования – это вовлечение сочетания слов в метафору (или другой троп)» [Телия, 1996, с. 60]. Так, в монографии В.Е. Щербины семантическое преобразование значения свободного сочетания слов на основе разных переносов, расширений, абстрагировании, обобщении значений признаётся основным способом образования ФЕ [Щербина, 2008, с. 55]. А.П. Васильев отмечает роль метонимии в процессе образования ФЕ и демонстрирует, как метонимические модели участвуют во фразообразовании [Васильев, 2020, с. 328 – 330].

Изучение трансформаций как способа образования ФЕ также имеет свою историю. Уже во второй половине XX в. в отечественной фразеологии было поставлено под сомнение представление о неизменности структуры изучаемого материала: разнообразные модификации внутреннего и внешнего

состава фразеологизмов, в результате которых получали право на жизнь варианты и окказиональные единицы, функционировали в речи наряду с кодифицированными. Ю.А. Гвоздарев так охарактеризовал эту «двойственную» ситуацию: «Преобразование фразеологических единиц и возникновение на их базе новых, не исключают эти единицы из фразеологической системы, они продолжают жить в языке, вступая в определенные фразообразовательные отношения с новыми единицами» [Гвоздарев, 1977, с. 174].

Первая попытка детальной характеристики контаминации как способа трансформации ФЕ принадлежит Л.Н. Ройзензону и И.В. Абрамец, размежевавшим *слияние* (скрещивание) ФЕ и *линейное соединение* (присоединения и включение) и предложившим дробную классификацию каждого из вариантов [Ройзензон, 1977, с. 105 – 107]. Авторы приходят к важному для нашего исследования заключению, что, во-первых, получившиеся в результате манипуляций единицы, как правило, не выходят за пределы индивидуально-авторских преобразований, и, во-вторых, лишь некоторые из них войдут в широкое употребление.

В.Ф. Мейеров приходит к прямо противоположному заключению, утверждая, что «анализ извлеченных фразеологических дериватов даёт возможность вскрыть «деривационные потенции» исходных ФЕ <...> собственно языковой семантический фон создаётся из возможных деформаций этих ФЕ» [Мейеров, 1972, с. 229]. В концепции этого новосибирского учёного каждая ФЕ как структурная единица языка предстает в двух ипостасях – в исходной форме и в разнообразных реализациях, которые распадаются на два самостоятельных типа. К первому типу относят парадигматические формы фразем и устойчивых фраз, возможные в пределах одной ФЕ (акцентологические, морфемные, словообразовательные варианты), к которым «<...> примыкают варианты ФЕ, возникающие в процессе оборота и фразообразования: дублетные (с лексическими заменами) и квантитативные. Ко второму (переходному) типу относятся случаи, когда наблюдается

изменение синтаксической структуры, которая не вызывает новых значений, но приводит к грамматической трансформации, нарушающей тождество ФЕ («осколочные» фразеологизмы – *крокодиловы слезы*; редукция глагольного компонента – *слон из муhi, синица в руках*; именные обороты с грамматической перестройкой глагольного компонента – *ловля журавля в небе*; глагольные усеченные обороты, разрушающие связи именных компонентов, – *предпочесть синицу в руках* и др.) [Мейеров, 1972, с. 227 – 229].

Пристальное внимание к трансформациям ФЕ позволило исследователям выделить несколько частных способов фразеологизации: контаминация, создание по аналогии, конверсия, эллипсис, замена компонентов и др. Вне «стандартного набора» трансформаций могут быть названы структурная деформация (использование пунктуационно-синтаксических средств) [Авина, 2020], создание антипословиц [Орлова, 2017].

Самой дробной на сегодняшний день является классификация разрядов индивидуально-авторских преобразований ФЕ в русской речи, предложенная авторитетными фразеологами А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [Мелерович, 2016, с. 166]. По убеждению авторов классификации, индивидуально-авторские преобразования ФЕ генерируются неисчисляемой комбинаторикой проявлений формы и содержания в тексте. Вопреки устойчивости ФЕ «этая комбинаторика динамизирует фразеологическую систему, разрушает стереотипизированную структуру и семантику, способствуя тем самым неологизации и индивидуализации общего» [Там же. С.151 – 166].

Завершая проблемный анализ теоретических концепций в области фразеологии, отметим, что круг проблем, к которым не ослабевает исследовательское внимание, остаётся прежним. Но на каждом новом этапе развития ключевым оказывается вопрос, задаваемый «извне». Неслучайно, думается, новый виток развития фразеологии связан с лингвокультурологией и концептологией. Развитие информационной среды стало причиной

стремительного обновления фразеологического состава русского (и не только русского) языка. В фокусе внимания исследователей оказался сам процесс – продуцирование новообразований и закрепление их в узусе. Результаты анализа этого процесса представлены в следующих параграфах.

1.3. Неофразеологизация и неофразема на новейшем этапе формирования фразеологического фонда русского языка

Подвижность фразеологического состава языка, наблюдаемая на современном этапе, стала причиной повышенного интереса к неофразеологии: изучается процесс порождения и функционирования фразеологических неологизмов, анализируются их структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики. Неуправляемость и непредсказуемость объёма неофразеологического потока, отмечаемые исследователями, обусловили необходимость в идентификации новых единиц и в размежевании двух процессов – фразеологизации и неофразеологизации.

В исследованиях новейшего периода получил распространение термин *неофразеологизация*, не имеющий пока единого толкования, что позволило В.М. Мокиенко говорить об «узком» и «широком» изучении фразеологической неологии [Мокиенко, 2019, с. 137].

Для большей части исследователей приоритетным оказался «узкий» подход. При этом и в рамках «узкого» подхода возможны расхождения в понимании сути процесса. Так, Л.П. Гашева понимает неофразеологизацию как «сознательное изменение автором в поэтическом дискурсе узульной фразеологической единицы, ее трансформацию как с формальной, так и содержательной (семантической) сторон с целью создания индивидуального, отличного от другого поэтического образа или с целью достижения уникального по своей выразительности стилистического эффекта, выражающих эстетическое кредо автора» [Гашева, 2006, с. 193]. В подобном же ключе рассматривает неофразеологизацию Е.А. Федоркина,

акцентирующая внимание на стремлении автора усилить экспрессивные, эмотивные и изобразительные возможности ФЕ [Федоркина, 2006, с. 10]. В каждом из вариантов неофразеологизация соотносится с конкретным субъектом речи и наделяется специфической коммуникативной функцией (стилистической, эстетической, эмотивной – в различных сочетаниях). Отказ от строго «субъективного» подхода к исследованию процесса характеризует концепцию Г.Н. Абреимовой (тоже «узкий» подход): «<...> процесс обновления устойчивых, семантически цельных единиц, отражающих национальное своеобразие истории, мышления, психики, духовного мировоззрения русского человека» [Абреимова, 2006, с. 162]. Объединяющим для «узкого» подхода становится признание возможности пополнения фонда фразеологизмов почти исключительно за счёт обновления имеющегося набора ФЕ. В.М. Мокиенко подобный подход к фразеологической инноватике относит к неперспективным [Мокиенко, 2019, с. 137].

Альтернативу ему представляет «широко» ориентированное направление, которое «даёт возможность взглянуть на фразеологические неологизмы и интерлингвистически, и интердисциплинарно» [Там же.]. Согласно В.М. Мокиенко, неофраземы представлены двумя основными типами: «неофраземы (созданные заново или заимствованные из других языков, не зарегистрированные толковыми словарями) и фразеотрансформы (фразеологизмы, модифицированные структурно и / или семантически в новых социокультурных условиях)» [Мокиенко, 2022, с. 83].

Созданная в отечественной фразеологии теоретическая база (рассмотрена нами в предыдущих разделах) позволяет говорить о готовности к исследованию неообразований, однако в практике описания и классификации неофразем обнаруживаются проблемные зоны.

В.М. Мокиенко отмечает, что исследование неофразем находится в прямой зависимости от Времени, которое постоянно расширяет «копилку» собранного, обобщенного и подвергнутого лексикографическому описанию материала [Мокиенко, 2019, с. 138]. Кроме того, нерешёнными остаются

вопросы, с которыми неизбежно сталкивается исследователь, обратившийся к описанию новых фразеологических единиц:

- 1) Каковы критерии новизны?
- 2) Чем обосновываются хронологический разбег и границы неологичности?
- 3) Каким образом были исключены вариантность, окказиональность и индивидуальность? [Там же.]

Как известно, языковая система адаптирована и к «внедрению» нового или чужеродного слова, и к перемещению единиц из активного в пассивный запас, но с таким «наплывом» инновационного материала и масштабом обновления фонда ФЕ, каковой наблюдается в последние десятилетия, лингвистика ещё не сталкивалась. На этом фоне, как дополнительный фактор, отмечается критически низкий уровень востребованности в дискурсивных практиках традиционных паремий и фразеологизмов. В сложившейся ситуации вполне понятно стремление фразеологов уточнить содержание понятий – *неофразеологизация* и *неофразема*.

Несмотря на относительную новизну термина *неофразема*, положенное в его основу содержание имеет достаточно прочную теоретическую базу, разработанную в рамках изучения лексических неологизмов. При этом «само понятие неологизма постоянно дискутируется, меняется и корректируется, что отражается как на объёме, так и на качестве соответствующего материала и его обработки» [Мокиенко, 2022, с. 60]. В рамках «постоянной корректировки» расширяется набор вводимых в научный оборот номинаций, часто вступающих в синонимические отношения: *неофразема* (В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, О.В. Григоренко, А.Н. Столярова и мн. др.), *фразеологический неологизм*, или *ФЕ-неологизм* (С.Г. Шулежкова), *потенциальная фразема* (Л.Н. Чурилина), *потенциальные фразеологизмы* (В.В. Цицкун), *новый фразеологизм* (О.А. Давыдова), *фразеологические инновации* (Е.В. Ганапольская) и др. По мнению болгарского исследователя С.И. Георгиевой, «между этими понятиями в лингвистике не проводится

чёткой границы. У них общая сема ‘новизна’» [Георгиева, 2021, с. 50]. Однако критерий *новизны* не имеет достаточно жесткого ограничения, что подтверждает проведённый нами дефиниционный анализ, материалом для которого стали словари новой фразеологии и научные публикации авторов этих словарей. Направление анализа дефиниций было определено доминантными критериями неологичности: хронологический диапазон, показатель новизны, фразеологический материал. Результаты анализа нашли отражение в материалах таблицы 2.

Таблица № 2

Актуальные показатели неологичности сверхслововых единиц

Персоналия	Потенциальный состав ФЕ	Показатель новизны	Временные рамки
В.М. Мокиенко	– созданные заново; – трансформы известных ФЕ; – заимствования.	– новые по форме; – новые по содержанию; – новые по форме и содержанию.	Конец 80-х XX в. – 2000- 2020 гг.
С.Г. Шулежко- ва Л.Н. Чурилина	– созданные на основе собственных языковых ресурсов; – заимствования: кальки, полукальки, непереведенные адаптированные выражения; – активизированные выражения из периферийных подсистем.	– вербализация нового знания в структуре концептов; – трансформация традиционных концептов.	Рубеж XX в. – XXI в.
А.В. Жуков М.Е. Жукова	– описательные выражения, перифразы; – журнально-газетные клише; – литературные цитаты; – фразеологические эвфемизмы; – фразеологические жаргонизмы.	– «фразеологический вкус» нашего времени.	Верхняя граница – второе десятилетие XXI в.
М.С. Доброда	– «классические фразеологизмы»; – перифразы, коллокации и устойчивые обороты неэкспрессивного характера (в том числе терминологические и квазитерминологические; – эрративные устойчивые выражения; – фразеологические варваризмы.	– актуальность для современной речи (верификация по текстам СМИ и интернета).	1991 – 2021 гг.

Продолжение таблицы 2

Н.В. Баско	– описательные выражения, перифразы; – газетные клише; – фразеологические эвфемизмы; – жаргонизмы.	– новизна и свежесть ощущается говорящим.	Начало 90-х годов XX века – настоящее время.
Е.В. Ганапольская	– фразеологические инновации, в том числе окказиональные единицы и трансформы известных фразеологизмов; – жаргонная фразеология; – пословицы; – крылатые выражения.	1) новизной обладают: – форма и содержание; – только форма; – только содержание; 2) новизна определяется относительно временного периода и сферы употребления.	Конец XX – начало XXI в.

Анализ предложенных авторами лексикографических изданий дефиниций термина *неофразема* позволяет заключить:

- разного рода интерпретации *нового* во фразеологии определяются объёмом и характером отобранного для словаря материала;
- временные рамки в значительной степени совпадают, варьируется левая граница;
- в процедуре отбора существенную роль играет субъективный фактор («языковое чутьё» исследователя); авторы рассмотренных словарей «новой фразеологии» являются сторонниками «широкого» подхода к материалу;
- наблюдаемые расхождения в понимании неологичности свидетельствует об открытости вопроса и необходимости уточнения критерия *новизны* во фразеологии.

Включение в число объектов исследования новой единицы предполагает уже на начальном этапе формирование перечня её признаков. Предваряя рассмотрение признаков неофраземы, сошлёмся на разделяемое нами мнение двух авторитетных фразеологов: В.М. Мокиенко, заключающего, «"идеальных" неологизмов нет, потому что их оценка как неологизмов обусловлена многими факторами и субъективной оценкой носителей языка»

[Мокиенко, 2022, с. 135]; и С.Г. Шулежковой, призывающей исследователей не пренебрегать «ни одним из разрядов этих единиц, потому что каждая из них для вдумчивого лингвиста – “осколок общей правды” о времени и о людях, которые в нём живут» [Шулежкова, 2021, с. 20].

Эти два тезиса определили направление обзора теоретического материала: сформировавшиеся к настоящему времени подходы к описанию неофразем приводятся не с целью выстроить оппозиции, но для того чтобы представить некое «совокупное мнение». Результаты сопоставительного анализа теоретических положений, формирующих представление о признаках неофраземы, нашли отражение в таблице 3.

Таблица № 3

Категориальные признаки неофразем

Страна	Персоналии	Признаки						
		Неоднословность / раздельнооформленность	Семантическая цельность/полное или частичное переосмысление	Устойчивость	Воспроизводимость (динамизация)	Экспрессивность	Образность	Незафиксированность в традиционных словарях
Россия, Германия	В.М. Мокиенко Х. Вальтер	0	+	+	+	+	0	+
Россия	С.Г. Шулежкова	+	+	+	+	0	0	+
Белоруссия	А.Н. Столярова	+	+	+	+	0	+	+
Болгария	Б.Т. Тенчева	0	+	+	+	0	0	+

Результаты сопоставительного анализа позволяют сделать некоторые выводы.

1. К неофраземам применяется традиционный для фразеологических единиц набор критериев – неоднословность, семантическая

цельность / полное или частичное переосмысление исходного словосочетания, устойчивость и воспроизведимость.

2. При этом образность и экспрессивность не включаются в число категориальных признаков неофраземы, «полуфразеологический статус» этих единиц объясняется близостью к терминам и перифразам [Мокиенко, 2022, с. 85]. С.Г. Шулежкова отмечает, что для современной фразеологии характерен «взгляд на фразеологизм как на сверхсловную языковую единицу, которая не всегда обладает идиоматическим значением» [Шулежкова, 2020, с. 66].

Подобный подход к единице фразеологической системы не является новым; в частности, отказ от критерия «идиоматичность» как обязательного характерен для работ И.А. Мельчука, предложившего исходить из того, что «сочетание может быть устойчивым (иметь высокую степень устойчивости), не будучи идиоматичным, или наоборот», и выделившего четыре возможных типа сочетаний: 1) устойчивые идиоматичные, 2) устойчивые неидиоматичные, 3) неустойчивые идиоматичные, 4) неустойчивые неидиоматичные [Мельчук, 1960, с. 79]. К последней группе учёный отнёс свободные сочетания и несвободные, оговорив, что ряд несвободных сочетаний представлен неоднотипными соединениями слов, выделяемых на основе интуитивных представлений, нуждающихся в точных определениях [Там же. С. 80]. Идеи И.А. Мельчука оказались востребованными в изучении неофразем, которые рассматриваются как не обладающие в большинстве своем идиоматичностью [Столярова, 2020, с. 170] или как «образованные от свободных сочетаний слов без какой-либо семантической трансформации своих компонентов, с так называемой нулевой идиоматичностью» [Васильев, 2011, с. 70]. При этом основа идиоматичности – невыводимость, немотивированность – не характерна для неофразем, «так как <...> их семантическая нагруженность легко идентифицируется носителями языка, которые находятся в актуальном информационном пространстве» [Столярова, 2020, с. 170]. Допущение наличия у выражения внутренней формы без

образности поддерживается в работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского; при описании ФЕ они выделяют два варианта взаимозависимостей: 1) внутренняя форма слабее актуального значения (либо отсутствует, либо воспринимается носителями языка по-разному); 2) актуальное значение элементарно, а внутренняя форма образует существенную часть плана содержания [Баранов, 2009, с. 22].

Отметим, однако, что отказ при характеристике неофразем от критериев идиоматичности и экспрессивности разделяется не всеми исследователями. Так, о критерии *семантическая и функционально-стилистическая пластичность* упоминается в [Жуков, 2020, с. 298]; на *обладание повышенной экспрессивностью и усложненной культурными смыслами коннотативностью* указывается в [Алефиренко, 2014, с. 5].

3. На сугубо формальный признак – отсутствие в традиционных фразеологических словарях – как отличительный признак неофразем указывается во всех рассмотренных дефинициях. Однако нельзя не признать «временность» этого признака. Учитывая возрастающее число попыток лексикографического описания новообразований, С.Г. Шулежкова и С.И. Георгиева считают необходимым уточнить: фразеологические неологизмы не зафиксированы в традиционных фразеографических изданиях, но в то же время некоторые из них попали в словари новых слов и устойчивых выражений [Георгиева, 2020, с. 22].

Набор специфических признаков, приписываемых неофраземам, не исчерпывается отражёнными в таблице. Рассмотрим некоторые наиболее частотно выделяемые в предлагаемых дефинициях признаки.

Исследователи обращают внимание на способность новообразований быть *маркерами повседневности*: вступающие в комбинаторику единицы отражают значимые для носителей языка реалии жизни и культуры [Каленова, 2020, с. 97 – 98]. На признании значимости для неофразем временного, или ситуативного фактора, основан такой их признак, как *хронотопная социокультурная маркированность*: когда семантика неофразем формируется

реальной действительностью, они становятся приметами времени [Григоренко, 2018, с. 153]. Использование в обоих случаях лексемы *маркированность* может навести на мысль о тождестве именуемых понятий, однако речь идёт, как нам видится, о разных свойствах неофразем. В первом случае – *маркированность* понимается как запуск механизма оценки: наблюдаемый, познаваемый мир пропускается через непосредственное или опосредованное восприятие субъекта. Именно это свойство неофразем имеет в виду Л.А. Бессонова, когда пишет, что «в неофраземах языковая картина мира представлена призмой, «интерпретирующей мир в соответствии с мировидением носителей языка» [Бессонова, 2012, с. 303]. Во втором случае –*маркированность* имеет объективные основания, она представляет собой как бы фотографически точный срез того времени и пространства, в которых находится говорящая личность, как «снимок», отражающий общий взгляд, но допускающий личную оценку наблюдаемого.

Апелляция к субъекту, времени и месту (ситуативность) фиксируется в многочисленных вариациях именования признаков неофраземы: *понятность носителям языка и быстрая распространяемость* [Малински, 1992, с. 68], *зависимость от контекста их порождения* [Гатауллин, 2016, с. 92], *нахождение в актуальном информационном пространстве* [Столярова, 2020, с. 170], *неограниченная возможность дискурсивных перемещений* [Синельникова, 2016, с. 283] и др.

Завершая обзор выделенных в исследовательской практике признаков и свойств неофразем, следует подчеркнуть, что на сегодняшний день не существует единого закрытого перечня дифференциальных признаков сверхсловных новообразований, как и нет, по признанию некоторых фразеологов, «чётких принципов разграничения современных и устаревших идиом», а в качестве критерия при формировании словников используется собственная интуиция [Баранов, 2022, с. 141].

Вопрос о категориальных признаках неофразем непосредственно связан с вопросом о разработке принципов их классификации.

В качестве основания для классификации могут быть использованы различные признаки. Л.Н. Чурилина к числу наиболее очевидных относит: сходство на уровне компонентного состава; сходство на уровне коннотаций; сходство на уровне ситуации; сходство на уровне образных основ [Чурилина, 2021, с. 37].

Наибольшее распространение сегодня получила функциональная классификация, основанная на критерии «сфера бытования». Так, С.И. Георгиева выделяет следующие группы фразеологических неологизмов: общественно-политическая сфера; социально-экономическая сфера; сфера науки и техники; сфера спорта; военное дело; сфера быта [Георгиева, 2021, с. 57 – 63]. Определив социум как доминантную зону неофразеологического пространства, О.Е. Чернова различает подгруппы, в совокупности дающие представления об этой сфере. Неофраземы отражают составляющие социальной жизни: образовательную и воспитательную; медицинскую; культурную; социальное обеспечение; социальные контакты [Чернова, 2021, с. 104 – 105]. Авторский коллектив «Русско-болгарского словаря фразеологических неологизмов конца XX – начала XXI века» делит сверхсловные неологизмы на несколько групп, среди которых объединения неофразем, появившихся в ответ на какие-либо события, например: родившиеся в военной сфере или связанные с памятью о Великой Отечественной войне; возникшие в процессе борьбы с терроризмом; наименования массовых протестных движений на постсоветском пространстве и в странах третьего мира на рубеже XX – XXI в. [Русско-болгарский словарь..., 2021, с. 4 – 5].

В качестве критерия при классификации неофразем нередко используется и традиционный набор функций языковых единиц. Неофраземы объединяются в группы на основе выполняемых функций: *номинативная* (неофраземы появляются в языке, чтобы удовлетворить потребности языкового сообщества в наименовании новых явлений [Баско, 2017, с. 421 – 422]), *оценочная* (оценка актуальных смыслов эпохи [Шипицына,

2014, с. 58]), *коммуникативно-прагматическая* (позволяют минимальными языковыми средствами добиться максимального эффекта [Столярова, 2020, с. 188]). На этом же принципе основана классификация новообразований, предложенная А.М. Эмировой [Эмирова, 2020].

В.М. Мокиенко и Х. Вальтер, рассмотрев образцы русской и немецкой фразеологической неологии, также приходят к выводу о необходимости различать две группы: 1) *семантико-функциональные неологизмы* (группа рождена динамической потребностью обозначать собственно новые явления и факты, здесь встречаются обороты, в которых оценочный элемент преобладает над чисто номинационным); 2) *стилистико-функциональные неологизмы* (группа рождена потребностью экспрессивной «перезарядки», необходимостью иными языковыми средствами обозначать старые факты и явления) [Мокиенко, 2020, с. 67 – 68].

В основу классификации неофразем может быть положен такой социальный критерий, как «возрастная группа» [Помыкалова, 2006], выделены: фразеология «старая новая» и фразеология «новейшая новая». В представлении В.М. Мокиенко, первая «обладает признаками новизны у носителей русского языка старшего поколения, а вторая рождается в речи младшего поколения и в современных средствах массовой информации» [Мокиенко, 2022, с. 139].

Последний критерий опосредованно связан с традиционным для лингвистики противопоставлением – интра- / экстралингвистические причины. Принцип дуальностиложен в основу при описании факторов неофразеологизации: интралингвистические и экстралингвистические причины обеспечивают динамику в среде фразеологических новообразований.

К внутриязыковым причинам относят: ослабление противоречия между потребностями мышления и ограниченными лексическими (вербальными) ресурсами языка [Солодилова, 2011, с. 13]; закон экономии, закон аналогии, закон дифференциации; тенденция к экспрессии, реализуемой метафоризированным термином [Москвина, 2008, с. 8]; стремление к

обобщению, потребность дать общее родовое понятие однотипным событиям, явлениям, вещам, понятиям и потребность в новых, образных, эмоционально-экспрессивных обозначениях известных явлений [Шулежкова, 2008, с. 527]; закон решения противоречия [Столярова, 2020, с. 114].

Разумеется, действие законов внутреннего развития языка не осознаётся рядовым носителем языка: в дискурсивных практиках распространность той или иной неофраземы зависит от решаемых коммуникативных задач, зачастую субъект воспроизводит готовую неофразему, частотно встречающуюся в речевых практиках.

Внешние причины гораздо чаще выступают в роли «спускового крючка», среди таковых: фоновые культурные знания интернет-пользователей и социальные процессы, вызванные особенностями функционирования глобальной компьютерной сети [Хайдарова, 2011, с. 7]; появление новых лидеров, общественных деятелей, чьи идеи и взглядыозвучны идеям и взглядам больших социальных групп [Шулежкова, 2008, с. 526]; разнообразные изменения в политической обстановке в стране и мире [Викторина, 2014, с. 38]. Н.Ф. Алефиренко предложен развёрнутый перечень экстралингвистических факторов, обеспечивающих возникновение новых фразем: 1) общественно-политические события; 2) урбанизация; 3) юридические и криминогенные ситуации; 4) события культурно-просветительского характера; 5) социально-психические факторы [Алефиренко, 2008, с. 30 – 31].

Мотивированный внутренними или внешними причинами, процесс образования новой единицы может обретать различные формы:

– *дeterminологизация*: «устойчивые выражения, характерные для определенной сферы деятельности, получают известность благодаря открытости институциональных дискурсов, популяризации профессионального мастерства, знания, ремесла» [Малински, 1992, с. 68];

- *цитирование*: «песенный репертуар, речь героев киноиндустрии, язык рекламы, высказывания современных общественных деятелей, политиков, спортивных комментаторов» [Откидач, 2017, с. 130];
- *метафоризация*: «приобретение целостного метафорического значения, несводимого к сумме значений компонентов» [Шипицына, 2010, с. 211];
- *жаргонизация*: «высокая повторяемость слова, пришедшего из жаргонной речи» [Давыдова, 2019, с. 59];
- *калькирование*: «большая часть небывалого наплыва неологизмов – это сверхсловные заимствования, представляющие собой кальки, полукальки» [Михин, 2021, с. 522].

В числе новых механизмов фразеологизации исследователями называются: *фразеологическая импровизация* («говорящий стремится освежить высказывание <...>, создавая оригинальные образные средства на основе актуальных для современности образах» [Ермолаева, 2020, с. 10]), *аллюзия* (неофразема «содержит намек, скрытую или прямую отсылку к известным литературным, историческим или мифологическим фактам» [Столярова, 2020, с. 28]). Новизна выявленных механизмов заключается, по преимуществу, в терминах, поскольку первый процесс традиционно именуется «языковой игрой», а второй – «прецедентным феноменом».

Подытожим: проблемы фразеологической неологики не ограничиваются рассмотренными в параграфе вопросами. Не менее актуальной является задача реконструкции неофразеологизации как процесса.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

К числу основных задач, решаемых на начальном этапе исследования, относилось обобщение разрабатываемых на разных этапах формирования отечественной теории фразеологии представлений о сущности процесса образования ФЕ.

В ходе аналитического обзора теоретических концепций мы пришли к следующим выводам.

1. Процесс образования ФЕ, или фразеологизация, в большинстве исследований представлен как поэтапное превращение свободных словосочетаний в несвободные. Наибольшее распространение получило разграничение двух вариантов фразеологизации: образование новой единицы на базе свободного словосочетания и на базе имеющегося в языке устойчивого оборота. Стремление к более детальному рассмотрению процесса линейного продвижения будущего фразеологизма от стадии к стадии связано с описанием наблюдаемых изменений единицы как на уровне формы, так и на уровне содержания: пути трансформации единиц получили подробное описание в классификациях представителей разных школ и разных поколений фразеологов. На современном этапе в рамках междисциплинарных исследований фразеологизация рассматривается как процесс построения сложных концептуальных структур.

2. Цифровое пространство, понимаемое как виртуальное взаимодействие пользователей интернета и информационных платформ, становится сегодня средой рождения, распространения и функционирования новообразований. Благодаря особым характеристикам этого нового пространства (интерактивность, динамичность, интертекстуальность) оно оказывается идеальным топосом для дискурсивных практик.

3. Изменение коммуникативной среды оказывает влияние на масштабы неологических процессов в языке. Наблюданная активизация процесса рождения сверхсловных новообразований привела к необходимости размежевания в исследовательской практике двух процессов – *фразеологизации* и *неофразеологизации*. Термин *неофразеологизация* не получил на современном этапе единого толкования. Ключевым для понимания этого процесса и для отграничения его от *фразеологизации* как «родового» термина можно признать фактор времени: процесс образования новой единицы (неофраземы) доступен для прямого наблюдения (в том числе и

благодаря особенностям цифрового коммуникативного пространства). На обширном речевом материале детально исследуются сегодня различные формы процесса неофразеологизации: детерминологизация, метафоризация, жаргонизация, цитирование, калькирование и др. При всём разнообразии форм неофразеологизация представляет собой единый процесс, продуктом которого является неофразема – единица с неопределенным статусом (единица речи, единица языка).

4. Относительно недавно вошедший в научный исследовательский дискурс термин *неофразема* включён сегодня в синонимические отношения с другими номинациями неологии. Наиболее перспективным признаётся широкий подход к исследованию устойчивой сверхсловной неологии, при котором к неофраземе как продукту неофразеологизации относят образованные средствами языка или заимствованные сверхсловные единицы, а также фразеотрансформы. На сегодняшний день отсутствует единый закрытый перечень дифференциальных признаков новых фразеологических единиц: к числу категориальных признаков неофраземы, наряду с традиционными признаками ФЕ, относят социокультурную маркированность, неограниченную возможность дискурсивных перемещений и некот. др. (перечень открытый).

5. Объём выявляемого в исследовательской практике речевого материала делает актуальной разработку принципов его классификации. Разрабатываемые варианты классификации неофразем основаны, по преимуществу, на функциональном, реже – социолингвистическом критериях.

Выделение набора критериев, которые могут быть использованы в ходе описания дискурсивного материала и его систематизации, – задача, решаемая на следующем этапе нашего исследования.

ГЛАВА 2. НЕОФРАЗЕМА КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ: ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ

2.1. Неофразема как продукт неофразеологии: категориальные признаки

Вопрос о категориальных признаках неофраземы находится на начальном этапе разработки (см. 1.3), но перспективы в определении зоны поиска уже просматриваются. Так, в процессе определения статуса такой сверхсловной единицы, как неофразема, предполагается учитывать показатель частоты встречаемости в дискурсивных практиках и связь с новыми социально значимыми реалиями. Представляется, что критерии эти находятся в отношениях взаимной детерминации. Наиболее объективным из них является «частота встречаемости» как формальный показатель востребованности, популярности неоединицы. Имеющийся в распоряжении исследователя сервис Яндекс Вордстат даёт информацию о количестве показов по поисковым выдачам: низкочастотные предполагают до 100 показов в месяц, среднечастотные – до 1000, высокочастотные – от 1000 за тот же период. Что касается второго критерия, необходимо признать его зависимость от временных границ, определяемых при выборке исследователем речевого материала (в таблице № 2 нашёл отражение факт их «подвижности»): на каждом временном отрезке актуальным оказывается уникальный набор социально значимых событий и фактов, что прямо влияет на частоту встречаемости единицы.

«Переменный» характер двух базовых критериев позволяет предположить, что в процессе функционирования характеристики неоединицы могут меняться. При этом наблюдение за речевой практикой в цифровой среде даёт основание для сомнений в безусловной линейности процесса образования неофразем. Во-первых, судьба единиц, зафиксированных на некотором временном отрезке, зависит от непредсказуемой экстралингвистической реальности, которая определяет не

только стремительное закрепление единицы в коммуникативной практике, но и столь же стремительную её архаизацию. Во-вторых, очевидно, что в новой реальности для образования и закрепления в узусе новой фраземы не всегда требуется длительный отрезок времени: распространение новых оборотов в интернет-среде осуществляется в «турборежиме». Наконец, в цифровой среде неофраземы функционируют в пространстве размытых границ: geopolитические, культурные, языковые различия не оказывают существенного влияния на закрепление единицы в разных речевых практиках. Таким образом, неофразеологизация представляет собой процесс, который невозможно направить и заранее предсказать его результаты, что позволяет говорить о нелинейности этого процесса (детальному описанию нелинейной модели неофразеологизации будет посвящена следующая глава).

Неофразеологизацию на данном этапе можно представить как формирующуюся на определённом временном отрезке, не жёстко закреплённую комбинацию характеристик / свойств сверхсловной единицы. Иначе говоря, неофразеологизация предстаёт как вариативный набор характеристик, комбинации которых определяют потенциальное движение сверхсловной единицы от момента её рождения либо до закрепления в языковой системе, либо до архаизации.

Допускаем, что «жизненный цикл» новых сверхсловных образований не предопределён заранее, однако в процессе описания единицы, обладающей статусом новизны, можно выявить набор её специфических характеристик на определённом временном отрезке. Описание единицы подразумевает обращение к актуальному речевому контексту: по наблюдению Л.Н. Чурилиной, контекстное окружение сверхсловной единицы даёт практически полное представление о её свойствах [Проблемы..., 2021, с. 34].

Выявленный набор специфических характеристик единицы мы соотнесли с представлением о «месте», которое она на момент описания занимает в модели неофразеологизации. Место единицы, определяемое набором её специфических характеристик, назвали *областью*. Сопоставление

наборов категориальных признаков сверхсловных неоединиц, выявленных в речевой практике, позволит нам определить место каждой единицы (*область*), или её статус. Общее представление о специфике каждой области отражено в таблице 4.

Таблица № 4

Доминанта областей неофразеологизации

Области неофразеологизации	Характеристика области
Область креативности	<i>Креатив</i> : в основе комбинаторики и смыслообразования лежит творческое начало, предполагающее субъективность и уникальность.
Область альтернативности	<i>Альтернатива</i> : востребованность сверхсловной единицы в дискурсивных практиках сопровождается возможностью выбора, что предполагает наличие «семантических конкурентов».
Область узуальности	<i>Стабилизация</i> : частотность употребления сверхсловной единицы перестаёт определяться выбором субъекта, её появление в определённых контекстах становится предсказуемым.
Область системности	<i>Концептуализация</i> : сверхсловное новообразование соотносится с национально-специфической картиной мира.

Отражённые в таблице характеристики областей позволяют представить базовый перечень категориальных признаков неоединицы: частота / редкость встречаемости, зависимость / независимость от ситуативного контекста, наличие / отсутствие лексикографической «паспортизации», соотнесённость / несоотнесённость с национальной концептосферой. Предваряя анализ отобранного нами речевого материала, считаем необходимым оговорить, что распределение неофразем по областям осуществлялось с учётом следующих критериев:

- для отнесения неообразования к *области креативности*: единичная / неединичная встречаемость единицы в одном типе дискурса, использование разными субъектами, однотипное контекстное окружение;
- для отнесения неообразования к *области альтернативности*: увеличение частоты встречаемости, выход единицы за пределы одного

дискурса; разнообразие контекстов, имеющее следствием актуализацию разных смыслов;

– для отнесения неообразования к *области узуальности*: активное использование единицы в различных типах дискурса, независимость значения единицы от контекстного окружения, возможная «паспортизация» единицы в словарях новой фразеологии;

– для отнесения неообразования к *области системности*: активное использование единицы в различных типах дискурса, независимость от контекстного окружения, «паспортизация» единицы в словарях новой фразеологии, концептуальная значимость единицы, готовность к формированию парадигматических (системных) связей.

На основе предложенного набора критериев нами выделены четыре типа неофразем: *фразеокреативы* (область креатива), *фразеоальтернативы* (область альтернативности), *фразеопопуляризмы* (область узуальности) и *потенциальные фразеологизмы* (область системности).

Параметр «частота встречаемости» позволил нам на первоначальном этапе определить степень рекуррентности в каждой области неофразеологизации в цифровом выражении: в *области креативности* с индексом не более 1200 запросов в год; в *области альтернативности* наблюдается нестабильность показателей: в одном случае они могут немногим превышать число запросов предыдущей области, в другом случае доходят до уровня популярных и системных единиц; в *области узуальности* рейтинг может вырасти до 12000 запросов в год, а в *области системности* границы верхней планки не обозначены, но именно в ней предполагаются максимальные числовые значения, указывающие на принадлежность новообразований системе. Важно отметить, что в креативной области низкие показатели рекуррентности соответствуют природе авторских креативных оборотов. С тех пор как самобытная единица перестает быть фактом речевых практик отдельного индивида, число её употреблений как единицы коммуникации может увеличиваться в исходной для неё области (см. данные

таблицы из приложения Б), затем, в случае потенциального движения, в – новой области.

В рамках изложения результатов исследования остановимся на экстраглавистических и лингвистических характеристиках всех четырех типов неофразем.

2.2. Фразеокреативы как тип неофраземы: категориальные признаки

Признание языкового творчества уникальной способностью человека «говорящего» позволяет посмотреть на неофразеологизацию с позиции лингвокреативности и индивидуальности. Речь идёт не только о той индивидуальности, что предполагает «отражение каких-либо национальных реалий, составлявших в своё время самобытность культуры того или иного народа» [Мокиенко, 1999, с. 6], но и о словотворчестве индивида: необычное соединение слов, которое помогает говорящему представить свой образ мира и «выявить индивидуальность своей языковой личности» [Коновалова, 2008, с. 34]. Креативное новообразование сверхсловных единиц почти всегда выходит за рамки системной валентности и приобретает статус нового не только по формальному показателю (знакомо или не знакомо носителю языка данное сочетание слов), но и в силу нового взгляда, позиции, оценки, заключённых в стандартном / нестандартном соединении слов. По мнению Н.Ф. Алефиренко, фразеологическая презентация субъективного образа мира детерминирована многовекторной деятельностью людей:

- включать в свой лингвокреативный арсенал ужé преобразованную реальность;
- вырваться из «серого» одноплоскостного мировосприятия;
- расставлять ценностно-смысловые акценты в неосфере своего бытования;

– формировать осмысленную картину мира в ассоциативном соотношении предметных и словесных образов [Алефиренко, 2021, с. 24].

По версии С.Г. Гаврина, «фразеологическая единица начинается с индивидуально-авторского сочетания», которое выражает актуальную на момент создания идею и «отличается примечательной в каком-то отношении словесной формой» [Гаврин, 1972, с. 139]. Со временем забывается её автор, творческая основа перестаёт осознаваться: за время бытования устойчивого сочетания утрачивается непривычность сочетания слов, «свежесть» и неординарность взгляда на мир – всё то, что вызвало когда-то интерес.

Механизм проникновения фразеокреативов в массовое употребление был описан еще И.И. Срезневским: «Всякое удачное выражение может запечатлѣться въ памяти слышавшихъ, можетъ быть ими повторено и не одинъ разъ, можетъ такимъ образомъ перейдти въ общее достояніе и увеличить собою запасъ средствъ выразительности языка <...>» [Срезневский, 1873, с. 4]. Исследователями отмечается, что судьба подобных оборотов складывается по-разному: одни остаются авторскими и не выходят за рамки одного контекста, другие сравнительно быстро оказываются в широком употреблении [Бурмагина, 2005, с. 30].

Необходимо обратить внимание на ещё одно немаловажное условие проникновения в речевую практику: креативные обороты должны быть понятыми. Так, Р. Якобсон указывал: «Говорящий не может пользоваться полной свободой при выборе слов», потому что «при оптимальном обмене информацией между говорящим и слушающим они оба имеют в своём распоряжении одну и ту же «карточку высказываний» [Якобсон, 1996, с. 30].

В области фразеокреативов процесс проникновения в узус видится нам таким: нестандартные сочетания закрепляются в речевой практике, потому что оказались расшифрованными закодированные смыслы. В «неочевидном», на первый взгляд, плане выражения фразеокреативов скрываются «подсказки» для носителя языка – лингвоспецифичные лексические единицы, благодаря

которым актуализируются традиционные для русской культуры семиотические области.

Важно уточнить, что современный фразеолог имеет дело с непрерывным потоком языкового творчества, проявляющегося и в языковой игре, и в творческом выражении «самости» в глобальном коммуникативном пространстве, и в нестандартном осмыслиении политической и социально-культурной ситуаций. И весь этот неоднородный по своему составу, способу образования и функционалу креативный фразеоматериал попадает в поле зрения исследователя в разном статусе: 1) авторский лингвокреативный продукт, ситуативно привязанный к контексту; 2) «дубликат» в чужом одноплановом контексте; 3) «одноразовое перемещение» в другой дискурс.

Набор категориальных признаков *фразеокреативов* может быть представлен следующим образом (уточним: речь идёт о наборе признаков, однако не все названные признаки обязательно обнаруживаются у каждой единицы в ходе анализа):

- 1) незначительное число употреблений, вплоть до единичных;
- 2) вербализация результатов индивидуального осмыслиения культурно-социальной ситуации;
- 3) ограниченная возможность миграции единицы из одной дискурсивной практики в другую с воспроизведением модели;
- 4) контекстная зависимость, т.е. неочевидность значения вне контекста;
- 5) возможная включённость в коммуникативную игру (среди прочего и обретение статуса мема).

Очевидно, что не все фразеокреативы способны вызвать интерес у носителей языка. Б.А. Серебренников объяснял этот факт так: «Общество во всей его совокупности иногда сознательно, но чаще всего интуитивно, очень хорошо чувствует, подходит вновь созданное слово или не подходит. Всё неудачно созданное обычно не имеет успеха» [Серебренников, 1970, с. 443].

Обратимся к примеру. С момента возвращения Крыма в состав России и поддержки Донбасса обозначился свойственный для русского общества в

переломные моменты истории идеологический раскол. Усилила напряжение между традиционализмом и либерализмом специальная военная операция (далее СВО). За противниками проводимой Россией политики закрепилось появившееся впервые в 2012 году в российском законодательстве понятие *иностранный агент* (иноагент). В цифровом пространстве сверхсловный неологизм терминологического происхождения, заимствованный из американского варианта английского языка, получил широкое распространение и в достаточно короткий временной период сменил прежнюю область бытования. По мнению Н.А. Купиной, анализ речевых контекстов обнаруживает актуализацию неискоренённых идеологических стандартов, означенных неофраземой *иностранный агент*: в коллективной памяти русских стереотипно знание «агент – это шпион, а значит враг» [Купина, 2012, с. 46]. Список иноагентов активно пополнялся новыми именами. Желание россиян оценить действия иноагентов стало катализатором рождения сверхсловных новообразований: *перелётная элита* [Трефилов: http], *свинтившие уроды* [Медведев высказался...: http], *испуганные патриоты* [Мирзаян: http], *губернанты предательства* [Сидорчик: http]. Судьба оборотов сложилась по-разному, но лишь одна из перечисленных единиц не нашла отклика у носителей русского языка: по данным Яндекс Вордстат, запросы с фразеокреативом *губернанты предательства* не вводились в поисковые строки. Неверно образованная форма множественного числа слова губернёр и «непрозрачность» авторской метафоры стали препятствием к использованию фразеокреатива в дискурсивных практиках, и на сегодняшний момент выражение осталось авторским лингвопродуктом.

Осмысляя специфику функционирования ФЕ на современном этапе, В.М. Мокиенко приходит к выводу: «<...> во фразеологию “играют” сейчас все – от школьника до пенсионера», при этом наблюдаемый процесс рассматривается как своего рода «“антитеза” всему привычному, нормативному, устойчивому в языке» [Мокиенко, 2012, с. 100 – 102]. Соглашаясь с замечанием, позволим себе добавить, что сегодня носители

языка, независимо от их социального статуса и сферы деятельности, обнаруживают склонность к нестандартному означиванию действительности: в семиотическом акте из некодифицированной и многообразной словесной массы рождаются новые сверхсловные единицы, имеющие целью реализовать желание говорящего нетривиально «высказать себя» за счёт непривычного сочетания слов, рождающего неожиданные смыслы. Подобного рода продукты словотворчества в нашем исследовании и названы *фразеокреативами*.

Очертить круг текстов (речевых практик), в рамках которых фиксируются фразеокреативы, практически невозможно: это могут быть и фрагменты художественных текстов, но чаще – публицистика и бытовой дискурс, фиксируемый социальными сетями Интернета. Судьба рождаемых единиц складывается по-разному: одни обороты, возникнув как окказиональные, сохраняют этот статус, оставаясь единицей уникального текста; некоторые – на определённом временном промежутке оказываются весьма широко востребованными, какая-то их часть становится мемами. Особый интерес для нашего исследования представляют фразеокреативы, обнаруживающие готовность к закреплению в речевой практике и на этом основании претендующие на статус *фразеопопуляризма*. При этом судьба фразеокреатива не может быть предсказана заранее.

Отмеченные сценарии могут быть рассмотрены на выявленной нами в новейшей дискурсивной практике группе фразеокреативов с компонентом *сосисочный*. Структурная модель с зависимым именем прилагательным вполне традиционна для русского языка: «*сосисочный* + имя сущ.», при этом семантика сверхсловной единицы задаётся набором семантических компонентов признакового слова.

Лексема *сосиска*, согласно изысканиям П.Я. Черных [Черных, 2009, т. 2, с. 190], в словарях русского языка фиксируется с 1806 г.; Н.М. Шанский указывает на заимствование её из французского языка, в котором *saucisse* – колбаса [Шанский, 1971, с. 422]. В современных толковых словарях русского

языка дефиниция лексемы включает в себя несколько конкретизирующих сем – «небольшая тонкая колбаска с начинкой из мясного фарша, употребляемая в вареном виде» [Ожегов, 2019, с. 1117]. Хотя в русской литературе XIX в. встречается упоминание о сосисках на обеденном столе героев, массовое производство и употребление этих мясных изделий приходится на вторую половину 30-х годов XX века. Именно в этот период в основу концепции советской кухни и общепита легла идея: строители социализма должны употреблять вкусную и здоровую пищу, но на приготовление еды не должно уходить много времени. Пищевая индустрия после второй мировой войны удовлетворяет спрос на фабричный пищевой продукт [Книга о ..., 1952, с. 6]: «Наряду с сосисками и котлетами колбаса стала символом, неотъемлемой чертой советского быта» [Глущенко, 2010, с. 67]. В воспоминаниях живших в эпоху СССР сосиски на завтрак – ритуал, а их покупка – удача. Не меньшей популярностью, чем пельменные и чебуречные, пользовались сосисочные – заведения общепита, предлагавшие гражданам перекусить горячими сосисками. Вторую жизнь полуфабрикат обрёл в конце XX в. благодаря популяризации хот-догов. Сегодня кулинарные сайты предлагают различные рецепты с этим ставшим традиционным мясным продуктом, а сосиски в тесте и сосиски в кляре на палочке вошли в ассортимент торговых точек быстрого питания.

Несмотря на популярность полуфабриката, слово *сосиска* в качестве элемента фразеологизмов и жаргонных выражений встречается не так часто: *пьян в сосиску* [Елистратов, 2000, с. 76], *блатная сосиска* [Мокиенко, 2000, с. 556], *сосиска сдрюченная* [Мокиенко, 2007, с. 634], *маринованная сосиска* [Максимов, 2002, с. 239], *сосиска без плёнки* [Максимов, 2002, с. 398]. При этом его производное – прилагательное *сосисочный* обнаруживает достаточно устойчивую тенденцию к вхождению в состав сверхсловных именований: *сосисочный мастер* [Даль, 2016, т. 4, с. 277], *сосисочный фарш* [СРЯ, 1988, т. 4, с. 205], *сосисочная начинка* [ТСРЯ, 1940, т. 4, с. 396] и т.п. Уточним, что рассматриваемая лексическая единица в составных именованиях

актуализирует не только прямое (1) 'соотносящийся по значению с сущ. сосиски'; 2) 'характерный для сосиски'; 3) 'предназначенный для изготовления сосиски' и 4) 'похожий на сосиски' [БАСРЯ, 2021, т. 27, с. 124]), но и переносные значения, ср.: *сосисочный рай* [Сосисочный рай Германии: http], *сосисочные тела* [Аносов: http]. Формируемые на основе переноса образы доступны носителям языка и не нуждаются в специальном декодировании. К числу исключений из общего правила может быть отнесено именование *сосисочная вечеринка* (sausage party) [Sausage party: http], представляющее собой заимствование, используемое в сленге для обозначения тематической вечеринки, на которую приглашаются только представители мужского пола.

В современных дискурсивных практиках модель с компонентом *сосисочный* оказывается весьма продуктивной. К числу устойчивых словесных комплексов можно отнести частотные в профессиональном («пищевом») дискурсе сверхсловные именования типа: *аромат сосисочный* [Каталог интернет-магазина ЮРЕАЛ: http], *сосисочная оболочка* [Каталог интернет-магазина ЕМКОЛБАСКИ: http], *сосисочные изделия* [Производство сосисок: http], *сосисочная линия* [Для чего Вам мойка сосисочных линий?: http]. В рамках приведённых (и подобных им) сочетаний реализация семантического потенциала признакового слова не вступает в какое бы то ни было противоречие с определяемым существительным, что не даёт достаточных оснований для приписывания им статуса фразеокреативов.

Принципиально иначе идёт процесс семантического согласования компонентов в сочетаниях типа *сосисочный сад*, *сосисочное дерево* [Косолапов: http], *сосисочный колодец* [Порядина: http], *сосисочное царство* [Каткова: http]. Рождаемые современным сказочным дискурсом образы восходят к традиции, заложенной в отечественной детской литературе К.И. Чуковским, широко использовавшим шуточные «нелепицы» [Чуковский, 1970, с. 4].

Фразеокреативы с компонентом *сосисочный* отмечены нами и за пределами сказочного дискурса. В абсолютном большинстве случаев их функционирование ограничено рамками одного дискурса, но каждый из выявленных вариантов наполнения модели представляет образец нетривиального сочетания компонентов: *сосисочный беспорядок* [Хохлова: http], *сосисочный бунт* [Рутов: http], *сосисочные разборки* [Сосисочные разборки: http], *сосисочная мудрость* [Сосисочная мудрость: http], *сосисочные дела* [Сосисочные дела в школьной столовой: http], *сосисочный взрыв* [Авария дня: http], *сосисочная дуэль* [Почему не состоялась «сосисочная дуэль»: http]; *сосисочные дни* [Сосисочные дни отменяются!: http], *сосисочный выезд* [Ивасенко: http] (тематические рубрики / концепции фан-клуба).

Особую группу составляют фразеокреативы, порождаемые исключительно в целях языковой игры и функционирующие в форме вопросов для кроссвордов, например: *сосисочный прикид* [Сосисочный прикид: http], *сосисочное королевство* [Сосисочное королевство: http], *сосисочный король* [Какой мировой футболист..: http]. В эту же группу отнесены сверхсловные образования, используемые в рамках флешмобов и различных провокационных акций, не порождающие новые смыслы, но актуализирующие внимание на подчёркнутой бессмысленности происходящего: *сосисочный ритуал* [Белова: http], *сосисочный марафон* [Панова: http], *сосисочная фотозона* [Клевая сосисочная фотозона!: http], *сосисочный бум* [Начался сосисочный бум: http]. Судьба подобного рода образований (если её можно предсказывать) – весьма жесткое ограничение времени и локуса функционирования; вероятность вхождения этих единиц во фразеологическую систему языка ничтожно мала.

В числе абсурдных фразеокреативов обнаруживаются единицы, ушедшие в массы в виде мемов: *сосисочные пальцы* [Федорова: http], *сосисочный дождь* [Неужели кошачьи боги...: http]. Мемные пальцы короля Карла III заинтересовали не только великобританцев. Начиная с 2022 г. интерес среди российских пользователей интернета к словосочетанию

сосисочные пальцы, по данным сервиса Яндекс Вордстат, стабилен и достиг своего пика в сентябре 2022 года, именно в тот момент, когда Карл III стал официальным королём Великобритании, а его пальцы-сосиски стали самой обсуждаемой темой [Лекомцева: <http://>]. Безусловно, интерес русскоязычных пользователей спровоцирован и подогрет шумихой вокруг монаршей особы ([Болезнь или проклятие?: <http://>], [Белова: <http://>], [Ваничкина: <http://>]), но и объективные основания для этого есть: руки как соматическая единица в традиционной культуре русских связаны с понятием власти, права, силы, обладания (об этом см. в [Гуанцзе, 2016, с. 52]), что нашло отражение во фразеологических единицах: *держать в руках, длинные руки, сильная рука* [ФСРЯ, 2016, с. 466 – 473]. «Сосисочные» же пальцы Карла III на фото из Сети вступают в противоречие с традиционным представлением русских, кроме того, они не соответствуют стереотипам о внешности королей, что, собственно, и оговаривается в некоторых публикациях ([Борисова: <http://>], [«Ты на руки его посмотри...»: <http://>], [Масленникова: <http://>]). Для описания рук монарха в русскоязычных текстах наравне с *пальцами-сосисками* использовалось словосочетание *сосисочные пальцы*. В русской литературе, согласно выборке из Национального корпуса русского языка, подобное окказиональное сравнение нечасто применялось для описания персонажей (в народе же толстые и короткие пальцы пренебрежительно уподоблялись сосискам [Мокиенко, 2008, с. 647]), но в то же время рассматриваемое сочетание не было зафиксировано в словаре эпитетов [Горбачевич, 2002, с. 12 – 14] и в широкой речевой практике не фигурировало. За последние два года его растиражировали в виде мема, и теперь оно ассоциируется с конкретной исторической личностью. Примечательно, что *сосисочные пальцы* короля Великобритании в публикациях на русском языке не столько основание для новых издевательских шуток, сколько повод проинформировать аудиторию, подогреть интерес к определенным событиям в мире.

Не менее интересна история фразеокреатива *сосисочный дождь*. Надо признать, что для носителей русского языка появление подобного языкового

нестандарта не стало неожиданностью, поскольку в русском языке есть *дождь грибной*, а из мультипликационного фильма режиссера Б. Тузановича (Экран, 1990) зрители в 90-е годы узнали, что дождик, если немного пофантазировать, может быть земляничным, сырным, морковным [Земляничный дождик: [http](#)]. Позднее герои мультсериала «Руперт и чудеса» (2006 г.), который транслировался на канале «Карусель», столкнулись с настоящим чудом – дождём из сосисок [Руперт и машина погоды: [http](#)]. Однако в дискурсивных практиках прижилось не сочетание *дождь из сосисок*, но *сосисочный дождь*. Какое-то время оно появлялось в сказочной прозе: «Вдруг слышу, как кисонька хлопает в ладоши и радостно кричит: «Ура! Здорово! *Сосисочный дождь!* Ещё! Ура!» Захожу в комнату и не могу поверить глазам: из рога сыпятся сосиски, а киса их ловит и ест» [Сухонина: [http](#)]. Встречаем его и в художественной гипнологии: наивному герою произведения «Птицы Подмосковья» конец света во сне представляется по-библейски обречённо: «Будто начинают сыпаться с неба горячие-прегорячие сосиски. Весь воздух *сосисочный дождь* заполняет» [Белкин: [http](#)]. В реальности же такие осадки читатели не наблюдали и не предполагали возможной визуализацию авторских фантазий. Однако в информационном пространстве Сети стали появляться тексты, в которых выражение *сосисочный дождь* буквализируется. Так, в одном из новостных материалов описывается странный случай: ночью на дом американской семьи обрушился необычный дождь – газон был усыпан замороженными сосисками, которые сыпались сверху, словно капли дождя [Зар: [http](#)]. Креативный вид дождя упоминается в информационном посте о собаке из приюта: автор с упоением рассказывает о хвостатом проказнике, который может вызвать *сосисочный дождь* («Расчет, прыжок! И... Вуаля! *Сосисочный дождь* из порванного пакета! И сам поест и с друзьями поделится!» [Леву в приюте...: [http](#)]). В целом можно констатировать, что оборот прижился в интернет-среде, его можно встретить в качестве мема: забавные картинки и видео с животными сопровождаются данным фразеокреативом ([Вызываем сосисочный дождь: [http](#)], [Ничего Вы не

понимаете!: http]). Отмечается и факт генерирования многими пользователями изображения на тему *сосисочный дождь* в шедевруме с помощью нейросетей YandexArt и YandexGPT ([Кушбоков: http]).

В качестве характерных особенностей фразеокреативов мы отмечали их ограниченную **временными** рамками актуализацию в так называемых текстах на злобу дня. Привязанные к конкретной теме, они теряют актуальность, как только исчезает информационный повод. Примером могут служить устойчивые в употреблении гастрономические словосочетания: в составе фразеокреативов, рождённых в период экономических и торговых конфликтов, появляется гастрономический элемент – товар или продукт, являющийся предметом спора, например: *банановая война* [ЕС и 11 стран...: http], *молочная война* [Молоко киснет: http], *зерновая война* [Ромашков: http], *колбасная война* [Шиптенко: http].

Выражение *сосисочная война* ([Щукин: http], [Британия завершила...: http]) актуализировалось в материалах информационных порталов (2021 –2023 гг.), обозревающих напряжение в отношениях Великобритании и Евросоюза, с лёгкой руки журналистов окрещенное *сосисочной войной*, т.к. суть скандала заключалась в запрете ввоза из Британии в Северную Ирландию мясных продуктов [Патановская: http]. Выражение *сосисочная война* [Сосисочная война: http], наряду с вариантом *колбасная война* [Гусев: http], иногда используется при упоминании Зимней войны (1939 – 1940 гг.) между Финляндией и СССР [Иренеев: http]. По словам руководителя Региональной дирекции Российского военно-исторического общества К. Королева, вокруг этой войны много родилось мифов, которые в «новых обличиях продолжают жить» [«Незнаменитая» война...: http]. Один из них породил гастрономическое название для военного столкновения: по версии Эрин Блейкмор, голодающие советские люди не могли устоять перед запахом финской кухни [Блейкмор: http]. В немногочисленных текстах на эту тему поясняется столь необычное название для военного конфликта в XX в. и предлагается его интерпретация: в карманах одежды погибших советских

солдат были обнаружены кусочки сосисок из супа полевой кухни финляндской армии [Мифы...: [http](http://)]. Подобный случай, когда фразеокреатив выходит за пределы первоначальной тематики и единица меняет свой статус, согласно нашему представлению о неофразеологизации (существование в дискурсивных практиках оформляющихся смыслов), говорит об альтернативности фразем.

Рассмотрим ещё один вариант наполнения модели. На сайте НДН.ИНФО размещён анонс программы «Теория заговора», датированный 2019 г., в основе заголовка – традиционная для потребителя дилемма: как выбрать качественный продукт. По версии автора рассматриваемого текста, добродетельные полуфабрикаты – это *сосисочный рай*, а низкокачественные – это *сосисочный ад*, представление о котором складывается из содержания статьи (мало мяса и много заменителей [Сосисочный рай и ад: [http](http://)]). Для считывания фразеокреатива *сосисочный ад* людям среднего и старшего возраста не понадобится дополнительный комментарий, потому что в их картине мира есть место для мифологемы – колбасу делают из туалетной бумаги – производство и употребление подобной продукции равносильно визуализации преисподней. Добавим, что в материалах сети Интернет выражение *сосисочный ад* употребляется одновременно с более растиражированным вариантом *колбасный ад* [Цветкова: [http](http://)]. Согласно данным сервиса Яндекс Вордстат, вплоть до октября 2024 г. выражение *сосисочный ад* не вызывало интереса у пользователей интернета, что может служить одним из оснований для признания рассматриваемого выражения фразеокреативом. Однако в последнее время данная единица в дискурсивных практиках реализует другие смыслы, что, по нашему мнению, говорит о её новом статусе. В 2024 г. цифровая игровая индустрия предлагает геймерам среди прочих скинов *сосисочный ад* [Каталог торговой площадки...: [http](http://)] – дробовик, на корпус которого нанесён рисунок с колбасками. Можем предположить, что в игровом дискурсе реализуется значение 'оружие, способное поджарить противника, словно сосиску на огне'. Небезынтересно, что на просторах интернета

рассматриваемое выражение используется также в публикациях иного плана, например, ориентированных на людей, интересующихся вопросами воспитания в семье: автор материала «Злой Бог и сосисочный Ад», размышляя над действиями родителей, прививающих детям привычку доедать порцию, порицает манипуляции взрослых, а ‘доедать блюда через силу’, в его понимании, это и есть *сосисочный ад* [Гергерт: [http](#)].

Попытки осмыслиения проблем современности приводят многих авторов к поиску парадоксальных средств выражения новой реальности и новых смыслов. Ярким примером служит выражение *сосисочный гуманизм* [Кудряшов: [http](#)], реализующее значение ‘кормление бродячих собак’. Тема гуманного отношения к животным является одной из животрепещущих: современный пользователь Сети читает посты о жизни бездомных животных в приютах, об организации акций помощи голодным, о несправедливых решениях по отлову и стерилизации животных. В то же время новостные порталы уже не раз сообщали о нападениях стай бешеных собак на людей разных возрастов. Судя по комментариям, в обществе давно назрел конфликт: одни требуют навести порядок и обезопасить городское пространство, другие взывают к милосердию. На пике противостояния и возникает фразеокреатив *сосисочный гуманизм*: его автор, стремясь дать оценку действиям людей, разово проявляющих жалость к бездомным животным, прибегает к парадоксальному столкновению семантических компонентов.

В завершении отметим, что рассмотренный дискурсивный материал позволяет нам уточнить представление о фразеокреативе как продукте неофразеологизации. Уникальность неоединицы, как можно было заметить, не ограничивает её возможности в трансформации, как смысловой, так и формальной (в рамках базовой модели). Трансформации создают предпосылки для перехода фразеокреатива в другую область, в частности в область альтернативности, функционируя в которой, единица приобретает новые категориальные признаки.

2.3. Фразеоальтернативы как тип неофраземы: категориальные признаки

В рамках фразеологических исследований неоднократно обращалось внимание на количественные и качественные изменения ФЕ: выявлены и описаны процессы варьирования (В.Н. Телия, Е.И. Диброва) и преобразования (В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович), а также феномен совмещённой омонимии (Л.И. Ройзензон, И.В. Абрамец). Однако функционирование в цифровом пространстве неоединиц, обладающих идентичной формой, но разнящихся оттенками смысла в определённом контексте, пристимулировал новый интерес к вопросу. Отмечаемое в современной дискурсивной практике многообразие и неустойчивость сверхсловных единиц обусловлено активной позицией, занимаемой носителями языка в коммуникативном пространстве цифровой среды: с одной стороны, они выступают в роли творцов устойчивых выражений, с другой стороны, сдерживаемые законами аналогии и речевой экономии, обращаются к знакомым моделям.

Цифровая среда предоставляет субъекту возможность выбора: одно и то же сверхсловное сочетание под влиянием ближайшего контекста способно актуализировать разные смыслы. Ситуацию выбора можно обозначить как «селекция смыслов» сверхсловного выражения, или альтернатива. Альтернативы в языке, по замечанию Н.Д. Арутюновой, имеют личностную основу: <...> «альтернативы множественны и взаимонезависимы», однако становятся релевантными для выбора, «когда включаются в личную сферу» [Арутюнова, 1999, с. 248 – 249]. Очевидно, что и конкуренция контекстов в дискурсивных практиках, и в конечном счете вытеснение одних смыслов другими напрямую связаны с человеческим фактором: формирующаяся альтернативная семантика одной и той же единицы свидетельствует о стремлении человеческого сознания уточнить информацию в условиях недостаточности знания о новых реалиях мира.

По нашим наблюдениям, *фразеоальтернативы* значительно уступают по своему численному составу другим сверхсловным новообразованиям. К характеризующим признакам этого типа неофразем относим:

- 1) повышенную степень рекуррентности в цифровом пространстве;
- 2) социальную значимость и актуальность референтной ситуации, с именованием которой связана неоединица;
- 3) ничем не ограниченную миграцию в различные дискурсивные практики;
- 4) разнообразие контекстов как основу множественности интерпретаций значения неоединицы;
- 5) семантико-стилистическое преобразование (приобретение дополнительных семантических оттенков).

Сравнение единиц, оказавшихся в ходе неофразеологизации в области альтернативы, с фразеокреативами выявило свойственный для фразеоальтернатив рост частоты употреблений и сосуществование в цифровом пространстве альтернативных смыслов (например, *бриллиантовый директор*, *зелёные инициативы*, *полный пердимонокль*, *мои годовасики*). При явной селекции смыслов в речевых практиках также наблюдается неустойчивость рекуррентности, в частности, отмечаются перепады данных: от нестабильной повторяемости единиц (в качестве примера можно назвать *замыливание ароматов*, *леопардовый флешимоб*) до положительной динамики, характерной для единиц из области узуализации (например, *берёзовые люди*, *красный конверт*).

Отмечаемая нестабильность, собственно, иллюстрирует избирательность системы: не всем новообразованиям, интенсивно создаваемым в дискурсе, суждено утвердиться в языке. По убеждению Б.А. Серебренникова, семантический фактор может способствовать необычайному успеху нового слова [Серебренников, 1970]. Подтверждением служит история фразеоальтернатива *бриллиантовый директор*. В 90-е годы XX в. на улицах российских городов появились люди, неизвестной для

советского человека профессии: они называли себя менеджерами сетевого бизнеса и собирали полные залы желающих заработать деньги. Достаточно быстро в обществе сложилось негативное отношение к сетевому маркетингу, что демонстрирует трансформ известного слогана представителей Герболайфа: «Хочешь прогореть – спроси меня как!» [Беляков: <http://>] (ср. *Хочешь похудеть – спроси меня как!*). Тем не менее интерес к подобным финансовым пирамидам в наши дни не ослабевает, а речевые практики обогащаются новой сверхсловной терминологией, как-то: *бонусный пул, отошедший куст, тёплый рынок, холодный рынок* [СТСМ: <http://>] и т.п. Особое место в тезаурусе занимают термины сетевого табеля о рангах (к примеру, *золотой директор, сапфировый директор, бриллиантовый директор, старший бриллиантовый директор, дважды бриллиантовый директор, золотой исполнительный директор, сапфировый исполнительный директор, старший президент, золотой президент, сапфировый президент* [Директорская карьерная лестница...: <http://>] и т.д.).

Широко распространилось в дискурсивных практиках последних лет наименование *бриллиантовый директор*. Анализ контекстного окружения единицы обнаруживает тенденцию к изменению на семантическом уровне. Так, в дискурсе сетевых продаж реализуется смысл ‘значимый уровень успеха в структурах сетевого бизнеса’, это смысловое ядро представлено семантическими компонентами: ‘имеет финансовый доход около 2 500 000’, ‘вырастил 6 лидеров’, ‘руководитель, пользующийся авторитетом всей компании’, ‘принимал участие в Золотой Конференции’, ‘был приглашен на банкет директоров’ (ср. «*Бриллиантовый директор – это грамотный управленец, на него смотрят не только его команда, но и вся команда, но и вся компания. Бриллиантовые директора уже вырастили 6 Лидеров и управляют структурой, где есть 6 23%-групп*» [Доходы лидера...: <http://>] или «*Ведь это 6 директорских групп в первой линии!!! Это топ-лидер, который понял бизнес и знает, как помогать команде так, чтобы и они становились успешными и уже почти на автомате!*» [Бриллиантовый Директор...: <http://>]).

В пределах профессиональной коммуникации обнаруживаются иные активные смыслы: ‘тот, кто добился / добьётся успеха вопреки всему’ (ср. «*Кто такой бриллиантовый директор? Бриллиантовый – от слова Бриллиант. Этот человек, который падал сто раз! Этот человек, в чью сторону показывали пальцем и говорили – он сумасшедший. Это тот человек, которого не понимали даже близкие. Этот человек, который на «майские» не обезжал все окрестные дачи! Это тот человек, у которого есть цель! Тот, у кого есть четкий план! Тот, который берет на себя ответственность за свою жизнь!*» [Кто такой Бриллиантовый директор?: [http](#)]). Сопоставляя обнаруженные в цифровом пространстве контексты, трудно не признать, что рассматриваемое новообразование, обросло противоречивыми ассоциациями: от положительного отношения к лидерам продаж до отрицания беспринципной формы обогащения. И хотя в монологах представителей сетевого бизнеса преобладает положительная и восторженная риторика (ср. «*Загорелся заискрился самой яркой звездой / Бриллиантовый директор хоть еще молодой/ И душа поет от счастья, тело просится в пляс, / Значит сделал свое дело –/ Получилось у нас!*» [Зенкова: [http](#)]), в оценке пользователей цифрового пространства многое иронии, за которой скрывается сомнение в реальности обещаемых преференций (ср. «*Это какие-то цыганские должности?; Дважды бриллиантовый, ордена Ленина и трудового красного знамени; Расчёт на уж совсем безмозглых и инфантильных; им ещё перламутрового директора не хватает*» [Бриллиантовый Президент: [http](#)]).

Нахождение сверхсловных новообразований в области альтернативности носит необязательный характер: значение далеко не всех неофразем оказываются в ситуации семантического выбора. Испытание конкуренцией пройдёт то значение, закреплённое за новым сверхсловным оборотом, что будет востребовано в обществе. Важно понимание, что большая часть этих смыслов проходит проверку на востребованность в социальных сетях, на различных форумах и сайтах. В качестве примера рассмотрим фразеоальтернатив зелёные инициативы ([Зеленые инициативы Лебера...: [http](#)]).

http], [Ученые ТюмГУ изучили...: http]), появление которого вызвано повышенным интересом волонтёрского движения и бизнеса к охране природы.

В России проблемы экологии и программа зелёного финансирования в последние годы входят в перечень приоритетных задач на государственном уровне. В цифровом пространстве тематическая ниша «Защита природы» активно пополняется языковой инноватикой (зелёное движение [Парамонова: http], зелёное строительство [Панеш: http], зелёные технологии [Михайлова: http], зелёные принципы [Мамонова: http], зелёное поколение [Дубовицкая: http], зелёная школа [Титко: http] и т.п.) В экологическом дискурсе последнего времени востребована неоединица зелёные инициативы (в период с января 2024 по июнь 2025 г. число запросов составило 6651 раз), которая функционирует в нескольких значениях. Альтернативные смыслы возникают в результате расширения списка экологических акций. Так, о зелёных инициативах говорят: 1) при создании экологического пространства помещений (вербализация смысла ‘экологическое зонирование интерьера’: «Проект «Зелёная инициатива» направлен на создание экологической зоны отдыха в школе, которая является комфортным пространством <...>»[Зеленые инициативы: http]); 2) во время волонтерского озеленения и очистки городских территорий (вербализация смысла ‘гармоничное сосуществование человека с природой’: «1 октября команда администрации Череповецкого района совместно с активистами их «Зелёной Инициативы» и сотрудниками районной налоговой службы провели субботник на территории Чёрной речки» [Субботник на Черной речке: http]); 3) при реализации природоохранной деятельности (вербализация смысла ‘борьба за сохранение окружающей среды’: «Зелёная инициатива. Сертификаты помогут восстановить российские леса» [Зеленая инициатива. Сертификаты помогут..: http]) или «Каждое второе промпредприятие столицы реализовывает зелёные инициативы в экологии, фирмы создают фандоматы для сбора вторичного сырья, перерабатывают его и производят из этого актуальные товары <...>»[Ликсутов: http]); 4) при формировании

экологической грамотности (вербализация смысла ‘экологическое просвещение’: «*Зелёные инициативы: от восстановления природы до экопросвещения <...> Особое внимание уделяется экопросвещению. Волонтеры проводят экоуроки, квесты для школьников*»). Как можем заметить, в речевых практиках реализуются семантические возможности неологизма с компонентом *зелёный*, а какой из смыслов окончательно закрепится за устойчивым сверхсловным выражением, покажет время.

Предметом нашего интереса стали трансформационные процессы, ведущие к изменению смысловой структуры сверхсловной единицы с компонентом *весна*. Так, в различных дискурсивных практиках встречается сегодня устойчиво воспроизведимая сверхсловная единица *запахло весной*. Справедливо ради надо отметить, что она была достаточно распространена и в художественном дискурсе XIX–XX веков: «*Там пахло весною и дул теплый, ласковый ветерок*» [Чехов, 1962, т. 6, с. 350]; «*27-го марта. Запахло весной, и с гор среди дня стремятся потоки*» [Лесков, 1962, т. 6, с. 67] и др. При этом сам запах не описывался, не нуждался в описании как интуитивно понятный: «*<...> из гостиной дверь ведёт прямо в сад, на балкон, видна сирень, виден стол, накрытый для завтрака, много бутылок, букет из роз, пахнет весной и дорогую сигарой, пахнет счастьем <...>*» [Чехов, 1962, т. 8, с. 116]. Исключением из общего правила становится текст А.И. Куприна, которому удалось опередить научное знание и рассказать читателю, чем пахнет весна: «*Над чёрными нивами вился легкий парок, наполнявший воздух запахом оттаявшей земли, – тем свежим, вкрадчивым и могучим пьяным запахом весны, который даже и в городе узнаёшь среди сотен других запахов*» [Куприн, 1957, с. 269]. В научном дискурсе запах земли получает строгое и лаконичное описание: «*Запах весны – это запах двух микробных веществ, геосмина и 2-метилизоборнеола. Этими веществами пахнет вспаханная земля, воздух после ливня, когда от падающих на землю капель поднимаются вверх аэрозольные пары*» [Стасевич: <http://>]. При этом уточняется, что обоняние

человека чувствительно к запаху весны и земли, человек может различить эти пахучие вещества в ничтожных количествах.

Однако в современных дискурсивных практиках устойчивое сверхсловное образование *запахло весной* не имеет никакого отношения к предложенному наукой сенсорному образу. Рассмотрим несколько примеров. В популярном шансоне находим интересующую нас единицу: «*Запахло весной, метелям отбой, / Хозяин седой, ворота открай. / Запахло весной, боль снимет рукой, / Знакомой тропой вернусь я домой*» [Симонов: <http://>]. Контекстуальный анализ позволяет говорить о расширении смысла: у лирического героя возникают личные ассоциации, в его восприятии ‘весна – время долгожданной свободы’, что подтверждается такими образами, как: «страж, выпускающий узника», и «дорога, ведущая домой».

В интернет-пространстве можно встретить рассматриваемый фразеоальтернатив в необычном контексте: «*Запахло весной: в Петербурге ищут мангалщиков и шашлычников*» [Запахло весной: в Петербурге ищут...: <http://>]. Под влиянием ближайшего контекста единица актуализирует новый смысл: ‘весна пахнет жареным мясом’. Современным носителям языка «новое знание» не кажется чужеродным элементом в силу активно укореняющегося обычая встречать майские праздники у мангала или барбекю.

Собранный речевой (текстовый) материал свидетельствует о функционировании в цифровом пространстве альтернативных смыслов, которые определяются новой социокультурной реальностью.

В русском языке в особую группу объединяются слова, фразеологизмы, паремии, которые репрезентируют значимые для каждого носителя языка реалии культуры и обычаев, предметы быта, исторические факты. Сам язык подтверждает их важность в жизни России [Россия. БЛС, 2009, с. 3], к числу подобных, собственно, относится сверхсловное устойчивое выражение с компонентом вишня. *Зимняя вишня* – воспроизведимый оборот, долгое время остававшийся фразеокреативом, в современных дискурсивных практиках,

вербализирует новые смыслы, что позволяет нам отнести рассматриваемую единицу к группе фразеоальтернативов.

В языковой картине мира русского человека отражено следующее знание о вишне: ‘вишня – плодово-ягодная культура’ (пословицы из словаря В.И. Даля: *сладко вишнение, да барское кушанье; с барами не ешь вишнения, костыми залукают* [Даль, 2016, т. 1, с. 273 – 274.]); ‘эталон красоты’ (в словаре В.М. Мокиенко находим устойчивые сравнения: *глаза черные как вишни, смуглая как вишненка* [Мокиенко, 2008, с. 98 – 99]); ‘сладкая как поцелуй’ (известна игровая традиция в Псковской области – вишни рвать, т. е. целовать [Мокиенко, 2001, с.21]); ‘вишневый сад как символ дворянской усадьбы’, ‘вишневый сад как миф об утраченном идеале’ (отсылка к пьесе А.П. Чехова).

На современном этапе в различных типах дискурса, по нашим наблюдениям, в качестве устойчивого оборота получило распространение словосочетание *зимняя вишня*. В непривычном соединении слов, на первый взгляд, усматривается алогизм, так как вишня плодоносит в середине лета. Вместе с тем в русском лесу в самое холодное время года можно найти полезные плоды, условно называемые зимними ягодами: можжевельник, калина, барбарис, боярышник, клюква, облепиха [Зимние ягоды ...:[http](#)] Согласно традиции православные 16 ноября в день Анны Холодной ели эти и другие замороженные ягоды [День Анны Холодной ...:[http](#)], ведь сушка и замораживание были основным способом обработки ягодных культур [Как на Руси...:[http](#)]. Таким образом, *зимняя вишня* в быту русского человека – это ягоды, которые употребляют в качестве пищи в зимний период, предварительно разморозив. Совершенно иные смыслы приобрело устойчивое сочетание *зимняя вишня* в массовой культуре, о чём свидетельствует речевой материал, полученный в результате сплошной выборки. В дискурсивных практиках неофразема *зимняя вишня* не имеет никакого отношения к гастрономическому образу. Рассмотрим несколько примеров: «*Есть такое общее нарицательное "зимняя вишня" для женщин бальзаковского возраста*

(от 30 до 45 лет)» [Женское счастье ...: http]; «*Зимняя Вишня действительно термин, означающий женщину средних лет, где-то от 35. Есть даже такой журнал "Зимняя вишня" женский. Моя мама его выписывала. Там всё о женщине 35 – 45 лет. О здоровье, о том, как выйти из одиночества, рецепты от старения кожи и т.д.*» [Зимняя Вишня...: http]. Контекстный анализ позволяет выявить новый смысл (ср. ‘женщина средних лет’), который отсылает носителя языка к ФЕ *женщина бальзаковского возраста*. Интересен тот факт, что в интернет-пространстве разговор о женщине – *зимней вишне* – идёт с отсылкой к названию фильма и его главной героине. Как выясняется, смотревшим фильм «Зимняя вишня» главный женский образ интересен своим характером, жизненной позицией, душевными качествами, современный зритель понимает его так: «*Кто такая Зимняя Вишня? Красивый, утонченный образ женщины средних лет, одинокой, но вместе с тем не обесценивающей себя, женщины, способной любить...*» [Кого называли зимней вишней?: http]; «*героиня Ольга, та самая зимняя вишня – уставшая, моментами молчаливая, недоверчивая, печальная, как замороженная ягода, которая под тяготами жизни заморозила в себе что-то очень важное*» [Фильм-инструкция о том, как...: http]. Отмечаем, что под влиянием ближайшего контекста единица актуализирует новый смысл ‘одинокая женщина, заморозившая свои чувства до востребования’. Представляется интересным освоение этого смысла в песенном дискурсе. Ярким примером служит песня А. Варум «Зимняя вишня»: «*Сквозь бульвары и дома ты идёшь совсем одна, <...> Вновь приснится сон, / что вы опять вдвоём, / И слезы на подушке всё о нём. / Вишня, вишня, зимняя вишня, / Прекрасных ягод аромат. / Белый снег ложится чуть слышно, / Никто ни в чём не виноват*» [Крастошевский: http].

В интернет-пространстве можно встретить рассматриваемую единицу в необычном для неё контексте: «*Словосочетание «зимняя вишня» теперь всегда будет ассоциироваться с ужасной трагедией в Кемерово*» [Туркова: http] Современным носителям языка «новое знание» – ‘страшная смерть’ – не кажется чужеродным элементом в силу относительно недавнего события

(пожар в ТЦ «Зимняя вишня», унесший жизни людей), получившего резонансное освещение в СМИ.

Таким образом, на примере фразеоальтернатива *зимняя вишня* можно проследить, как в цифровом пространстве одна и та же форма используется для выражения новых смыслов, передающих отношение к весьма разнородным явлениям, событиям, ситуациям.

Метаморфозы французского *perdu monocle* (*потерянный монокль*) способны удивить даже самого искушённого лингвиста: ничем не примечательное во французском языке словосочетание в русской речи вышло за пределы своего традиционного значения и обогатилось новыми смыслами. В самом начале оговорим, что иноязычное словосочетание, попав в наш язык, в процессе транслитерации изменило своё строение: две части слились в одно слово, при этом сохранилось французское звучание. И кто знает, как сложилась бы судьба пердюмонокля и был бы он востребован в современном дискурсе, если бы не ряд обстоятельств в прошлом: мода на монокли, театральный образ и актерский штамп на сцене.

На рубеже XIX–XX веков изящным символом «прекрасной эпохи» стал монокль – одиночная оптическая линза в тонкой оправе, крепившаяся при помощи шнурка или цепочки на лацкане или пуговице пиджака [Стеклышико в оправе, 2013, с. 41]. Носить его было своего рода искусством: голову закидывали назад, чтобы удержать линзу в глазу [Короткова, 2007, с. 307]. Кто и когда впервые изобрел монокль в его привычном виде достоверно не известно (считается, что стекла для увеличения предметов предложил Леонардо де Винчи), но уже похожим предметом пользовался в I веке до н.э. император Нерон [Энциклопедия моды, 1997, с. 252], а с XVI века монокль являлся аксессуаром среднего и высшего сословия в Европе [Прокофьева, 2022]. В России монокли носили до Первой мировой войны, затем в силу патриотических соображений массово стали отказываться от них: особая любовь к моноклям была замечена за офицерским составом германской армии [Забытый символ...: <http://>].

Примечательно, что ношение монокля расценивалось как проявление своеобразного вызова или эпатажа, например, Ж. Санд, известная своим бунтарским нравом и неординарным подходом к жизни, по свидетельству О. Прокофьевой, смотрела на мужчин сквозь монокль, чем шокировала их [Прокофьева, 2022]; конечно, дама в монокле была немыслима ни в реальности, ни в фантазиях, но, как признается Ирина Одоевцева, там, где появлялась Зинаида Гиппиус, действительность оказывалась более фантастической: поэтесса «носила монокль исключительно на улице, вставляла его в левый глаз перед зеркалом в прихожей, перед тем как надеть перчатки» [Одоевцева, 2017, с. 59]. Таким образом, в те времена монокль являлся знаком *предела падения* [Фридштейн, 2005, с. 359], и женщинам было легко демонстрировать этот смысл, а вот вставленный в глаз писателя А.Н. Толстого монокль, по воспоминаниям К.И. Чуковского, был негативно воспринят В.Г. Короленко и стал причиной отчуждённости при разговоре [Воспоминания ..., 1973, с. 37]. К слову сказать, в постреволюционной России монокль М. Булгакова стал притчей во языщах: этот стеклянный прибор, по воспоминаниям Л. Белозерской-Булгаковой, «вызывал озлобление, и некоторые даже склонны были рассматривать его как признак ниспровержения революции» [Воспоминания о Михаиле Булгакове, 1988, с. 221]; и только после карикатуры Кукрыниксов, Булгакова больше никогда не видели с моноклем [Котова, 2004, с. 101]. Любитель эпатировать публику В. Маяковский монокль не носил, но вот лирический герой поэмы «Облако в штанах» готов был сделать это вместо автора: «...солнце моноклем вставлю в широко растопыренный глаз» [Маяковский, 1955, с. 187].

Парадоксально, но закрепившиеся на рубеже XIX–XX веков за моноклем-предметом смыслы ‘эпатировать публику’, ‘бунт против условностей общества’ не нашли отражения в системном представлении единицы.

Иначе сложилась судьба смыслов, рождённых на театральной сцене. В семиотической концепции Ю.М. Лотмана предполагается, что язык театра

складывается на базе национально-культурных традиций [Лотман, 2002, с. 408], таковые определили судьбу монокля. В театральной среде довольно прочно укрепились два штампа, связанных с моноклем. Первый: этот оптический прибор стал обязательным при создании образа буржуа; например, стереотип англичанина – сухопарый человек, безукоризненно одетый, с моноклем в глазу, с короткой трубкой в зубах (об этом см. в [Карасик, 2002, с. 45]). Несмотря на то что в «Хрестоматии актёра» предписывается создавать грим на основе непосредственных наблюдений над жизнью и избегать обезличенного шаблона [Писаренко, 1930, с. 54], актёры, изображая представителей высшего сословия, надевали монокль: классовый враг ранее четко маркировался моноклем и пузом [Аннинский, 1997, с. 189]. С одной стороны, монокль указывал на состоятельность субъекта, с другой стороны, вложенный в глазную впадину и удерживаемый опущенной бровью и приподнятой щекой монокль создавал ощущение перекошенности лица – уродливая гримаса бульдога в дополнение к другим деталям работала на отрицательный шаблонный образ капиталистов [Иоффе, 1932, с. 124]. Второй штамп: монокль использовали в спектаклях для шаблонного изображения удивления и / или испуга: бровь приподнималась – монокль выпадал. Считается, что этот приём широко применялся, хотя прямых официальных ссылок на его описание трудно найти, но в качестве байки очень популярен [Шандерович: <http://>]. В периодических изданиях рубежа XIX – XX веков встречается этот театральный штамп при описании профессиональных актеров – действующих лиц произведений. Так, находим интересующий нас приём в рассказе Ю. Леру «Доброе сердце»: «*Дай луидоръ, скорѣе. Золотая монета липнетъ къ слишкомъ глянцовитымъ лайковымъ перчаткамъ, но наконецъ падаетъ въ руку маленькой нищенки, и въ то же время монокль выпадает у кавалера изъ глаза отъ сильного движенія бровью. Юношѣ, питомцу станиславской школы, и жаль чрезмѣрной милости, и вмѣстѣ пріятно, что у его дамы такое чуткое сердце*» [Леру, 1895, с. 88]; ср. также

в переводе Латернера романа В. Вольтерса «Ихъ карьера»: «*Каждое отдельное слово произносится съ ударениемъ, брови приподнимаются къ верху. Монокль испуганно выпадает и беспомощно качается на шнурѣ. – Кажется всѣ хотятъ быть актерами...*» [Вольтерсъ, 1909, с. 18]. Таким образом, падающий монокль, или пердюмонокль, в театральной среде приобрёл значение ‘высшая степень удивления’ [Михайлова, 2023, с. 53].

В современной дискурсивной практике этот же смысл активно репрезентируется фразеоальтернативами с компонентом «пердюмонокль», которые образованы по традиционной для неофразеологии модели (ср. *полный звездец / трындец*): переменный компонент (имя прилагательное) + главное слово *пердюмонокль / пердимонокль*, например: *неожиданный пердюмонокль, полный пердюмонокль*. Приведём в качестве иллюстрации несколько контекстов: «*И этот человек пригласил незнакомку выпить кофе, а потом познакомил её со своей мамой. Конечно, Ирэн знала обо всех любовницах сына, но Олег ранее никогда никого не приглашал домой. У него есть квартира в Москве, где Котин встречается с временными любовницами. И тут такой неожиданный пердюмонокль!*» [Донцова, 2021, с. 92]; «*Вообще, это, конечно, полный пердюмонокль*», – адекватно высказывался лидер махровейшего поп-коллектива «*Руки вверх!*» Сергей Жуков, узнав, на юбилейной, 10-й церемонии вручения премии российской музыкальной индустрии «*Рекордъ-2008*», что стал «*артистом десятилетия*» [Марголис: <http://>].

В словаре А. Кузьминой «Театральный сленг» интересующее нас слово толкуется как «неожиданное происшествие с неудачным исходом» [Кузьмина, 2017, с. 33]. Это значение сформировалось не на основе бытующих в цифровом пространстве баек о пердюмонокле, и неоединицы, вербализирующие его, рассматриваются нами как более благозвучные синонимы растиражированного сленгового выражения «*полный писец*»: «*И профессия есть и не одна. Всегда и во всем она первая да лучшая была. А тут случился в жизни пердимонокль, стабильности нет, пришло и профессию*

новую осваивать и с нуля начинать» [Попова: <http://>]; *Войдя в кабинет, он первым делом оглядел меня. «Жива, недоразумение?» – сухо спросил, скривив губы при виде горсток пепла. Мда, неожиданный пердимонокль. Придется новую мебель заказывать»* [Хилинская: <http://>]. Как можно заметить, многовариантность предположительно объясняется поисками более удачных форм для бытующих в дискурсивных практиках смыслов.

Прежде чем перейти к другим примерам, необходимо вспомнить ещё одну байку, связанную с пердюмоноклем. На сайте [Sociation.org](http://sociation.org) – экспериментальном некоммерческом проекте, имеющем целью собрать большой словарь ассоциаций русского языка, на стимул *пердюмонокль* дано три реакции: *Франция, монокль, неловкость*, рассматриваемые нами как ключевые слова популярной версии возникновения «пердюмонокля». Во время торжественного обеда пожилая светская дама была столь неловка, что уронила свой монокль прямо в суп. Безусловно, это происшествие с неудачным исходом. Отсюда второе значение, закрепившееся за пердюмоноклем, – «большой конфуз» [Михайлова, 2023, с. 53], что достаточно наглядно отражают следующие контексты: *«Прошел час. Ну что ж. Поджарка готова. Тем временем на плитке уже должен... кипеть бульон... Вот ведь пердимонокль вышел! Мало того, что ничего еще не кипит, так для бульона еще и мясо нужно!»* [Герцен: <http://>]; *«Через неделю я переехал жить в черный район Филадельфии. Для экономии. Тут наступил полный пердимонокль. По утрам у подъезда меня встречал жизнерадостный бездельник, неизменно стрелял сигарету <...> И пытался завести со мной разговор. Я притворялся глухонемым и ретировался, обдумывая, что он сказал»* [Дараган: <http://>].

Статистические данные сервиса Яндекс Вордстат фиксируют востребованность лексемы *пердюмонокль / пердимонокль* в русскоязычной среде. К слову, в марте 2024 г. зафиксирован пик запросов: 2388 /43396 раз, что говорит об активном функционировании данной лексемы в интернет-пространстве, в отличие от фразеальтернативов с нею. Поисковые запросы

рассматриваемых неофразем можно объяснить желанием уточнить значение, т.к. перечень известных смыслов пополняется за счёт новых контекстов. Например, достаточно распространено значение ‘неоправданные надежды’: «*Муж у меня – самый настоящий Рак, классический. Рожден в срок. И характер соответствует. А вот со мной немножко того, передюмонокль вышел. Я тоже должна была быть Львенком, но времена были суровые... мама встала на учет в 5 недель, "обманула" – и всё, хоть ты тресни... роды вызвали раньше срока* [А вот интересно...: [http](#)]; «*Девушки проработали уже месяц, доход постепенно рос, клиентов прибавлялось, но Яна не была довольна результатами: <...> полный передюмонокль! Как я буду рассчитываться с лепидодендромом ползучим?*» [Васюта: [http](#)]; «*Я отказывалась верить своим ушам. Эдик Малевич, талантливый скрипач, – и такой передюмонокль! Пьяные могильщики, бомжи...*» [Донцова: [http](#)].

В целом, собранный дискурсивный материал свидетельствует о расширении традиционных смыслов, вербализируемых неоединицами с компонентом *передюмонокль*. Семантическое расширение происходит в процессе функционирования единиц: увеличение числа контекстов неизбежно ведёт к семантическим модификациям. Интерпретация фразеопопуляризмов и обнаружение новых смыслов оказываются возможными только в условиях широкого контекста, отражающего коммуникативные установки и оценки носителя русского языка.

Завершая параграф, отметим, что функционирование в цифровом пространстве альтернативных смыслов иллюстрирует уникальные возможности языка отражать не только различные сферы жизни, но даже самые незначительные изменения в восприятии человеком мира и себя в нём. Желание наших современников разобраться в политической жизни, общественном укладе, в культуре довольно часто приводит к нюансировке, что проявляется в обращении к знакомому языковому материалу и его трансформации. В связи со сказанным особый интерес для нас представляют

фразеоальтернативы, наблюдение за функционированием которых даёт ключ к пониманию процессов, ведущих к обновлению системы языка.

2.4. Фразеопопуляризмы как тип неофраземы: категориальные признаки

Растиражированность и общепонятность отдельной группы устойчивых сверхсловных новообразований подтверждается числовыми показателями и разнообразием иллюстративного материала. Эти единицы (в нашей теории – фразеопопуляризмы) часто составляют основу списков, инициированных интернет-проектами «Выражение года», «Неологизм года». Апробация фразеопопуляризмов в большинстве случаев проходит на «площадках» различных СМИ. Высокий рейтинг подобных сверхсловных сочетаний в целом свидетельствует об актуальности единицы в конкретном периоде.

Фразеопопуляризмы, по наблюдению исследователей, отличаются адаптированностью [Шипицына, 2010, с. 213] и эффективностью: небольшие по составу, но семантически ёмкие новые устойчивые выражения позволяют «минимальными языковыми средствами добиться максимального коммуникативно-прагматического эффекта» [Столярова, 2020, с. 188], что, собственно, и объясняет их популярность.

К характеризующим признакам *фразеопопуляризмов* относим:

- 1) достаточно высокую степень рекуррентности в цифровом пространстве;
- 2) негласную конвенцию носителей языка о преимущественном употреблении неоединиц, или «коммуникативную моду»;
- 3) функционирование в разных дискурсах;
- 4) абсолютную независимость от контекста;
- 5) возможную включенность в вариативные ряды;
- 6) возможную фиксацию в словарях фразеологической неографики.

Обратимся к анализу дискурсивного материала.

В работах исследователей не раз высказывалась мысль о «паспортизации» новых фразеологизмов в словарях, обеспечивающей им статус единиц языковой системы (А.В. Жуков). Традиционно фиксация новообразований в словаре могла восприниматься как сигнал того, что новая сверхсловная единица, оказавшись на пике популярности, получила «официальную прописку» в языке. Примером реализации подобного сценария можно считать следующие новообразования: *голосовать ногами, грязные технологии, дорожная карта, оседлать волну, оставаться за кадром, отмывать деньги, перевести стрелки, по полной программе, подушка безопасности, социальный лифт, утечка мозгов, финансовая пирамида, шоковая терапия* [Баско, 2016] и др. В современных научных публикациях высказывается другое мнение: «с осторожностью надо относиться к показаниям словарей как к доказательству отсутствия того или иного слова в языке в определённое время» [Еськова: [http](#)]. Есть опасение (об этом в работах Н.В. Баско), что на момент выхода словаря, новое, на что обращал внимание еще Н.М. Шанский, может стать привычным и повседневным и превратиться в самую рядовую единицу [Шанский, 1972, с. 159]. Именно поэтому носителями русского языка многие ФЕ, обозначенные в современных словарях как фразеологизмы нашего времени, воспринимаются (используем термин В.М. Мокиенко) как «старая новая» фразеология [Генералова: [http](#)] (ср. *бежать впереди паровоза, в одном флаконе, в подвешенном состоянии, в полном шоколаде, вставлять свои пять копеек, вызывать аллергию, выпадать в осадок, громкие заявления, двойные стандарты, делить портфели, дружить против, дышать в спину, закатать в асфальт, запасной аэродром, икона стиля, кошмарить бизнес, мочить в сортире, ниже плинтуса, ниже пояса, открывать дверь ногой, пролететь, как фанера над Парижем, промывать мозги, фильтровать базар, чемодан без ручки и мн. др.* [Баско, 2019]). Кроме того, отождествление понятий «популярная в СМИ фразеология» и «новая фразеология» часто ведёт к дублированию единиц из более ранних лексикографических изданий, что также ставит под сомнение

вопрос их «новизны» относительно указанного периода – «наше время» (например, *белые воротнички, бином Ньютона, богатенький Буратино, выкручивать руки, выпустить пар, гнать волну, держать на коротком поводке, держаться на плаву, джентльмены удачи, закручивать гайки, засланный казачок, катить бочку, качать права, мазать всех одной краской, мина замедленного действия, мыльная опера, обратная связь, пахнет жареным, перегибать палку, раздача слонов, резать по живому, рояль в кустах, священная корова, усидеть на двух стульях, сладкая парочка, сохранять лицо, спускать на тормозах, терять лицо, торчат уши, цепная реакция, человеческий фактор, черная дыра* [Там же]). Довольно часто, сверхсловные устойчивые обороты, ещё не перешедшие в узус, подвергаются кодификации как общеупотребительные, что также приводит к смешанному составу словарей новой фразеологии.

В качестве примера можно привести единицы ограниченного употребления: жаргон (*отправить в бан, глюки полировать, компьютерное железо, писать заборчиком, убрать под кат, полное ламо, горячая перезагрузка, кинуть пруф, прокачать скиллы, испанский стыд, быть на чили* [Доброва, 2022]); эрративные устойчивые выражения (*аффтор, выпей йаду, аццкий ад, многа букаф, жырный жыр, я криветко, валялся пацтолом, сто пицот* [Там же]); фразеологические варваризмы (*не айс, вычисли по айти, ачивмент анклоид, гейм ова, коммюникейшин скиллз, ноу криминалити, траст ми, тру стори, френдз онли, хай олл, хайли рекоменд* [Там же]). Включение подобных единиц в концептуальную систему ограничивается, на наш взгляд, экстралингвистическими факторами: социальными (возраст носителей языка или принадлежность к определенной субкультуре) и культурными (ценности и нормы, принятые в обществе, обычаи и традиции). Оценке роли культурных факторов в процессе неофразеологизации будет посвящён заключительный параграф третьей главы.

В целом, что следует из обзора С.Г. Шулежковой, «нельзя сказать, что сверхсловные неологизмы, возникшие в конце XX – начале XXI столетия,

обойдены вниманием авторов, создающих современные славянские словари» [Проблемы..., 2021]. Свою нишу в подобных изданиях занимают фразеопопуляризмы, номинирующие предметы и явления, ставшие частью обыденной жизни (*голосовая авторизация, голосовая биометрия, цифровая видеокамера, параллельный импорт, платежный терминал, социальная дистанция, обманутые дольщики, бесконтактная доставка, мобильный интернет, клубная карта, социальный лифт, фейковые новости, сенсорный экран* [Доброва, 2022] и т.п.).

Фразеопопуляризмы не нуждаются в дешифровке, они понятны носителям языка без дополнительного разъяснения, о чём свидетельствуют публикации в цифровом пространстве (ср. «*1 июня в День защиты детей наши ребята померились силами в г. Екатеринбург на «VI чемпионате Ментальной Арифметики Кубок Урала – 2025»* [Ментальная арифметика: [http](http://)] или «*На первый взгляд, экзотические валюты кажутся привлекательными. Однако при более детальном анализе становится ясно, что они связаны с определенными рисками и ограничениями*» [Стрельникова: [http](http://)] и мн. др.).

Доминирование фразеопопуляризмов в речевых практиках можно рассматривать как дань коммуникативной моде. К слову, некоторые из фразеопопуляризмов, зафиксированные в словарях фразеологической неологии (ср. *вишенка на торте, на минуточку, полный отстой, полный треши, у меня лапки, причина тряски, я вас услышал, от слова совсем, ой, все!*), так часто употребляются, что, согласно выводам А.А. Осиповой, становятся штампами [Осипова, 2022, с. 523].

Рассматриваемая группа сверхсловных новообразований, как и другие неофраземы, отражает не только изменения в устройстве внешнего мира, социальных отношений, но и сдвиги в мировоззрении современного человека. Так, по данным справочно-информационного портала о русском языке, термины из области поп-психологии стали настолько популярны, что номинируются на роль «Слово года – 2024» [Все о чувствах: [http](http://)]. Даный факт не вызывает удивления у фразеологов, поскольку профессиональный

дискурс психологов стал постоянным источником сверхсловных неономинаций (например, *долгосрочные отношения* [Шаман: [http](#)], *закрыть гештальт* [Гештальт: что это ...: [http](#)], *зона комфорта* [Зона комфорта и зачем из нее выходить: [http](#)], *послеродовая депрессия* [«Мама не в порядке»: [http](#)] и т.п.). В 1990-е годы, когда массово стали открываться кабинеты психологической помощи [Глачева: [http](#)], отношение к их посещению было неоднозначным из-за устойчивого стереотипа «Если ты комсомолец, ты не должен ничем страдать» [Рудашевская: [http](#)], но со временем поход к психологу стал «хорошим тоном» [Психотерапия в России: [http](#)]. В новейшее время психологическая наука буквально уходит в массы, чего не наблюдалось прежде. Решающим фактором стало общение в цифровом пространстве: отсутствие прямого контакта как бы снимает зажимы, рождаемые комплексами (стыдно рассказывать, неловко обсуждать, боязнь осуждения и насмешки и т.п.). Психологическая тематика представлена в Сети достаточно обширно: профессионалы консультируют семейные пары (*личные границы, токсичные отношения* [Доброва, 2022]), просвещают родителей (*цифровой аутизм, игровая зависимость, клиповое мышление* [Там же]), рассказывают о психотипах нового времени (*благополучные беспризорники, включать душнилу, гламурное Кисо, генетический мусор, информационный псевдодебил* [Там же]), а также о различных состояниях (*крыша не в порядке, ретроградный Меркурий, быть на расслабоне* [Там же]) и синдромах (*синдром отложенной жизни* [Там же]), с которыми сталкиваются наши современники.

Предметом открытого обсуждения оказываются вопросы домашнего насилия, а представители среднего возраста становятся свидетелями коренного переосмыслиения веками формировавшихся стереотипов. Например, в семьях, что подтверждается пословицами из сборника В.И. Даля, рукоприкладство мужа было делом привычным и расценивалось как проявление любви (*Любит, как душу, а трясет, как грушу; Люблю, как клопа в углу: где увижу, тут и задавлю; Кто кого любит, тот того и бьет. Кого люблю, того и бью* [ПРН, 1989, т. 2, с. 336]). Разъярённому главе семьи многие

жёны не перечили, даже прощали жестокость и побои («*Она молчала, но – знала зачем, знала, что теперь её, избитую и оскорбленную, ожидают его ласки, страстные и нежные ласки примирения. За то она готова была ежедневно платить болью в избитых боках*» [Горький, 1976, с. 133]). И хотя идеальными в русской семье считались отношения, построенные на любви и заботе (ср. поучение отца сыну из «Домостроя»: «*Благославляю я <...> жить <...> жену наставляя и домочадцев своих не понужденьем, не битьем, не тяжкою работой, а словно детей, что всегда в покое, одеты и сыты, и в теплом дому, и всегда в порядке*» [Домострой: <http://>]), физическое насилие совершалось, но о нём было принято молчать. Всё изменилось, считает А.С. Панщенко, во второй половине 1980-х, когда внимание специалистов сосредоточилось на агрессии, проявляемой по отношению к женщинам [Пашенко, 2009, с. 203]. К настоящему моменту в общественном сознании укоренилось понятие «насилие в семье» и сформировалось общественное осуждение данного явления. В Сети устойчивое выражение *домашнее насилие* [Платонова: <http://>] функционирует в разных дискурсивных формах, ориентированных на запросы возможных жертв или людей, сопровождающих их реабилитацию: профессиональная просветительская статья (психологический дискурс [Абдуллина: <http://>], юридический дискурс [Черкасов: <http://>]); непрофессиональная тематическая статья (дискурс масс-медиа [Домашнее насилие в семье..: <http://>]); памятки (административный дискурс [Домашнее насилие: что делать...: <http://>]), консультации (психологический дискурс [Домашнее насилие: как распознать...: <http://>], юридический дискурс [Что делать...: <http://>]). Жертвам домашнего насилия в современных дискурсивных практиках противопоставлено несколько типов абыузеров (*психологический абыузер, физический абыузер, экономический (финансовый) абыузер* [Доброда, 2022]). Новомодные слова *абьюз* и *абьюзер* в составе устойчивых сочетаний входят в тематическую группу «насилие» и вместе с другими фразеопопуляризмами, рождёнными в психологическом дискурсе, востребованы в контенте Telegram: тренд «психология и

самопомощь» занимает 4-ую позицию [Основные тренды...: <http://>].

Типичным образцом высокой рекуррентности фразеопопуляризмов и их интердискурсивности служит единица *клиповое мышление* (только за период с января по июнь 2025 г. в Сети выражение запрашивалось 66597 раз). Термин (Clip thinking), заимствованный из английского языка (восходит к понятию «клиповая культура», которое ввёл социолог Элвин Тоффлер [Методическая рассылка...: <http://>], но, по мнению учёных, «научный приоритет в создании этой теории принадлежит отечественным учёным» [Яркина, 2019, с. 77]), встречается в различных дискурсах (преимущественно психологическом и педагогическом: «*Суггестивное воздействие на людей с клиповым мышлением чаще всего, оказывается, посредством эмоционального и образного воздействия с помощью различных графических изображений, видеороликов, презентаций, рекламных роликов*» [Цветков, 2023, с. 318]; «*Какие же особенности клипового мышления необходимо учитывать педагогам при моделировании уроков? Носители клипового мышления не воспринимают однородную по содержанию и одностильную по способу предъявления информацию*» [Ривкин, 2023, с. 3]) и приобрёл вместе с популярностью черты языкового штампа: 1) быстрый и экономный способ передачи информации; 2) обесценивание термина в результате чрезмерного употребления для выражения мысли [БРЭ: <http://>]. Определяющим фактором популяризации термина, возможно, стал информационный шум вокруг феномена *клиповое мышление*. Выявленное в контексте обновления отечественной системы образования явление отвечало на главный вопрос педагогического сообщества, как обучать в условиях цифровизации. Стало очевидно, что современные дети воспринимают и обрабатывают информацию совершенно по-иному: они «<...> обладают визуальным, быстрым, но поверхностным мышлением» [Купчинская, 2019, с. 67]. Разговоры о различии «людей книг» и «людей экрана» оказались востребованными за пределами психологического и педагогического дискурса и вышли на уровень популяризации научного знания (в понимании некоторых авторов, псевдонаучного [Карпенко: <http://>]) в

дискурсе масс-медиа: «*Особенно остро вопрос клипового мышления стоит в отношении детей, выросших в окружении гаджетов*» [Клиповое мышление: что это?: [http](http://)] или «*Врач Крашнина: клиповое мышление притупляет возможность сопереживать*» [Врач рассказала...: [http](http://)]. В целом, рассматриваемая проблема стала «модной» в цифровом пространстве, во множественных публикациях растиражированы шаблонные околонаучные размышления по поводу когнитивных способностей юных россиян: осмысление «завирусированной» темы можно встретить даже в современной поэзии [Дмитрич: [http](http://)].

Особого разговора заслуживает такой характерный признак фразеопопуляризмов, как готовность к формированию вариативных рядов. Приведём в качестве примеров несколько типичных единиц: 1) *горячие туры, горячие путевки*; 2) *вкусная помощь, сладкая помощь*; 3) *вирусный контент, вирусные публикации*; 4) *кровавый январь, кровавый кантар*; 5) *лекарство от одиночества, лекарство от пустоты*; 6) *мастер порядка, организатор пространства*; 7) *токсичный человек, токсичная фигура* и под. Объединить представленные единицы в вариативные ряды нам позволил подход, озвученный А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским: если варьирование не приводит к изменению семантики, то нет оснований разделять варьируемые формы на разные фразеологизмы [Баранов, Добровольский, 2013, с. 18]. Значительное количество рядов и сверхсловных единиц в них можно объяснить несколькими причинами, например, обращением пользователей языка к аналогии, когда, как представляется И.В. Козиной, «осмысляется функциональная значимость языкового элемента» [Козина, 2000, с. 97]; желанием обозначить личную причастность к выражению коллективного мнения.

Рассмотрим примеры. В последнее время чрезвычайно употребительны в цифровом пространстве варианты *уютные темы, уютные разговоры, уютные беседы*. Ключевое слово *уютный* в словарях русского языка встречается с 1794 года [Черных, 2009, т. 2, с. 298]. Значение лексемы – «такой,

в котором удобно и приятно находиться» [СРЯ, 1988, т. 4, с. 546] – определяло её сочетаемость: *уютное кресло, уютная комната, уютный дом, уютное гнездышко* [Сочетаемость слова...: [http](#)] и т.п. Одновременно с системным значением в разговорной речи существовало другое (также зафиксировано в словаре) «такой, который располагает к себе спокойствием, простотой и мягкостью» [СРЯ, 1988, т. 4, с. 546], реализуемое в словосочетаниях типа *уютный свитер, уютные тапочки, уютный плед*. В современных речевых практиках под воздействием контекста актуализируется смысл ‘такой, который располагает к душевному и откровенному общению’. Так, в версии *Marie Claire*, 30 уютных тем – «*повород для искреннего разговора. Пусть он станет началом чего-то более глубокого, теплого и настоящего <...>*» [Медоева: [http](#)]. Рождение нового смысла вызвано, по всей вероятности, возрастанием роли феномена уюта в обществе: «*на фоне усталости от бесконечных политических кризисов и социально-экономических проблем мы наблюдаем рост интереса к приватной сфере, в которой протекает повседневная жизнь обычного простого человека*» [Чеснокова, 2021, с. 52]. Нашему современному думается, что в организации особого пространства дома есть спасение от ненадежного внешнего мира [Почему нам...: [http](#)]. Однако опасность кроется в вызовах глобального мира, противостоять которым в одиночку сложно, поэтому вопрос безопасности остаётся актуальным (большой популярностью пользуются подкасты «Уютные разговоры про кибербез» [Уютные разговоры: [http](#)]), но не менее важным оказывается для общества обретение баланса между внешними условиями и внутренними ощущениями. Именно этим определяется неподдельный интерес в цифровом пространстве к «Уютным разговорам», предлагающим для обсуждения вопросы, которые позволяют достичь внутренней гармонии: «*Добро пожаловать на канал «Уютные беседы»! Здесь мы <...> создаем атмосферу тепла и открытости, где каждый может поделиться своими мыслями и чувствами. Наши разговоры вдохновлены искренностью и дружелюбным настроением – мы исследуем жизнь в ее самых простых и*

важных аспектах» [Уютные беседы: [http](http://)].

Вариантные ряды составляют также сверхсловные единицы с компонентом *блокадный* (ср. *блокадная квартира*, *блокадный дом*, *блокадная комната*; *блокадные воспоминания*, *блокадная книга*, *блокадный дневник*). Их функционирование в Сети объясняется экстралингвистическими факторами. Во-первых, напоминание о трагических страницах прошлого является национальной задачей нашей страны: «*Чтобы снова // На земной планете // Не повторилось той зимы // Нам нужно, // Чтобы наши дети // Об этом помнили, // Как мы!*» [Воронов, 1977, с. 140]. Отсюда и различные формы презентации и хранения памяти об исторических событиях (публикация воспоминаний и личных дневников блокадников, музейные экспозиции жилища блокадных дней, экскурсии по местам, сохранившим свидетельства блокады), и требуемое разнообразие способов их номинации. Во-вторых, вариантное воплощение одного смысла свидетельствует о возможности его интерпретации представителями разных поколений: осмыслить трагедию ленинградской блокады считают своим долгом не только её свидетели, но и их потомки. Так, в последнее время стали популярными инсталляции блокадных квартир: плотные занавески, печь-буржуйка, санки для перевозки питьевой воды [В приморском...: [http](http://)], однако эти атрибуты не передают всей правды блокадного времени, как сказано в одном из материалов: «*Блокадную квартиру нельзя изобразить ни в одном музее, ни в каком манеже или панораме, так же как нельзя изобразить мороз, тоску, голод*» [Ужасы блокадного...: [http](http://)]. Тем не менее, в пространстве интернета находятся поражающие своей бесприютностью визуальные свидетельства времени, зафиксированные в сверхсловных сочетаниях *блокадная квартира* [Качалов: [http](http://)], *блокадный дом* [Гальперин: [http](http://)], *блокадная комната* [Блокадная комната...: [http](http://)]. Общим смысловым стержнем этих неофразем является сема ‘выморочное жилище’, это место – воплощение тяжелой атмосферы блокадных дней.

Семантическим единством ‘страшная правда’ очевидцев блокады Ленинграда характеризуется и другой ряд сверхсловных единиц (ср. *блокадные воспоминания, блокадная книга, блокадный дневник*), неслучайно получивших широкое распространение в дискурсивных практиках. Русский народ всегда осуждал тех, у кого память короткая.

Во всех рассмотренных случаях единая семантическая основа позволяет говорить о включении фразеопопуляризмов в вариативные ряды, а отмечаемые различия в их составе нивелируются в сознании носителей языка как незначимые.

Фиксируемые в новейших словарях фразеопопуляризмы могут объединяться и на основе общей темы и «ситуативного совпадения»:

1) государственные перевороты и военные конфликты конца XX в. – начала XXI века: *бархатная революция, болотная революция, цветная революция; одесская Хатынь, антитеррористическая операция, война компроматов, гибридная война, грязные бомбы, гуманная война, небесная сотня, президентские береты, псковский эксперимент, чеченская мафия, чеченский излом, чеченский капкан;*

2) относительно недавние общественно-политические события, конфликты и акции: *вежливые люди, крымская весна, крымский мост, лихие девяностые, минские соглашения, желтые жилеты, санкционная война;*

3) информатизация и цифровизация социальных практик и коммуникации: *в интерактивном режиме, виртуальная реальность, виртуальное сообщество, в режиме онлайн, дистанционная работа, дистанционное обучение, информационные технологии, компьютерная безопасность, цифровой / информационный барьер, цифровая эпоха, цифровое государство, электронная услуга;*

4) инновационные процессы в сферах общественной жизни:
– в экономической сфере: *инвестиционный климат, инфляционная спираль, ипотечные каникулы, кошмарить бизнес, кредитная линия, кредитный рейтинг, майнинговая ферма, майнить биткоины, налоговый мониторинг,*

- порог бедности, потребительская корзина, стратегический инвестор, финансовая подушка, финансовый коллапс;*
- в социальной сфере: *демографические ножницы, демографическая яма, материнский капитал, социальная дистанция, суррогатное материнство;*
 - в духовной сфере: *бессмертный полк, волонтерское движение, георгиевская лента, гуманитарный коридор;*

- 5) инновационные процессы в различных сферах деятельности человека:
- в сфере услуг: образование: *дистанционное обучение;* лечение: *антивозрастная медицина, бессимптомный носитель, коронавирусная инфекция, паспорт вакцинации, социальная дистанция, спутник V, COVID-19;* торговля / предпринимательство / бизнес: *безбумажный офис, черная пятница;* реклама: *бегущая строка, вирусный маркетинг;* туризм: *аграрный туризм, пакетный тур, экологический туризм;*
 - в сфере материального производства: *высокие технологии, генная инженерия;*
 - в интеллектуальной сфере: *искусственный интеллект, умное голосование.*

Благодаря отсутствию «запретных» тем в цифровом пространстве получают широкое распространение устойчивые новообразования, репрезентирующие уровень притязаний пользователей сети, которые ограничиваются физиологическими потребностями (согласно Маслоу, это пища, одежда, жильё): *персональный шопинг* [Персональный шопинг...: http], *пустые калории* [Бартукова: http], *пищевой мусор* [Пищевой мусор: http] и т.п.). К слову, тематическая группа «Индустрія красоты» активно пополняется сверхсловными единицами, номинирующими инновации в области ухода за телом и дизайна одежды [Шкаленкова: http]: *голые ногти* [Маникюр...: http], *горячий маникюр* [Что такое горячий...: http], *креативные индустрии* [Креативные...: http], *стильные луки* [Тренды...: http], *тихая роскошь* [Корсаков: http].

В качестве примера популярного оборота рассмотрим выражение *капсульный гардероб* [Капсульный...: http]. Вопрос «А что сейчас носить

модно?» традиционен для современного общества. Пристальное внимание к тенденциям и трендам в сфере моды для многих россиян естественно и жизненно необходимо, поэтому появление сверхсловного неологизма *капсульный гардероб* (в значении ‘комплект из актуальных предметов одежды’) в дискурсивных практиках вполне закономерно. Выражение, придуманное владелицей лондонского бутика, мгновенно акклиматизировалось на русской почве (начиная с января 2018 г. поисковый запрос на это выражение не падал ниже показателя 5500 раз). Идеализирование мультифункциональности одежды и приобщение россиян к идее одеваться практично и со вкусом, т.е. носить вещи из *капсульного гардероба*, активно продвигается в цифровом пространстве. По нашим наблюдениям, данная единица вписывается в вариативный ряд (ср. *базовый гардероб, готовый образ, универсальный лук* [Секреты...: <http://>]), что указывает на общественную практику освоения актуального неологизма.

Рассмотренные в рамках параграфа фразеопопуляризмы включают лишь часть функционирующих в цифровом пространстве новообразований, но они позволяют составить представление об актуальных для общества событиях, фактах действительности и даже психологии современника.

Завершая разговор о фразеопопуляризмах, важно подчеркнуть, что качественное и количественное обновление фразеологического фонда, наблюдаемое в последние десятилетия, нельзя рассматривать как равномерное и устойчивое. Единицы, рождённые на потребу дня или получившие широкое распространение благодаря моде на их использование в дискурсивных практиках, очень часто перестают быть востребованными в связи с тем, что важнейшим фактором «популярности» многих из них оказывается не выверенная значимость (ср. фразеологические единицы хранят информацию о национальной культуре, менталитете, накопленном социальном опыте), а «языковой вкус» носителей языка определённого времени (понятие введено В.Г. Костомаровым [Костомаров, 1999]). Именно поэтому не всегда активное употребление неофразем служит гарантом того, что каждый устойчиво

воспроизведимый сверхсловный оборот будет маркирован как единица, обладающая культурологической ценностью.

2.5. Потенциальные фразеологизмы как тип неофраземы: категориальные признаки

Преодолев уровень дискурсивной популярности, многие сверхсловные новообразования становятся частью концептуальной системы, которую принято рассматривать как «ментальный уровень, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов, 2022, с. 107]. Как показывает анализ отобранного материала, в большинстве случаев фразеопопуляризмы переходят из области узуальности в область системности, т.е. становятся частью национального фразеологического фонда. Их состояние, по мнению С.Г. Шулежковой, говорит о трансформации менталитета славян под влиянием различных обстоятельств не только в собственных государствах, но и на международной арене. В то же время неологизмы, формирующиеся на основе собственных языковых ресурсов, отражают своеобразие картины мира каждого из народов [Проблемы..., 2021, с. 107, 21 – 24].

Для этого типа неофразем характерен не просто «оттенок новизны», но готовность встраивать новое знание в национальную концептуальную систему: потенциальные фразеологизмы либо вербализуют смыслы, свидетельствующие о процессе трансформации традиционных и национально-специфичных концептов, либо отражают процессы формирования новых концептов.

Потенциальные фразеологизмы характеризуются следующим набором признаков:

- 1) достаточно высокая степень рекуррентности в цифровом пространстве;
- 2) функционирование в разных дискурсах;

- 3) абсолютная независимость от контекста;
- 4) новая вербализация констант национально специфической картины мира либо новых концептов;
- 5) возможная включенность в систему парадигматических отношений с единицами национального фразеологического фонда;
- 6) возможная фиксация в словарях фразеологической неологии.

Демонстрация специфических признаков *потенциальных фразеологизмов* возможна, как и в случае с предыдущими типами неофразем, на анализе речевого материала.

Ключевые идеи русского мира имплицитно встроены, по мнению Ю.С. Степанова, в структуру концептов – «сгустках культуры в сознании человека» [Степанов, 1997, с. 40], в совокупности составляющих картину мира и материализующихся в языке. Формы языковой экспликации концептов многообразны: лингвоспецифичные слова [Зализняк, 2005, с. 10], различные фразеологические образования и даже прецедентные тексты. Носители русского языка эту систему ключевых идей, предписанную и в большей мере коллективно бессознательную, воспринимают как обязательную для всех [Там же. С. 9]. При этом концепты как фрагменты знания человека о мире «наследуются». Признание этого факта позволяет сформировать представление об этнокультурной концептосфере как стабильном и статичном образовании, в то время как она динамична [Карасик, 2002, с. 188].

Мобильность лексико-фразеологической системы языка, наблюдаемая на современном этапе её формирования, в понимании Л.Н. Чурилиной, детерминирована экстралингвистической реальностью [Чурилина, 2021]. Эта значимая для нашего исследования мысль объясняет конкуренцию между новым и старым в дискурсивных практиках: устоявшиеся представления о жизни, репрезентируемые традиционными фразеологическими единицами языка, оказываются невостребованными в ословливании новых смыслов, так как изменившийся мир невозможно подвести под прежние мерки.

Объектом наблюдения в этой части исследования стали потенциальные фразеологизмы, использующиеся в функции репрезентантов оценки уровня благосостояния жителей России. Справедливости ради отметим, что русские фразеологизмы и паремии и прежде выполняли эту функцию, однако резкий переход от советской плановой экономики к западной рыночной стал стимулом для формирования иного отношения к деньгам, на что отреагировала новая фразеология. Разговор о трансформации целесообразно начать с рассмотрения темы «благосостояние общества» в русской картине мира, представленной в «традиционной» фразеологии.

В монументальном труде Н. Бердяева без дополнительных комментариев утверждалось, что Россия не стала страной буржуазной [Бердяев, 2008]. Историки видят причину в подавляющей роли государства в экономике [Осипов, 2002]. По мнению культурологов, в христианской России «отношение к деньгам существовало в системе своих ценностных координат»: «рационализации отношения к деньгам на западный манер не произошло, потому что православный разум иначе <...> смотрел на жизнь. Согласно ему, жить одним расчетом нельзя <...>» [Васильева, 2018, с. 11]. В сознании нашего народа укоренилось, что бедности не стоит стыдиться, о чём свидетельствует материал словаря В.И. Даля (все примеры абзаца из одного источника [Даль, 2016, т.1]): *бедность не стыд, бедность не порок* и др. Более того, в представлении русских людей, бедность компенсируется другими добродетелями: «*Бедно живет, да по-божески*», «*Что беднее, то щедрее*». Надо отметить, что в пословицах умудрённое опытом старшее поколение наставляло подрастающее: не зависит счастье от наличия денег («*Не с богатством живь, а с человеком*», «*Глупому сыну не в помоиъ богатство*»). Сравнивая тех, у кого деньги водятся, с теми, у кого карман дырявый, русский человек, бесспорно, признавал, что жизнь у богача лучше («*Бедность плачет, богатство скачет*», «*Богатому живь, а бедному вытье*»), хотя обеспеченные тоже сталкиваются с проблемами, правда, иного рода, чем нуждающиеся в крови и хлебе («*Богатому не спится: богатый вора боится*»).

Многие традиционные представления, восходящие к христианской морали, были воплощены в русской литературе: герои проходили своеобразное испытание деньгами, которые олицетворяли абсолютное зло. Эволюция этого представления, как считает С.С. Губанова, связана с купеческим сословием и отмечается на рубеже XIX–XX веков: «купеческое сословие на собственном примере показало, что можно совместить деньги и совесть» [Губанов, 2011]. Облик нового купца вытеснял купцов-самодуров Замоскворечья: в России сформировался предприниматель, способный, с одной стороны, рационально организовать производство, а с другой – готовый поддержать небывалое по масштабу меценатство. Отличительными качествами купцов новой формации были трудолюбие, энергичность, скромность в личных расходах [Предпринимательство...: <http://>]. Однако в российском сознании прочно «осел» отрицательный образ купечества, подтверждение находим в словаре русских народных сравнений: *гулять как купец, напороться как купец, развесить сетево как купец, скупой как купец, толстый как купец, хитер как купец* [Мокиенко, 2008]. Русская фразеология также фиксирует морально-этическую оценку купеческого промысла. Отметим, что на ценностной шкале большая часть единиц находится в отрицательной зоне (все фразеологизмы абзаца взяты из одного источника [ФСРЯ, 2016]). Рассмотрим некоторые примеры.

Во-первых, не верил никогда русский человек, что честным и тяжелым трудом можно заработать большие деньги, о чём свидетельствуют фразеологизмы: *бешеные деньги, шальные деньги, шалые деньги*. Во-вторых, в российском социуме порицались купеческая расточительность и любовь к роскоши: *бросать деньгами / сорить денежками, денежска счет любит, не знать счета деньгам*. В-третьих, осуждался сам процесс материальной рациональности и стяжательства, что выражалось в экспрессивном наименовании процесса добывания денег: *грести деньги лопатой, зашибать деньги*.

В советский период при провозглашенном всеобщем материальном равенстве всё же жили граждане по-разному: кто-то скромно на оклад, а кто-то пользовался по-хозяйски государственными благами. При этом классовая неприязнь к богатым людям воспитывалась с раннего возраста, обеспеченных людей назвали *недорезанными буржуями* [Ермакова, 2011].

Заслуживает особого внимания триумфальное возвращение в перестроечный и постперестроечный период делового, т.е. умеющего заработать деньги человека: словарь пополнился такими единицами, как *бизнесмен, коммерсант, дельцы теневой экономики, малый кооператив, договорная цена* [Максимов, 1992]. Немаловажно помнить, что в народе складывалось своё отношение к людям иной формации: для наименования стали использоваться иронические обороты *малиновые пиджаки, новые русские* [Новые слова и значения, 2014]. В начале нового тысячелетия, когда «маркированные» пиджаки вышли из моды, а новых русских стало значительно больше и они не выделялись в толпе, в обиходе россиян появились наименования для новой прослойки общества, восходящие к прецедентным феноменам: *богатенький буратино и жирный кот* [СНРФ, 2015]. В глазах лисы Алисы и кота Базилио (героев сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик») Буратино, владевший пятью монетками, был настоящим богачом, а живущий в достатке кот из мультипликационной трилогии о попугае Кеше, значительно раздавшийся в ширину после поездки («*Отдохнул – во! Сметаны – во! Рыбы – во!*») на фоне других обитателей двора не бедствовал. Таким образом, известные персонажи книги и мультфильма стали новыми символами обеспеченности. В этот же период в речевой практике были активны, а сегодня зафиксированы в словарях новой фразеологии неофраземы, характеризующие высокий уровень материальной жизни россиян (в *полном шоколаде* [Баско, 2019]) и описывающие особенности ведения бизнеса (*делить пирог, мимо кассы, отмывать деньги, подушка безопасности, черный налог, рубить капусту* [Там же.]).

Удивительно, но в период возрождения русского предпринимательства в языковом сознании носителей языка образ обнищавшего рабочего или еле-еле сводящего концы с концами представителя интеллигенции представлен немногочисленными неологизмами. До недавнего времени устаревшее слово *нищеброд*, по наблюдениям лингвистов, актуализировалось в значении «человек, обладающий низким материальным достатком» [Куклина, 2006]. Этот же смысл закрепился за неофраземой *новые бедные*. В. Костиков предполагает, что «*новые бедные*» не голодают (им хватает на хлеб и макароны), но многие товары на витrine, походы в театры, туристические маршруты – для них закрыты. «Мироощущение обездоленности определяется разлитым вокруг неравенством» [Розанова, 2024]. В народном понимании «всех простолюдинов загонят в касту „новых бедных“ … и даже тех, кто наивно причислял себя к „среднему классу“» [Костиков: [http](#)].

В разные исторические периоды государственная политика в вопросе социальной поддержки населения не отличалась стабильностью [Новый термин..: [http](#)]. Реакция языка на социальные нововведения была мгновенной: свою нишу заняли такие фразеологические неологизмы, как *продовольственная корзина, прожиточный минимум, сводить дебет с кредитом* [Климонова, 2021]. Все они объединены темой выживания в условиях рыночной экономики. Впервые в 1992 г. определены уровни обеспеченности граждан: точкой отсчета стало понятие *прожиточного минимума*, а по разным сторонам системы координат расположились *ниже прожиточного минимума и выше прожиточного минимума*. Если верить социологам, «промежуточный минимум (далее ПМ) стал <...> основанием для начисления заработной платы, пенсий и других социальных выплат» [Суетина, 2018]. Параллельно в дискурс было введено социально-экономическое понятие *продовольственная корзина*: от стоимости входящих в неё продуктов первой необходимости зависел ПМ. Неологические фразеологизмы терминологического происхождения *продовольственная корзина* и *прожиточный минимум* в современных дискурсивных практиках

маркируют определённые социальные группы и призваны характеризовать доходы тех россиян, кому едва *на жизнь хватает*. С 2021 г., по данным издания «Аргументы и факты», «минимум» зависит не от цен на продукты, а от доходов людей. Таким способом определяют *границу бедности*, которая должна отделять бедных граждан РФ от всех остальных [Разговоры в пользу...: <http://>]. Название алгоритма подсчета количества бедных – *граница бедности* – получило широкое распространение не только в профессиональном дискурсе, но и в материалах СМИ.

Достаточно частотны в современной речевой практике потенциальные неофраземы, основанные на перечне цен на продукты, входящие в состав культурно знаковых блюд: *индекс оливье*, *индекс шашлыка*, *индекс кулича*, *индекс окрошки* и т.п. В статьях, рассказывающих о стоимости традиционных блюд к тому или иному празднику или сезону, определяются маркеры социального статуса и финансовых возможностей субъекта: если россиянин не может позволить себе, например, окрошку, значит, находится за *границей бедности*.

Необходимо заметить, что для рядового носителя русского языка важна конкретика в определении своего статуса и платежных возможностей своего кошелька. Вероятно, это стимулировало широкое распространение лингвоспецифичного оборота *борщевой набор*. Эта единица образована по продуктивной языковой модели: зависимое слово переменного состава + главное слово *набор* (ср. *косметический набор*, *суповой набор*, *чайный набор* и др.). Изначально эта неофразема встречалась в новостных лентах экономической тематики, однако довольно быстро стала активно использоваться журналистами в материалах, посвящённых широкому кругу социальных проблем: «*Самое печальное заключается в том, что уровень жизни в России теперь определяет «борщевой набор». Сварил борщ – скажи спасибо партии и правительству. А если мяса добавить – это уже не роскошь, конечно, но, по крайней мере, достаток*» [Дридзе: <http://>]; «*Как видим, в советском «Борще основном» тоже нет мяса, но нет еще и картошки! Так*

что нам с вами грех жаловаться. Пусть чиновники «готовят» нам с вами борщ без мяса, но хотя бы с картошечкой и чесноком)))» [Борщевой набор...: http]. Ироничное осмысление *борщевого набора* как показателя материального достатка вполне объяснимо: недаром веками проверенная народная мудрость гласит: «Сытый голодного не разумеет».

Вновь формирующиеся в дискурсивном пространстве сверхсловные единицы тематической группы «благосостояние» позволяют отметить тенденции в изменении традиционной русской картины мира: бедность становится социально осуждаемой, а граница между богатством / достатком и бедностью / недостатком требует отчетливой языковой экспликации.

Концепты, по мнению Ю.С. Степанова, не являются сугубо когнитивными сущностями, поскольку они «не мыслятся», но переживаются [Степанов, 1997, с. 41]; эмоциональный опыт либо порождает в многоярусной структуре концепта новый «слой», либо ключевые идеи стремятся воплотиться в значениях других слов или в новых моделируемых конструкциях. Таким образом, появлением новых вербализаторов язык как бы подтверждает значимость концепта. Остановимся на некоторых примерах.

Активно разрабатываемые технологии искусственного интеллекта меняют форму и ритм существования современного человека, определяемые такими понятиями, как: *цифровое общество* [Аверьянов, 2017], *цифровой интеллект* [Легарева: http], *цифровое мышление* [Что такое цифровое...: http], *цифровая экономика* [Как цифровая...: http] и т.п. И хотя периодически высказываются предостережения об опасности, которая таится в «цифровых объятиях» (результатом погружения в цифровую среду для человечества может стать «цифровое слабоумие» [Умные вещи...: http]), наши современники, в версии А.Д. Иоселиани, вынуждены решать задачи цифровой жизни и адаптироваться к новым условиям [Иоселиани, 2020].

В лингвистических исследованиях последнего времени отмечается особый интерес к описанию так называемого *глобального языка* (об этом у Л.Н. Чурилиной [Проблемы, с. 31], в том числе новых устойчивых единиц,

благоприятной средой для формирования которых становится «цифровая сфера». По мнению исследователя, мы имеем дело с новой «культурной универсалией», в границах которой формируются новые концепты [Чурилина, 2020, с. 127]. Так, в весьма обширной группе экспликаторов концепта «Цифровое поколение» исследователями отмечены сверхсловные именования *сетевое поколение, цифровыеaborигены*, а к группе репрезентантов концепта «Цифровой» отнесены неофраземы *цифровые носители, цифровой режим, цифровая валюта, цифровой государствство, цифровая грамотность* [Чурилина, 2022, с. 236] и т.п. Однако в центре этого нового «цифрового» мира по-прежнему находится *Homo sapiens*, а в языковой картине мира собственную нишу занял концепт «цифровой человек».

Антропологическая лингвистика накопила достаточный опыт изучения и описания «внешнего» и «внутреннего» человека: исследование языка позволяет составить представление об интеллектуальных особенностях, морально-нравственных установках и шкале оценок, о многомерном сложном внутреннем пространстве человека (чувства, эмоции, память и т.п.). Но имеющийся результат реконструкции субъекта устаревает на наших глазах, поскольку в меняющемся мире стремительно меняется *Homo sapiens*. Новая эпоха делает возможным невозможное – на автономное от человека существование претендует память [Шулежкова, 2021, с. 173 – 177]. По мнению исследователей, у *цифровой памяти* есть адрес, но нет адресата, она связана с человеком лишь опосредованно, а *цифровая амнезия* является результатом безответственного отношения человека к памяти, существующей как бы независимо от субъекта [Там же].

Предметом нашего интереса стал процесс формирования потенциальных фразеологизмов, свидетельствующих о попытках выведения за рамки человеческой натуры самой её сущности – ума, который «определяется» в изобретениях, представляющих цифровые реалии: *умный дом, умная колонка, умные часы, умный пылесос, умное зеркало* и т.п. Статус перечисленных и ряда подобных единиц подтверждается их высокой

частотностью и функционированием в разных дискурсивных практиках, а также включенностью в фразеологическую серию (см. примеры выше).

Рассматриваемые сверхсловные сочетания образованы по продуктивной модели «умный + название устройства / прибора / аксессуара». Прилагательное *умный* в составе потенциальных фразем является калькой английского полисеманта *smart*, актуализирующего в том числе и признаковые семы ‘умный, сообразительный’ и ‘хитрый, ловкий, находчивый’. В процессе функционирования в составе устойчивых словесных комплексов лексема *smart* утратила большую часть семантических компонентов, фиксируемых в языке-источнике, сохранив только доминантную сему ‘умный’. Изменилась не только структура лексического значения, но и смысл, актуализируемый словом, – природа этого «ума» очевидно иного рода, она не тождественна представлению, закрепившемуся в русском культурном коде. Введённое в научный оборот В.Н. Телия понятие «культурный код» [БФСРЯ, 2014, с. 710 – 711] имеет лингвокультурологическую природу – является одновременно и репертуаром сигналов (слов и сверхсловных единиц), и способом структурирования культурного знания [Маслова, 2013, с. 71]. Рассматриваемые сверхсловные единицы как фрагменты современной русской языковой картины мира свидетельствуют об изменении структуры традиционного концепта «Ум».

Потенциальные фраземы с компонентом *умный* образуют тематическую группу «соматизмы», поскольку голова традиционно соотносится с телесным (или соматическим) кодом. При неоспоримом факте «универсальности» телесности человека представление о теле обладает национальной специфичностью [Башкатова, 2012, с. 58], что позволяет исследователям видеть в нём некую культурную меру [Гуанцзе, 2016, с. 17]. Так, носителей русского языка удивит факт негативного восприятия фразеологизмов *держать рот на замке, не открывать рот, закрыть рот* представителями иной культуры – казахами. Объясняется это спецификой мировосприятия «человека степи», в представлении которого ораторское мастерство является

несомненным достоинством (чем определяется высокий социальный статус акынов и популярность айтыса – древнейшего поэтического жанра). Именно поэтому в казахских соматических фразеологизмах критикуется «закрытый рот» и «вялый, неподвижный язык» как символы косноязычия и ущербности человека. Таким образом, соматический код, как и другие коды культуры, представляет собой феноменальную «капсулу» знаний, представлений, менталитета народа. В полной мере это утверждение относится и к соматическим фразеологизмам с компонентами *ум / умный*.

Таинственная сущность мысли, ума, рассудка нашла отражение во фразеологическом и паремиологическом фондах русского языка. Наши предки восхищались умственными способностями человека и иронизировали над глупцами, не умеющими распорядиться умом. Проанализировав традиционные фразеологизмы этой тематической группы, Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова выявили основные значения *ума* как единицы телесного культурного кода: (1) пространство, в котором осуществляется интеллектуальная деятельность; (2) путь, дорога в определенном направлении, по которой надлежит следовать тому или иному лицу; (3) инструмент, с помощью которого осуществляется интеллектуальная деятельность [Гудков, 2007, с. 269].

Потенциальные фраземы с компонентом *умный*, рождаемые в цифровой реальности, актуализируют один из традиционных смыслов, ядром которого является не телесная, но «вещная» составляющая – ‘инструмент’. Результатом переноса смысловой доминанты с человека на предмет становится рождение нового концепта – «Умные вещи».

Реконструкцию процесса формирования нового концепта целесообразно начать с анализа первоначальных смыслов.

Словосочетание *умные вещи* как единица именования впервые использовано в названии пьесы-сказки С.Я. Маршака (1968), в тексте оно выполняет функцию гиперонима для вполне традиционных в русском фольклоре наименований сказочных вещей – *скатерть-самобранка, сапоги-*

скороходы, шапка-невидимка, волшебное зеркальце, дудка-самогудка. Как гипероним, сверхсловное именование актуализирует новое значение, в котором доминирующими оказываются смыслы, связанные с социальным служением; именно такое «смысловое облако» формируется автором текста: «...умные вещи должны по белу свету странствовать, из рук в руки переходить. А ежели их для себя в сундуке держать, так они свой ум и свою силу потеряют» [Маршак: <http://>]. «Социальный» и «утилитарный» семантические компоненты, определившие функциональный потенциал нового образования, оказались востребованными в новое – цифровое – время: «“Умные вещи” уверенно обживаются в наших домах. И пусть до полноценного интернета вещей, когда за каждый сантиметр нашего полезного пространства будут отвечать связанные в единую сеть микропроцессорные устройства ещё далеко, “умные” телевизоры уже висят на наших стенах, “умные” часы с удовольствием примериваются на запястья, “умные” холодильники замораживают и морозят, “умные” винтовки стреляют точнее снайпера, а “умные” счётчики и терmostаты экономят наши бюджеты» [Умные вещи: <http://>].

Справедливости ради отметим, что инструментально-утилитарные семы фиксировались в дефинициях при толковании значения слова *умный* и в доцифровую эпоху (ср.: «выполняющий сложную, тонкую работу» [СРЯ, т. 4, с. 493]), однако материалы ассоциативных экспериментов конца XX века свидетельствуют о периферийности этих смыслов. Так, в «Обратном словаре: от реакции к стимулу» Русского ассоциативного словаря отмечен факт безусловной «антропоцентричности» слова *умный*: оно обнаруживает ассоциативную связь со словами-стимулами *девушкой, женщиной, дети, ребята, люди, человек, студент, парень, мальчик, мужчина, доктор, начальник, папа, ребёнок, сын, дядя, отец, товарищ, старик* и под. при значимом на этом фоненом отсутствии в числе стимулов слов «предметной» тематической группы [РАС, кн. 2, ч. 1, с. 325].

Показатели трансформации традиционного для русского менталитета концепта «Ум / Умный» фиксируются в XXI столетии. Исследования в области искусственного интеллекта стимулировали во второй половине XX века технический прогресс, побочным результатом которого становится доступность широкому кругу потребителей механизмов и приспособлений, используемых в быту (от стиральных машин до персональных компьютеров и телефонов). Изменение «среды обитания» находит отражение в речи и стимулирует говорящих к поиску новых средств означивания для модернизированных вещей: *«Умные часы не только стильный аксессуар, но и полезный гаджет. С их помощью можно отвечать на звонки, заниматься спортом, следить за здоровьем и многое другое»* [Двадцать лучших...: <http://>]; *«В этом году компания Kohler показала новые разработки умной ванной комнаты. До вашего прихода смарт-душ настраивает воду нужной температуры и струю, а если вы хотите принять ванну, то достаточно сообщить об этом вслух – она нальёт воду и включит мягкий расслабляющий свет над зеркалом»* [Карфидов: <http://>]. Входящие в узус новые именования оказываются по преимуществу сверхсловными, отчасти дублирующими существующие однословные имена вещей: *часы – умные часы, пылесос – умный пылесос, телевизор – умный телевизор, колонка – умная колонка* и под. Усложняющий имя вещи компонент *умный* актуализирует отрицательную сему ‘*без (человека)*’: мир вещей, призванный служить человеку, создаваемый для человека, обретает статус автономно существующего.

Наблюдение за функционированием новообразований с компонентом *умный* позволяет говорить не столько о трансформации традиционного концепта, сколько о рождении нового – «Умные вещи». Слово *умный* отчуждается от человека, перестаёт соотноситься с представлением об интеллектуальных возможностях и когнитивной деятельности субъекта.

Потенциал новой концептуальной структуры, очевидно, ещё не исчерпан, поскольку позицию имени в модели «*умный* + имя существительное» пытаются занять не только названия технических средств

(часы, холодильник и проч.), но лексемы типа *дом, мебель, комната, душ / ванна*. Фиксируемые факты рождения новых сверхсловных наименований свидетельствуют и об укоренении в национальной концептосфере концепта «Умные вещи», и одновременно о его подчеркнутой античеловечности, а следовательно – независимости от традиционного для русской культуры концепта «Ум / Умный».

Рассмотренный речевой материал демонстрирует уникальную способность языка дифференцировать неисчерпаемые в своём многообразии новообразования. Безусловную ценность имеют сверхсловные неологизмы, не просто номинирующие новые реалии, но соотносящие новое с культурно специфичным образом мира. Статусом потенциального элемента фразеологической системы может быть наделена единица, генетически связанная с единицами, выражающими национальные идеи. Потенциальные фразеологизмы обращены к народному опыту, к образам и символам национальной культуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Предложенный нами вариант классификации сверхсловных неообразований основан на представлении о наборе специфических признаков, обладание каковым единица демонстрирует в процессе своего функционирования. В числе категориальных признаков неофраземы мы рассматриваем как собственно лингвистические, так и экстралингвистические. При этом обнаруживается своего рода преемственность: рассмотренные четыре типа неофразем имеют общие категориальные признаки, однако каждый набор уникален.

1. Рассмотренный дискурсивный материал позволяет говорить об определяющей роли человеческого фактора в реализации «жизненного цикла» неофраземы.

Так, нетривиальная комбинация словесных элементов родного языка, рождённая в ходе лингвистической игры «человека говорящего» (в нашей версии *фразеокреативы*), на этапе первичного восприятия признаётся носителями языка как нетривиальная (уникальная) форма отражения мира, фиксирующая субъективный взгляд на происходящие события. Альтернативные смыслы, актуализируемые неофраземой в нетипичном для неё контексте (*фразеоальтернативы*), также являются собой образцы выражения «личной позиции» в дискурсивном пространстве Сети. Инициированная субъектами сетевой коммуникации мода на воспроизведение определённых сверхсловных единиц (*фразеопопуляризмы*) имеет следствием стремительную интенсификацию их распространения в различных дискурсивных практиках. Разнородные по происхождению, эти массово востребованные на определённом этапе новообразования завершают свой цикл по-разному: одни, что отражают общественно значимое для носителей языка новое знание, соотносимое с традиционной картиной мира, обретают статус *потенциального фразеологизма*, которой предстоит «встроиться» в национальную фразеологическую систему, другие, «однодневные», пройдут путь архаизации или временного забвения, начав путь своего возрождения в нетривиальных контекстах в качестве образца лингвокреативной трансформации.

2. Сопоставление фразеокреативов, фразеоальтернативов, фразеопопуляризмов и потенциальных фразеологизмов основано на таких параметрах, как частота встречаемости, зависимость от ситуативного контекста, наличие / отсутствие лексикографической «паспортизации», соотнесённость / несоотнесённость с национальной концептосферой.

3. Положенные в основание классификации признаки могут быть представлены в виде градуальной шкалы: *фразеокреативы* размещаются в начальной точке процесса неофразеологизации (низкая частотность встречаемости, зависимость от ситуативного контекста, отсутствие лексикографического «паспорта», подчёркнутая индивидуальность

отражаемой картины мира); конечную точку на шкале занимают *потенциальные фразеологизмы* (высокий показатель частотности, независимость от ситуативного контекста, наличие лексикографического «паспорта» (как правило, благодаря возможностям цифровой среды), способность вступать в парадигматические отношения с элементами системы (благодаря корреляции с традиционными концептами). Что касается двух других типов (*фразеоальтернативы* и *фразеопопуляризмы*), они находятся в середине шкалы, демонстрируя неустойчивость набора категориальных признаков: нестабильность частотных показателей, относительно широкий круг ситуативных контекстов, готовность стать объектом лексикографического описания, готовность формировать парадигмы, т.е. вступать в системные отношения. В этом случае речь идёт о формировании *новых* парадигм, членами которых являются только неофраземы, и *новых* концептов.

3. Градуальность шкалы предполагает возможность перехода неоединицы из одного статуса в другой. Показателем смены статуса единицы является изменение набора её категориальных признаков. Рассмотрению этого процесса посвящена следующая глава.

ГЛАВА 3. НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС: ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ

3.1. Нелинейная модель в реконструкции процесса формирования неофразем

В теории фразеологии сформировалось представление о фразеологизации как одностороннем процессе: схематически он изображался в виде шкалы, на которой отмечались обязательные этапы, либо перечислялись следующие друг за другом стадии (на идеи стадиальности процесса формирования ФЕ основана семантическая классификация В.В. Виноградова). С изменением коммуникативной среды меняется и представление о процессах, происходящих языке. В публикациях новейшего периода вопрос о специфике неофразеологизации находится в статусе активной разработки, что предполагает появление разных вариантов модели как линейных, так и нелинейных.

Известно, что линейные процессы предусматривают постепенные и непрерывные восходящие (и в случае обратных движений – нисходящие) изменения, протекающие в определённый временной период. Однако анализ «жизненного цикла» неофразем показывает, что путь от фразеокреатива до потенциального фразеологизма заранее не предопределён: с одной стороны, в цифровом пространстве функционируют единицы, находящиеся на разных этапах неофразеологизации (в дискурсивных практиках не действуют условия жёсткого нормирования, поэтому адаптируется материал разный по степени приближения к «норме»); с другой стороны, многое из активно функционирующего может утратить актуальность до завершающей фазы процесса под воздействием экстраглавиистических факторов.

По версии Н.Ф. Алефиренко, «синергетика неофраземообразования показывает, что даже в относительно простой нелинейной среде возможно множество типов и путей возникновения новых фразем» [Алефиренко, 2008, с. 27]. Этот тезис основан на предположении, что неологизация

фразеологического корпуса начинается с точки бифуркации (точки ветвления) и завершается выходом на один из аттракторов (устойчивое состояние системы) [Там же. С. 26]. При таком подходе неофразеологизация может быть представлена не как однонаправленный процесс с обязательными стадиями и предсказуемым финалом, но как комбинация вариантов «жизненного цикла» неоединицы: в каждом моменте существования она обладает набором категориальных признаков, каковые могут меняться, образуя новые комбинации (см. параграф 2.1). Сопоставление набора категориальных признаков неофразем (на них основана предложенная нами классификация) позволит нам реконструировать возможные варианты модели неофразеологизации.

В основу представления о вариативности модели неофразеологизации нами положена идея перемещения единицы из одной области в другую в результате изменения набора категориальных признаков (характеристика областей предложена в таблице № 4). Нелинейная модель неофразеологизации представлена четырьмя *областями*, которые соединены восемью цветными линиями (рисунок 1). На рисунке абстрактная сущность *область* изображена в виде подписанный блок-схемы: *область креативности*, *область альтернативности*, *область узуальности* и *область системности*. Цветные линии (всего их 8), соединяющие области, выполняют две функции: во-первых, они призваны показать потенциальную множественность вариантов передвижения неофраземы (укажем, что их число может расширяться при выявлении новых областей в ходе анализа сверхсловных единиц); во-вторых, эти линии разграничивают возможные комбинации областей (каждая цветовая линия объединяет определённые области).

Показателем перемещения неофраземы из одной области в другую является изменение набора её категориальных признаков.

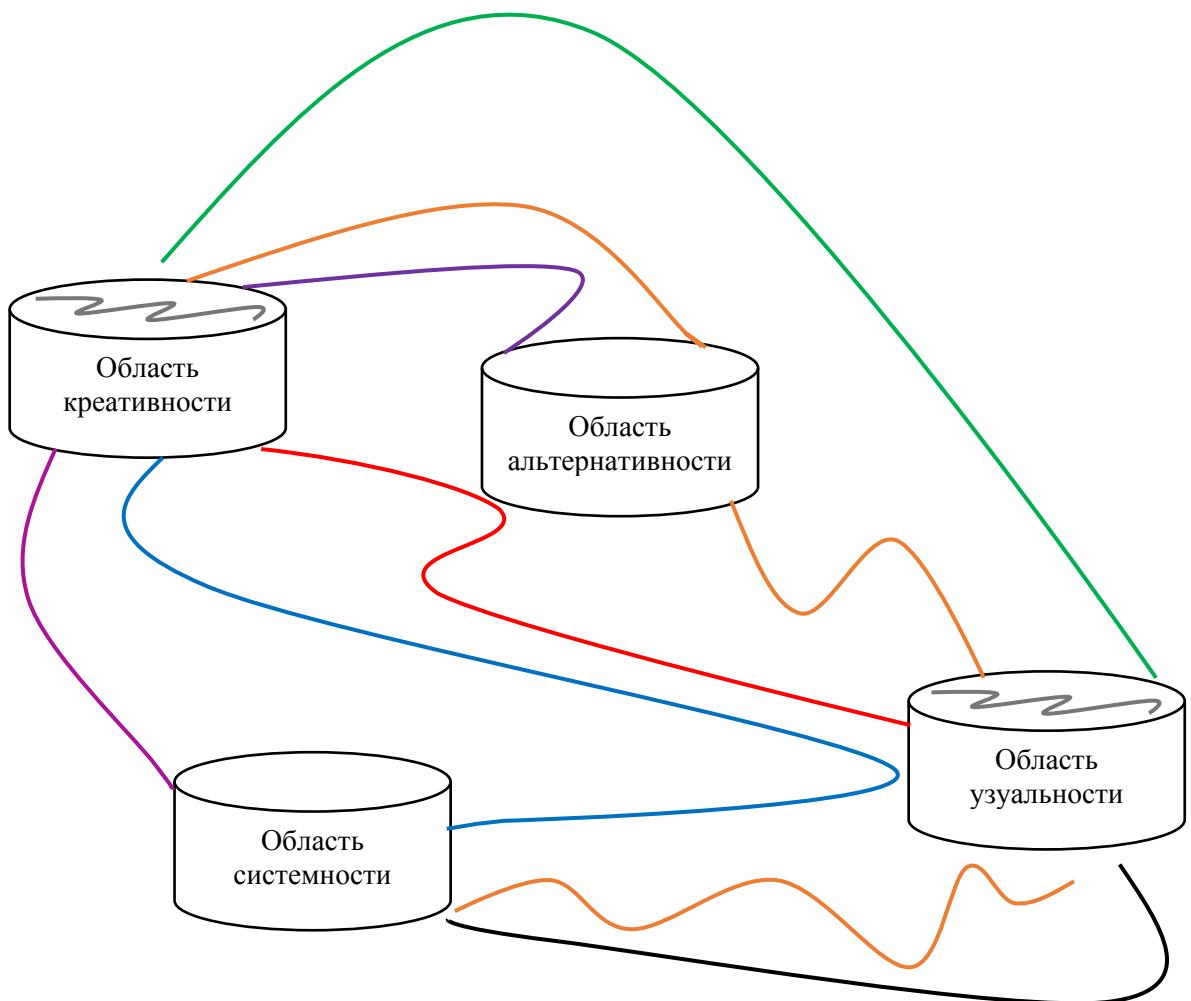

Рисунок 1 – Нелинейная модель неофразеологии

Наблюдения за функционированием неофразем в дискурсивном пространстве позволили нам выявить четыре «маршрута», или варианта модели неофразеологии:

- однокомпонентная модель – набор категориальных признаков неофраземы не меняется на протяжении всего её «жизненного цикла»;
- двухкомпонентная модель – меняются некоторые признаки неофраземы, что позволяет говорить о её перемещении в пределах двух областей;
- трёхкомпонентная модель – набор категориальных признаков неофраземы меняется таким образом, что единица дважды меняет свой статус;

– четырёхкомпонентная модель – неофразема «проживает» полный цикл, демонстрируя на разных этапах обладание всеми четырьмя описанными нами выше наборами категориальных признаков.

Первый вариант модели не предполагает перемещения единицы из одной области в другую (модель с нулевым вектором движения). Второй вариант может реализовываться как перемещение из области креативности в любую из трёх областей (альтернативности, узуальности, системности). Трёхкомпонентная модель представлена в двух реализациях: область креативности – область альтернативности – область узуальности; область креативности – область узуальности – область системности. Четырёхкомпонентная модель имеет черты линейности, поскольку трансформация набора категориальных признаков единицы осуществляется в предопределённой последовательности.

Детальному описанию каждого из вариантов модели неофразеологизации посвящён отдельный параграф настоящей главы.

3.2. Модель процесса неофразеологизации с нулевым вектором движения

Модель процесса неофразеологизации, предполагающая нулевой вектор движения, предусматривает сохранение единицей набора категориальных признаков в начальной и конечной точках «жизненного цикла». Реализацию подобной модели можем наблюдать в двух случаях:

1) **фразеокреативы**, представляющие собой результат языкового творчества и не получившие широкого распространения на момент исследования (2021 – 2025 гг.): *вечный ждун, грантовый активист, духи с запахом компьютера, третий майдан, сосисочный гуманизм, челябинский мохито* и др.;

2) **фразеопопуляризмы** – неофраземы, появившиеся в языке в результате заимствования (чаще всего из английского языка, но не

исключительно), активно использующиеся в рамках конкретного дискурса (в том числе и профессионального, что важно в случае с цифровой средой) и остающиеся в области узуальности: *динамичное ценообразование (dynamic pricing)* [Бертель: [http](#)], *режим гоблина (goblin mode)* [Князева: [http](#)], *фейковые новости (fake news)* [Кавалерян: [http](#)], *гниение мозга (brain rot)* [Яковлева :[http](#)] и мн. др.

Рассмотрим варианты реализации модели на речевом материале.

Новая фразеология, продолжая традиции, «с различной степенью интенсивности отражает социальную жизнь» [Проблемы ..., 2021, с. 104], что определяет её тематическое разнообразие, и оценочную маркированность [Михайлова, 2023, с. 113]. В.М. Мокиенко отмечает, что новые ФЕ проявляют особую аксиологическую избирательность: оцениваются новые факты и явления, социально-бытовые проблемы, поведение человека, его личные качества, ситуации, в которые он попадает [Мокиенко, 2022, с. 85].

Иллюстрацией антропоцентрического характера оценочности является факт функционирования в цифровом пространстве фразеокреативов – прозвищ политических деятелей, например: *Джо Деменцио* (о Джо Байдене) [Джо Деменцио: [http](#)], *Твиттрий Анатольевич* (о Д.А. Медведеве) [Сидорчик: [http](#)], *Борис Бодунов* (о Б.Н. Ельцине) [Жеглов: [http](#)], *властелин колец* (о Ю.М. Лужкове) [Строкер: [http](#)]. Мотивация подобных наименований не требует дополнительных комментариев для современников, в силу их актуальной связи с жизнью социума. Так, Д.А. Медведев превратился в Твиттрия Анатольевича благодаря своей активной деятельности в социальной сети (микроблогинговой платформе) Twitter; Б.Н. Ельцин назван Борисом Бодуновым, потому что запомнился россиянам не только как первый президент РФ, но и политик, находящийся часто и в кадре, и за кадром в состоянии алкогольного опьянения; мэр Москвы Ю.М. Лужков получил прозвище властелин колец за реконструкцию московских дорог и строительство Третьего транспортного кольца; курьёзные ситуации, в которые попадал 46-ой президент США, а также большое количество алогизмов и

досадных ошибок разного рода в его выступлениях дали повод задуматься о когнитивных нарушениях, характерных для людей его возраста – в результате языковой игры (образование фамилии на основе термина, указывающего на старческое слабоумие) рождается фразеокреатив Джо Деменцио.

Некоторые фразеокреативы рассматриваемой группы не утратили явного авторства (подтверждается ссылками на источник реплики), что в большинстве случаев указывает, с одной стороны, на их недавнее происхождение (созданы нашими современниками), с другой, на «след индивидуального языкового творчества», характеризующийся ограниченной сферой функционирования, к примеру: *сонный Джо* (Дональд Трамп о Джо Байдене) [Чесноков: [http](#)], *термоядерная русофобка* (Д.А. Медведев о Лиз Трасс) [В Совбезе...: [http](#)], *атомный Оле-Лукойе* (М.В. Захарова о Э. Макроне) [Бушев: [http](#)]. Некоторые из фразеокреативов (ср. *Дед Бидон* [Дед Бидон...: [http](#)], *Дедушка Джо* [Дедушка Джо...: [http](#)]) «мигрируют» разово в другие дискурсы (на текущий момент – март 2025). В частности, в так называемой самодеятельной поэзии [Костякова, 2018, с. 44] эти неоединицы использованы авторами в произведениях, по своему содержанию тяготеющих к памфлету. Стихотворения Д.Г. Ульянова «Самоходный дед» [Ульянов: [http](#)], И.А. Пуляха «Дед Бидон» [Пулях: [http](#)], М. Самойловой «Дедушка Джо» [Самойлова: [http](#)] написаны на злободневную тему: в них эмоционально обличается политика президента США Джо Байдена.

В целом, данные фразеокреативы – ироничные прозвища – участвуют в создании саркастической тональности и помогают негативно оценить внешнеполитические события. Несмотря на возможное одноразовое появление в другом дискурсе, у большинства подобных единиц в силу их смысловой привязанности к отрезку времени или лицам, его представляющим, шансы закрепиться в языковой картине мира невысокие, что и становится главной причиной нахождения фразеокреативов в области, когда-то их породившей (ср. *Борис Бодунов* [Куклина, 2006], *властелин колец* [Сухов: [http](#)]). Ограничением на переход фразеокреатива в другие области может стать

указание на религию, культуру и т.п. В этом отношении особого интереса заслуживает неофразеологизация сверхсловного выражения *церковный майдан* [Вашингтон давит: [http](#)], с помощью которого в материалах цифровых СМИ характеризуют ситуацию современного религиозного раскола в соседнем государстве [Михайлов: [http](#)]. Для русского православного мира лингвоспецифичное слово *раскол* знаковое: оно напрямую связано с событиями 1654 г. [Фасмер, 1987, т.3, с. 444], когда русское общество разделилось в результате церковных реформ патриарха Никона. До 1971 г., по данным Большого лингвострановедческого словаря, лексемы *раскол* и *старообрядчество* употреблялись как синонимы, но после утверждённого равноправия старых и новых обрядов, «расколом» принято именовать не вероисповедание, а главу в истории Русской Православной Церкви и государства» [РБЛС, 2007, с. 464]. Раскол оценивается в русском мире как величайшая трагедия, осмысление которой отразилось и в памятниках Древней Руси, и в изобразительном искусстве, и в литературе, и в кинематографе. Однако идея раскола, эксплицируемая неофраземой *церковный майдан*, выходит за рамки собственно религиозной картины мира в сферу государственной политики. Анализ речевых контекстов позволяет зафиксировать за фразеокреативом значение ‘война против канонической православной церкви на Украине’ («<...> в реальности киевский режим устроил настоящую войну с канонической православной церковью и превратил одну из главных христианских святынь, Киево-Печерскую лавру, в поле боя» [Богат: [http](#)]). Функционирование фразеокреатива в дискурсе российских масс-медиа обусловлено сугубо информационным поводом, что объясняет низкий уровень рекуррентности единицы в речевых практиках россиян.

Что касается единиц, остающихся в *области узуальности*, то исследователи новой фразеологии неоднократно указывали на тенденцию, характерную для фразеологических фондов славянских языков: они пополняются заимствованиями из американизированного варианта

английского языка [Проблемы..., 2021, с. 55]. Многие из этих неофразем, подобно «вирусному» контенту, мгновенно распространяются в интернете, что вполне объяснимо: популярности подобных единиц в большинстве случаев способствует эмоциональный отклик на значимые социальные события, однако далеко не все подобные заимствования имеют шанс перейти в область системности. В качестве примера рассмотрим выражение *бежевые мамы*.

В Рунете выражение *бежевые мамы*, имеющее отношение к тренду цветового минимализма, пришло в сокращенном варианте. В 2022 г. Sad beige mom (‘грустная бежевая мама’), впервые использовалось как шутка в иноязычном дискурсе [Земляных: [http](http://)] в адрес мам, одевающих себя и детей в одежды бежевых оттенков. Лишённое прилагательного *грустный* в изменённой риторике выражение закрепилось в пабликах бежевых мам, неофразема *бежевые мамы* стала вербализацией жизненной философии – минимализм во всём [Соловьева: [http](http://)].

В русскоязычном цифровом пространстве единица получила широкое распространение в публикациях, критикующих *бежевую эстетику* [Бежевая мама...: [http](http://)]. По данным Яндекс Вордстат, с марта по ноябрь 2024 г. число запросов достигло показателей выше одной тысячи и не изменялось до февраля 2025 года, когда числовое выражение интернет-запросов остановилось на цифре 56379. В настоящее время заимствованный оборот *бежевые мамы* вошёл в число популярных, в чём убеждает динамика поиска в Сети, но он не попал в лексикографическую обработку в силу асинхронности процессов: очень быстрое распространение выражения в цифровом пространстве и противостоящая динамике бюрократизация работы лексикографов. Кроме того, эта неофразема, в силу своей культурной инородности, практически не имеет шансов образовать какие-либо парадигмы ни с неофраземами, ни с единицами фразеологической системы русского языка.

Реализация варианта модели с нулевым вектором движения может быть проиллюстрирована на примере фразеопопуляризма *клубничная луна*, отмеченное в дискурсе масс-медиа накануне летнего солнцестояния [Козельская: [http](#)]. Будучи калькой с английского (strawberry moon), выражение реализует в речевых практиках тот же смысл, что и в языке-доноре, т.е. ‘полнолуние в июне’ [Brito: [http](#)]. В отличие от языка-источника для носителей русского языка выражение не имеет внутренней мотивации, поскольку оно никак не связано с цветом небесного тела [Ученый...: [http](#)]. В 1930-х г. «Альманах фермеров Мэна» опубликовал индейские названия полной луны. Когда-то наблюдаемое в июне полнолуние представители племени алgonкинов нарекли *клубничной луной*, потому что рассматриваемое астрономическое явление по срокам совпадало с коротким сезоном сбора клубники на северо-востоке США [Edwards: [http](#)]. В других культурах июньское полнолуние именуется иначе, например, в Европе оно известно как «медовая луна» [Колесова: [http](#)]. По мнению отечественных специалистов, журналистский ажиотаж вокруг *клубничной луны* ничем не обоснован: уникальным данное полнолуние не является [Астроном...: [http](#)]. Вероятно, это служит сдерживающим фактором перехода неофраземы из области узуальности в область системности.

Рассмотренные сверхсловные единицы при всей своей яркости и актуальности на всём временном отрезке своего функционирования не демонстрируют готовности к изменению набора категориальных признаков. Их место на шкале неофразеологии остаётся стабильным. Есть основания предположить существование сдерживающих механизмов: несмотря на открытость языковой системы и динамизм процессов её обновления, не все новообразования получают шанс остаться в языковой системе в качестве «полноправных» её членов.

3.3. Модель процесса неофразеологизации с комбинацией двух областей

3.3.1. Комбинация область креативности – область альтернативности. Единицы, в процессе неофразеологизации оказавшиеся в области альтернативности, можно разделить на две группы: 1) конкурирующие в цифровом пространстве альтернативные смыслы неофразем не обладают ресурсами для дальнейшего развития и перехода в другую область (ср. *березовые люди, бриллиантовый директор, мой годовасик* и т.п.); 2) конкурирующие смыслы неофраземы имеют шанс на продолжение процесса неофразеологизации (ср. *белое пальто, запахло весной, кровавый клоун* и т.п.). Рассмотрим примеры.

Неофразема *леопардовый флешимоб* является иллюстрацией для единиц первой группы. Впервые в качестве фразеокреатива *леопардовый флешимоб* фиксируется в 2014 г. в Приморье в период проведения акции, участие в которой предполагало нанесение на лицо или тело аквагрима, свидетельствующего о присоединении человека к решению проблемы сохранения редкого животного [Леопардовый...: http]. Через год (подтверждают публикации в дискурсе массмедиа) фразеокреатив расширяет территориально функционирование: акция, направленная на сохранение популяции дальневосточного леопарда, проведена в Москве и Владивостоке. Можно предположить, что в этот период за неофраземой закрепилось значение ‘не равнодушен к судьбе редкой кошки’ [В России...: http]. Особой популярности неологизм не приобрёл, но совершенно неожиданно в январе 2023 г. он начинает использоваться для реализации нового смысла – ‘Украина ждёт немецкие танки’ [В Европе...: http]: леопардовый принт стал ассоциироваться с немецкой военной техникой. В настоящий момент интерес к этому фразеоальтернативу следует признать ослабленным.

Представляется, что невелики шансы на дальнейшее развитие и у фразеоальтернатива *мой годовасик* (ср. вариант *мои годовасики, наши годовасики*). Неофразема оказалась востребованной в рамках коммуникации

ограниченной социальной группы – молодые мамы [Есакова: [http](#)]. Рождённое в этом дискурсе выражение распространилось в Сети в значении ‘годовалый младенец’: «*Теперь и мы годовасики. Мой самый дорогой, самый любимый мальчик, год назад мы встретились с тобой <...>*» [Годовасики: [http](#)] или «*Рассказ о первом дне рождения двойняшек Настены и Алены. Наши годовасики*» [Наши годовасики: [http](#)]. В других социальных группах неофразема воспринимается неоднозначно: «*Что за чудовище такое, «Годовасик»? Я в интернете это слово увидела, и не понимаю что (или кто) это*» [Наши годовасики: [http](#)]; «*Да это сленг мамаш. <...> пусть как хотят так и говорят. Но мне лично этот сленг не нравится <...>*» [Годовасие???:[http](#)]. Новообразование *мой годовасик*, оцениваемое многими носителями языка как неудачное (ср. образованное по той же модели *пивасик*), не получило широкого распространения, но вышло за рамки ‘родного’ дискурса: оно отмечено в дискурсе цветоводов, однако и там его функционирование ограничено референтной областью – растение, ‘растущее первый год’ («*Сегодня я расскажу Вам о своих «годовасиках». Эти растения зацвели спустя год после посадки...*» [Мои годовасики: [http](#)]).

В качестве примера неофраземы второй группы рассмотрим фразеоальтернатив *фея голос*. Смысловые корни необычного для русской фразеологии устойчивого выражения уходят в Серебряный век, по мнению Н. Бердяева, самую утончённую эпоху в истории русской культуры [Бердяев: [http](#)]. Именно в этот период, считает А.С. Матвеева, формируется «фейная» традиция [Матвеева, 2006]: в начале XX века вышел сборник «Фейные сказки» К.Д. Бальмонта (он сочинил для своей четырёхлетней дочери изящные детские песенки [Арзамасцева, 2005, с. 241]), в это же время выходят «Сказки Голубой феи» Л. Чарской, а чуть ранее, в 1892 г., М. Горький опубликовал сказку «О маленькой фее и молодом чабане».

Главным персонажем сказочной прозы этого периода становится фея, пришедшая в русскую литературу из скандинавского фольклора. Феи – прелестные девушки в зелёных платьях, расшитых серебром и золотом, с

прозрачными крылышками, порхающие с цветка на цветок [Николаева, 2024]. Стилизованные стихотворения Бальмонта открыли читателям фейный мир, полный нежности, очарования и волшебства («*Росинка, с грезой серебристою, / Зажглась алмазным огоньком / А ландыш свечкою душистою / Горел на свадьбе с Светляком*» [Бальмонт, 2010, т.2, с. 229]; «*И песнь тиховейную / Ей сны напевали*»; «*О, чудо-пузырики, / О, дивная Фея! Пурпурные, / Нежнее, чем в сказке. / Какие в них краски!*» [Там же. С. 233]). Романтический образ феи («*<...> все в ней нежно, / Ей сама Луна поможет, / Ткань паук сплетет прилежно*» [Там же. С. 228]) обрёл более конкретные антропные черты («*кинула хорошенькой головкой*» [Чарская: [http](#)], «*смотрело на него её маленькое белое лицико с ясными карими глазами*» [Горький, 1968, с.166]). Платья из цветочных лепестков и прозрачные серебряные крылья, безусловно, украшали фею, но воображение читателей поражала красота её волос («*у неё кудри, легкие, как пух; <...> их длинные волосы отливали золотом* [Чарская: [http](#)] »; «*её головка, вся в серебряных волнистых кудрях, походила на пышно расцветшую лилию*» [Горький, 1968, с. 155]). Сложившийся в сказочном дискурсе образ, вероятнее всего, оказал влияние на формирование системного значения слова *фея*: помимо основного, связанного с мифологией (‘волшебница, сверхъестественное женское существо, способное творить чудеса’ [ТСРЯ, 1940, т.4, стб.1072]), закрепилось переносное – ‘красивая, очаровательная женщина’[Ефремова: [http](#)]. Надо сказать, что в советское и постсоветское время оба эти значения использовались внейминге товаров и услуг: духи «Фея ночи», косметика для девочек «Маленькая фея», крем и гель для волос «Фея», фен «Фея», парфюмерно-косметический магазин «Фея», салон красоты «Фея» и под. Как можно заметить, постепенно сложился социальный стереотип: женская красота – рукотворное дело, а мастера салонов красоты – феи, преображающие внешность клиентов [Устинова: [http](#)]. Именно это знание, как нам представляется, легло в основу неофразем *фея волос* [Ваша...: [http](#)], *фея красоты* [Ellie Goulding...: [http](#)], появившихся в профессиональной сфере и адаптировавшихся в речи клиентов.

Подтверждение находим в современных дискурсивных практиках: «*Волшебница цвета, фея волос – так называют мастера, умеющего менять цвет волос клиента, по его желанию. Без потери качества волоса!*» [Волшебница...: [http](http://)]; «*Хочу написать благодарственный пост о моем парикмахере. Марина волшебница, моя фея красивых волос*» [Как найти...: [http](http://)] (приведено с сохранением авторской пунктуации).

Уникальность сочетания компонентов и семантики ‘мастер окрашивания волос’, а также разовая миграция в дискурс самодеятельной поэзии (Piona «Фея волос» [Piona: [http](http://)]) указывают на соответствие набора признаков рассматриваемой единицы фразеокреативам. Но интерес к словосочетанию (судя по данным Яндекс Вордстат) оказался достаточно стабильным, и можно было бы прогнозировать его перемещение в область узуальности, однако в информационном пространстве Сети были обнаружены альтернативные смыслы, позволяющие говорить о нахождении данной неоединицы в области альтернативности.

Интерес к западноевропейскому мифологическому персонажу остаётся достаточно устойчивым, о чём свидетельствуют современный кинематограф, издательское дело и производство игрушек. Со времён мифологического освоения мира среда бытования феи эволюционировала как функция персонажа. И если в древних мифах феи обитали только на лоне природы, то, согласно современной мифологии, многие из них переместились в пространство человека и специализируются на обслуживании его потребностей, например: *фея грёз, фея возмездия, фея доброго сердца, фея исцеления, фея объятий, фея нарядов, фея посланий, фея снов, фея справедливости, фея трёх желаний, фея удачи, фея утешения, фея яств* [Сирфидов: [http](http://)]. Эта «обслуживающая» функция может объяснить возможность появления в картине мира и *феи волос* (мифологический персонаж, а не реальный человек как в случае, описанном ранее), которая помогает людям обрести красоту и здоровье волос [Харина: [http](http://)], и *зубной*

феи, которая обменивает молочные зубки детей на монетки [Смотрицкая: http].

Любопытен факт, что во времена тотального копирования западной культуры *зубная фея* смогла вытеснить многовековую русскую традицию: выпавший молочный зуб отдавали мышке, бросая его за печку, чтобы вырос новый, при этом приговаривали: «Мышка, мышка! / На тебе зуб липяной, / Дай мне гребяной» [Аникин, 1957, с. 224]. Чужеземная *зубная фея* достаточно быстро прижилась, несмотря на её прагматично-условное служение, и вместе с тем сложилось представление о феях как о помощницах в разных делах.

Нельзя не добавить, что феи, в представлении русского человека, ассоциируются с добром, что фиксируется словарём [ЕВРАСС, 2018 – 2019, т. 2, с. 728]. Д.С. Лихачев очень точно выразил национальное понимание добра: «В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная» [Лихачев, 2006, с. 210]. В целом, для нашего народа характерно признание двух «правд жизни», составляющих сущность добрых дел: *кто-то нуждается в твоей помощи и ты можешь сейчас помочь*. Именно это мироощущение, скорее всего, легло в основу нового смысла, закрепившегося за устойчивым выражением *фея волос*. Обратимся к контексту: «И хозяйка салона, Лина Хлызова, собирает мои волосы в косичку, кладет в пакет и протягивает мне. Говорит: «Отдашь Фее волос». Я сразу все поняла, объясняет Анна. «Фея волос», в понимании Анны – это не конкретный человек, а образ пользы, что могут принести ее волосы. В воображении девушки всплывали печальные картины девочки с онкологией, которые и рады были бы отрастить косы хоть до пят, но просто физически не могут из-за борьбы с болезнью» [Поберей: http]. Появление *феи волос* в значении ‘дарящая волосы тем, кто их лишился’, как нам видится, вызвано, во-первых, распространяющейся в последнее время формой благотворительности – подарить волосы на парики для онкобольных детей, а во-вторых, особым мировосприятием русского человека: способность фей одаривать и быть полезными делают этих существ привлекательными и

вызывают желание поверить в их реальность, чтобы как-то скрасить существование людей (ср. психологи предлагают даже «подружиться с энергией этого архетипа и встроить её в свою жизнь» [Суслина: <http://>]). Таким образом, в речевой практике наших современников активны отличные друг от друга смыслы, закрепленные за неофраземой *фея волос*. Возможно, у данного фразеоальтернатива во втором значении есть шансы закрепиться в концептуальной картине мира, однако к настоящему моменту он не реализован (то же справедливо сказать о фразеоальтернативах, анализ которых представлен в параграфе 2.3.).

3.3.2. Комбинация *область креативности – область узуальности*.

Исследователи неологических процессов говорят о наблюдаемой в сфере новой фразеологии тенденции: если неофразема или удачно трансформированная ФЕ стали интересны не только их автору, но были не единожды использованы другими субъектами коммуникации, то есть вероятность дальнейшего тиражирования и превращения неообразований в популярные единицы.

В цифровой среде авторские креативы, как фиксаторы нестандартно осмысленной действительности, могут свободно проникать в дискурсивные практики (эту возможность реализовали единицы – *буферная зона, восходящая спираль; денег нет, но вы держитесь; модная болезнь, мочить в сортире, пока рожалка работает, эпоха апокалипсиса* и др.).

Воплощение двухкомпонентной комбинации «фразеокреатив – фразеопопуляризм» рассмотрим на примере неофразем *новогодняя кома* и *ёлочный круговорот*.

Новый год признан у нас всенародно любимым праздником, атмосферу которого традиционно передавали такие словосочетания, как *запах мандаринов, ёлочные игрушки, ёлочные хороводы, бой курантов*. Однако в последние годы продолжительные новогодние каникулы стали ассоциироваться у россиян с *новогодней комой* [Как начать...: <http://>]: «это

время тотального ничегонеделанья, переедания и «залипания» в сериалы и приставки [Как выжить...: http]. По версии психологов, продолжительность отдыха повлияла на восприятие праздника: они «превращаются в унылое течение суток» [Матвеева: http]. Справедливости ради стоит сказать, что далеко не все жители России пассивны в отведённое для празднования Нового года время (*«Новогодняя кома отменяется»* [Рулёва: http]), но среди единодушно признающих неизбежность новогодней комы распространено знание о времени её старта (например, 31 декабря 2008 г. участник форума «Общение» в 14:26 оставил запись: *«Новогодняя кома уже близко, поэтому поздравляю всех с Новым годом!»* [С новым...: http]) и выхода из неё (*«Салаты и гости закончились, сериалы надоели, елка пожелтела и осыпалась. Пришло время выходить из новогодней комы и начинать творить свой Новый прекрасный год»* [Пришло...: http]).

Одно из ранних упоминаний о новогодней коме нами обнаружено в ленте интернет-службы вопросов и ответов компании VK «Ответы Mail» (ранее «Ответы Mail.ru»), датируемой 2008 г. Так, пользователь под ником Дедушка Фрол оценил обстановку в группе «Юмор»: *«Судя по вопросам у всех еще новогодняя КОМА»* (приводится с сохранением авторской пунктуации и орфографии) и получил несколько ответов, среди которых интересен тот, что продолжает начатую тему: *«Из комы мы уже вышли, но еще требуется некоторое лечение...»* [Судя...: http]. Завязавшийся диалог иллюстрирует, что оба участника понимают, о чём ведётся разговор. В этом же контенте, но в другой группе (год тот же) участник с ником Стелс задал вопрос, который будет впоследствии растиражирован в материалах СМИ: *«Как быстрее выйти из новогодней комы?»* [Как быстрее...: http]. Со временем новое выражение, передающее состояние, близкое зимней спячке животных, вошло в речевую практику многих носителей языка. Вероятно, решающую роль сыграл «личный опыт» погружения в безделье субъектов коммуникации. Сегодня отмечается высокая частотность поисковых запросов на рассматриваемое устойчивое сочетание, а также стабильное воспроизведение

его в разных дискурсах в значении ‘выйти из активной жизни’, в частности – в рекламном [Рабочий режим...: http], поэтическом (самодеятельная поэзия [Сёмкин: http]), медийном [Коннова: http] дискурсах. Наблюдаемые процессы тиражирования единицы позволяют говорить об изменении её статуса – о переходе из области креативности в область узуальности. Важным показателем перехода можно признать формирование вариативного ряда, который входят *новогодняя спячка* [Выходим из...: http] и целая серия неоединиц, построенных по одной – новогодней – модели (*майонезная кома* [Как правильно выйти..: http], *оливьеинная кома* [Тарабукина: http], *новогодняя салатная «кома»* [Алимпиева: http], *новогодняя пищевая кома* [Новогодняя..: http], *углеводная кома* [Михайлов: http]).

Заслуживает внимания и неофразема *ёлочный круговорот*, происхождение которой связано с новой традицией – продлить жизнь праздничной ели. Несколько лет назад вопрос о судьбе новогодней красавицы не возникал (многим памятна картинка: около мусорных баков сиротливо стоящие елки с развевающимися нитями новогоднего дождика). Однако изменения в социально-культурной сфере приводят к изменениям в культуре и в языке. Наглядным примером может служить рассматриваемая единица.

В мире к переработке использованной древесины подходят весьма прагматично: ёлка может послужить и после праздников [Вторая жизнь...: http], и если зарубежный опыт не сразу получил широкое распространение в нашей стране [Авилов: http], то теперь вместо организации *кладбища новогодних елок* (таким красноречивым фразеокреативом были названы елочные свалки [Грачев: http]) проводится акция «Ёлочный круговорот» [Смирнова: http]. Подобную акцию по утилизации правительство Москвы впервые объявило в 2016 г. [Собянин: http], тогда же и прозвучало официально её название (фразеокреатив). Разработчики акции подошли к неймингу основательно и творчески: предполагаем, что ставка была сделана на обыгрывание узнаваемой фразы, чтобы название акции не требовало дополнительной дешифровки (ср. в результате трансформации крылатого

выражения *круговорот воды в природе* появился *елочный круговорот*). Интерес к акции увеличивался год от года, как и число запросов устойчивого сочетания в Сети (в январе 2025 г. 4803 запроса). Учитывая функционирование данной неоединицы в различных типах дискурса (административном [Пресс-конференция...: <http://>], медийном [Никитская: <http://>], поэтическом [Алексеев: <http://>]), как и в предыдущем случае, констатируем факт изменения статуса *ёлочного круговорота* – формирование *фразеопопуляризма*. Дальнейшая судьба рассмотренной неоединицы напрямую зависит от того, станет ли утилизация новогодних елок добной традицией (см. также фразеопопуляризмы, описанию которых посвящён параграф 2.4.).

3.3.3. Комбинация область креативности – область системности.

Анализ речевого материала позволил отметить тенденцию: фразеокреативы становятся востребованными в коммуникативной практике средствами вербализации традиционных для концептуальной картины мира смыслов (*вертикаль власти, тихие герои, вежливые люди* и т.п.). Для детализации процесса обратимся к конкретному примеру.

В 2011 г. на Московской международной книжной выставке-ярмарке был представлен сборник рассказов митрополита Русской православной церкви (на момент издания был в сане архимандрита) Тихона (Шевкунова). Заглавие книги «Несвятые святые», названной патериком 21 века [Несвятые святые архимадрита...: <http://>], переизданной к 2025 г. 25 раз [Позднякова: <http://>], завоевавшей престижные отечественные литературные награды и любовь читателей [Несвятые святые архимандрита и другие...: <http://>], обрело черты неофраземы. Новообразование *несвятые святые* (в значении «будничная святость») закрепилось в различных дискурсах, практически мгновенно пройдя этап адаптации в разных контекстах и постепенного роста рекуррентности: она используется в качестве номинативной единицы, не нуждающейся в расшифровке, в названиях: календарь [Несвятые святые. Наша жизнь...: <http://>], ТВ-передача [Православный взгляд...: <http://>], программы

в рамках культурных проектов (программа «Шедевры мировой культуры» стала уже пятым совместным проектом «Роснефти» и Хора Сретенского монастыря в череде незабываемых музыкальных представлений; постановки «Роснефть. Великой победе посвящается», «Несвятые святые», «Романовы», «Россия: время, вперед!» прошли с большим успехом в 2015 – 2018 годах» [Шепелева: [http](#)]), научных публикаций ([Романова: [http](#)], [Булычёв: [http](#)]). Можно предположить, что условием такой стремительной адаптации единицы стала её культурная «органичность»: неофразема согласуется с русской идеей, в основе которой лежит высокая оценка святости человека и героизма предков. Согласно словарю русской ментальности, святой – «человек, исполненный святости, потому что высоконравственный в жизни, безупречный в поведении, глубоко чтимый как заветный пример нерушимой незыблемости подвижничества, идеи служения и правды» [Колесов, 2014, т.2, с. 228]. Святые в православии «достойны всяческой похвалы и подражания», потому что Бог воссиял в них, потому что «своими молитвами к Богу, своей любовью, которую они приобрели в результате правильного христианского подвига, они поддерживают нас» [Игумен Игнатий: [http](#)]. Почитание святых традиционно в Русской Церкви: «От Крещения Руси до 2000 года она прославила в лице святых около 300 человек. С 2000 года к ним прибавилось еще более тысячи, главным образом новомучеников и подвижников XX века» [Володихин: [http](#)], ставшего по истине временем больших потрясений и проверки на прочность духа и веры. Во всех случаях, по мнению Д. Володихина, канонизированная личность – образец христианской добродетели и победы над грехом [Там же.]. В русской истории были люди, являвшие удивительные примеры святости (Князь Даниил Московский, Александр Невский, Сергий Радонежский и др.), которые «становились героями, героями духа, подвижниками, светильниками, теми, на кого равнялись люди» [Патриарх...: [http](#)]. Но все они из прошлого, а современный человек ищет ответы на вопросы в настоящем. Книга «Несвятые святые» потому и завоевала сердца читателей, что оказалась связующей нитью времён, объединила тысячелетия и явила жизнестойкость русского понимания

святости. И в наше время живут и настоящие герои, и негероические обыватели, чья повседневная, будничная святость почти незаметна. По признанию автора книги «Несвятые святые», герои его рассказов непридуманные люди [Коновалов: [http](#)], они далеки от канонизации, но всё же они святые: *«Кто они? Это те, кто находится сейчас в храме священники и миряне, с верой пришедшие сюда и ждущие причащения. Потому что они – верные и стремящиеся к Богу христиане. Оказывается, несмотря на все свои немощи и грехи, люди, составляющие земную Церковь, для Бога – святые»* [Архимандрит Тихон: [http](#)]. Книга полюбилась современным читателям, потому что её герои являются примером жизни простой и достойной одобрения.

Краткий период адаптации неофраземы позволяет проследить за тем, как происходит «вхождение» неоединицы в концептуальную картину мира. В случае совпадения с ожиданиями и установками носителя языка (нравственные ориентиры, ответы на проблемные вопросы) единица занимает своё место в национальном мировидении.

3.3.4. Комбинация *область узальности – область системности*. Наиболее значимой в рамках двухкомпонентного варианта модели является комбинация «фразеопопуляризм – потенциальный фразеологизм». С точки зрения обновления фразеологического фонда русского языка, именно обретение востребованной в речевой практике единицей системных черт (соответствие национально-специфичной картине мира, включение в систему парадигматических отношений) делает возможным вхождение её в национальный фразеологический фонд.

На современном этапе исследования новой фразеологии общее признание получили два её источника: 1) рекордное заимствование неофразеологического материала из языка-донора (преимущественно американский вариант английского языка, например: *цифровой след, цифровое пространство, утечка мозгов и т.п.*); 2) активное освоение

терминологических подсистем языка (*физический / психологический абьюз, детские болезни, нравственные уроды и мн. др.*).

В области узуальности проходит адаптация неофразем, предполагающая одновременную стабилизацию значения, потерю статуса заимствованного элемента, приобретение дискурсивной независимости.

Вхождение современных заимствованных, в том числе и терминологических, сверхсловных единиц во фразеологическую систему языка неоднократно становилось предметом исследования магнитогорских ученых. Так, на примере группы неофразем с компонентом цифровой (*цифровые аборигены, цифровой Левиафан, цифровые кочевники, цифровое кладбище и т.п.*) было выявлено, что заимствованные фразеологизмы встраиваются в русскоязычную среду: наблюдается либо актуализация традиционных метафор в новом контексте окружении, либо трансформация традиционных концептуальных структур за счёт их усложнения [Чурилина, 2022, с. 240] (см. также анализ актуальной в современной коммуникативной практике единицы *информационная гигиена* и др. [Проблемы..., 2021, с. 31 – 42]). Вновь образованные единицы демонстрируют в действии процесс формирования единицами собственных парадигматических отношений.

Типичным образом рассматриваемой комбинации является неофразема *офисный планктон*. По наблюдению Н.В. Баско, эта калька (*office plankton*) фиксируется в российской прессе с 2000-х годов: этим образным выражением стали именовать офисных служащих нижнего звена. Внутренняя форма рассматриваемой неофраземы достаточно прозрачна: служащие компаний, фирм, банков, никем не руководящие, уподобляются мелким морским организмам, находящимся на нижней ступени пищевой пирамиды [Баско, 2019, с. 91]. Справедливости ради скажем, что тема служебной иерархии традиционно осмыслилась русским народом, о чём свидетельствуют фразеологизмы *не по чину, по ранжиру, без чинов, нижний чин* [ФСРЯ, 2016]. Согласно Словарю русской ментальности, исторически денотативные

признаки, составляющие значение слова *чин*, постоянно изменялись (например, в древнерусском языке: ‘порядок’ (1057), ‘определенное место’ (1073), ‘должность’ (1076), ‘лик ангельский’ (1097), ‘время, пора’ (1091) и др. [Колесов, 2014, т.2, с. 491]). Более ранние из перечисленных легли в основу значения, что зафиксировано В.И. Далем («Степень, на коей человек стоит в обществе, звание, сан, сословие» [Даль, 2016, т. 4, с. 587]). Следование чину предполагало строго соблюдать своё место в иерархической вертикали (ср. русские пословицы «Чин чина почитай, а меньшой садись на край»; «Не велик чин: отставной козы барабанщик» [Там же. С. 587]).

Появившаяся в русской социальной истории «Табель о рангах», введённая Петром I, просуществовала до 1917 года [Табель...: <http://>]. В народном, массовом сознании русских XIX века, об этом читаем у Ю.С. Степанова, «Табель о рангах» воспринималась как выражение «социального достоинства человека». Но постепенно к ней утвердилось двоякое отношение: в армии и во флоте – это уставная и общепризнанная система воинских званий, а в быту осуждается деление людей вопреки их личностным достоинствам [Степанов, 2001, с. 743]. Формированию отрицательной оценки способствовала, в том числе, и русская классическая литература, на страницах которой отражена борьба за человеческое достоинство «маленького человека» и признание его ценности. В XX веке утопические идеи о социальном равенстве не прошли испытание самой жизнью. На рубеже тысячелетий в России, а гораздо раньше в США и на Западе, укоренилась «воротниковая» иерархия труда: *белые воротнички* (калька с анг. White Collar), *синие воротнички* (калька с анг. Blue Collar) [Бирих, 2007, с. 123]. Эта система социального ранжирования сохраняет актуальность и обнаруживает тенденцию к развитию (ср.: *серые воротнички*, *фиолетовые воротнички*, *розовые воротнички*, *золотые воротнички*, *зелёные воротнички*, *оранжевые воротнички*, *красные воротнички*, *коричневые воротнички*, *без воротничков*, *стальные воротнички*, *новые воротнички* [Корягина: <http://>]). Неофразема *офисный планктон* тематически «вписывается»

в представленный список, но выполняет иную функцию: она не просто указывает на сферу занятости субъектов, но и актуализирует оценочный компонент. К офисным сотрудникам нижнего звена сложилось негативное отношение, во многом благодаря установкам руководства компаний, которые воспринимают этих работников как элемент некой «биомассы» [Беляев, 2010, с. 61].

Наблюдения за функционированием неофразем, заимствованных из той или иной системы, показывают, что, активно используемые, они достаточно быстро занимают место в лингвокогнитивном пространстве, где происходит интеграция нового и традиционного знания.

Завершая рассмотрение вариантов двухкомпонентных моделей, отметим важное для нас наблюдение: процесс появления неофраземы и её дальнейшая история находятся в прямой зависимости от экстралингвистических факторов: «человеческого» и социально-культурного в самом широком его понимании.

3.4. Модель процесса неофразеологизации с комбинацией трёх / четырёх областей

3.4.1. Комбинация область креативности – область альтернативности – область узуальности. Как было уже замечено ранее, судьба фразеокреативов складывается по-разному: некоторые из них проходят через колебание значения в условиях альтернативного выбора. Семантическая селекция оказывается возможной в том случае, когда фразеокреатив не получил широкого распространения с «первичным» значением, но его необычная форма, по мнению носителей языка, оказывается пригодной для выражения иного смысла. В случае высоких показателей частотности встречаемости подобные неоединицы получают статус фразеопопуляризмов (*выпадать в осадок, голосовать ногами, запасной аэродром, закатать под асфальт* и др.).

Примером рассматриваемого варианта модели можно считать историю устойчивой единицы *раздача слонов* (включена в лексикографическое издание «Русская фразеология: историко-этимологический словарь» [Бирих, 2007], «Большой словарь русских поговорок» [Мокиенко, 2007]), значение которой изначально формировалось в художественном сатирическом тексте первой половины XX века. В фельетоне М. Зощенко «Всюду жизнь» (1928) она является средством выражения иронической оценки факта выдачи рабочим в 1920-е годы заработной платы товарами [Корыта...: [http](http://)]: «*Что это, скажите, народ толкается и куда это прут разную домашнюю утварь и прочее барахлишко? Может, это, извиняюсь, пожар или, может, дармовая раздача слонов и разных носильных вещей? <...> Это, видите ли, происходит выдача зарплаты на заводе «Ока». Это заместо жалования выдают разные вещицы <...> Так сказать, чем придется. Сеном. Соломой. Гвоздями. Слонами*» [Зощенко, 2008, с. 479]. И хотя для нашего современника слоны из фельетона М. Зощенко остались предметом загадочным [Раздача слонов...: [http](http://)], но в прецедентном тексте устойчивое выражение *дармовая раздача слонов* актуализирует смысл ‘вознаграждение за труд’.

К слову, смысл выражения *раздача слонов* вне авторского контекста непрозрачен, но он имеет историческую основу: в армейской среде периода колонизации Индии сложилась традиция бесплатной раздачи боевых слонов воинам на досмотр, так как содержание этих «солдат» было очень затратным для государства [Детская энциклопедия, 2018, №3 (46)].

Примечательно, что уже в 1931 г. авторская фразема фиксируется в тексте И. Ильфа и Е. Петрова в качестве номинации одного из номеров Остапа Бендера в образе знаменитого бомбейского брамина (йога): «*Материализация духов и раздача слонов*» [Ильф, Петров, 1961, т.2, с. 72]. Благодаря психотипу главного персонажа смысл фразеокреатива меняется – ‘надувательство’, ‘обещание бесплатного вознаграждения’. Однако до определённого момента оформленные в сатирической прозе альтернативные смыслы оставались окказиональными, а сама фразема функционировала в качестве цитаты

[Душенко, 1997, с. 150]. Не получили распространения и другие смыслы единицы, актуализирующиеся в субкультурах в последней трети XX в.: в спортивном дискурсе ('критические замечания в адрес каждого из присутствующих' [НРЛ-82, 1986, с. 164]), в армейском дискурсе ('назначать на внештатные должности' [Лазаревич, 2000, с. 132]). Однако, начиная с 2002 г. в лексикографических изданиях регулярно фиксировались случаи частотного использования фразеоальтернativa в качестве средства актуализации разнообразного набора смыслов в разных контекстах: 'распределение денег, благ' [Дядечко, 2002, с. 212], 'публичное вручение подарков, наград, премий' [Баско, 2019, с. 104] (подтверждается материалами Национального корпуса русского языка). Что является показателем перехода единицы в область узуальности (фразеопопуляризм в нашей классификации).

К рассматриваемой модели относим неофразему *поющие трусы*, рождённую в сфере искусства эстрады. Тема *поющих трусов* («Мы выходили на сцену в трусах» [«Мы выходили...»: <http://>]) и *туалетного репертуара* («Можно писать «туалетные» тексты <...>, но к изящному искусству это не имеет никакого отношения» [Гаспарян: <http://>]) не теряет актуальности и в настоящее время рассматривается как феномен российской эстрады [Поющие трусы...: <http://>].

Считается, что впервые фразу *поющие трусы* произнесла Наталья Ионова (Глюк'Оза) в 2005 г. в адрес популярной группы «Шпильки» [А знаете...: <http://>]. Достаточно негативная оценка творчества женских вокальных групп [Глюкоза...: <http://>] показалась удачной: на смену официозным исполнителям советской эстрады и звёздам 90-х (без официоза, но не без голоса и не без музыкального образования) пришли певицы и женские коллективы, не имеющие вокальных данных, но обладающие модельной внешностью и не отличающиеся излишней скромностью («Полуголые <...> И у каждой из них видны трусы» [Девочки...: <http://>]). И если изначально *поющими трусами* называли женские коллективы, которые 'крутят бёдрами на сцене и не умеют петь' [Шпед: <http://>], или звёзд, у которых 'проплаченная

богатым покровителем певческая карьера’ [«Поющие трусы» не могут...: http], то со временем российский шоу-бизнес как таковой стал ассоциироваться с эпохой *поющих трусов* [Поющие трусы: Грустная песня...: http], когда со сцены звучат «чудовищные тексты и пошлые однообразные мелодии» [Дмитрий Певцов назвал ...: http] (‘*низкопробное творчество*’). Уточним, из конкурирующих смыслов в дискурсивных практиках закрепился первоначальный. Получив широкое распространение (о нахождении в нише узуальности говорят данные Яндекс Вордстат: в период с января 2018 г. по май 2025 г. поисковые запросы не были ниже 17000), рассматриваемый сверхсловный неологизм был зафиксирован в словаре новой фразеологии [Доброва, 2022, с. 414].

3.4.2. Комбинация *область креативности – область узуальности – область системности*. Интересно складывается судьба фразеокреативов, переживших этап популярности и завершивших свой «жизненный цикл» в области системности.

Рассмотрим этот вариант модели неофразеологизации на примере выражения *битва холодильника с телевизором*. Абсурдное, с точки зрения реальности, выражение Б. Вишневского (фразеокреатив) озвучило острую социальную ситуацию – расхождение желаемого (официальная пропаганда, транслируемая с экранов ТВ) и действительности (реальная экономическая ситуация), что и обеспечило его стремительное распространение в дискурсивных практиках (фразеопопуляризм) и фиксацию в словаре со значением «расхождение между позитивной информацией государственных каналов и реальной ситуацией снижения уровня жизни человека» [Баско, 2019, с. 20]. Разнообразие ближайшего контекстного окружения единицы увеличивалось с ростом её популярности: «*Семейные кошельки в борьбе холодильника с телевизором становятся все более тощими*» [Сергушкина: http]; «*Как и ожидалось, телевизор начал проигрывать холодильнику. Правительство РФ пытается сдерживать цены и ищет механизмы*

смягчения последствий санкций» [Война...: http]; «*Наш народ можно всколыхнуть только через пустой желудок. То есть когда холодильник опускает у большинства граждан страны, тогда и победит холодильник!*» [Гафурова: http]; «*Пока побеждает телевизор, а холодильник молчит. А чтобы холодильник и дальше молчал, надо его наполнять. А если невозможно его наполнять, тогда надо громче включать телевизор. И это тот путь, которым, скорее всего, мы и пойдем*» [Калинина: http] и др. Параллельно формируются вариативные ряды, которые составляют варианты фразеопопуляризма: *телевизор против холодильника* [Идеология...: http], *борьба холодильника с телевизором* [Гафурова: http], *схватка телевизора и холодильника* [Дискин: http], *холодильник VS телевизор* [Холодильник...: http].

В современных условиях исход битвы не предрешён, как и дальнейшая судьба фраземы. Однако маркированная единицей ситуация хорошо знакома россиянам стершего поколения – несовпадение официального оптимизма и экономического положения реального человека довольно типично для разных периодов существования государства (и до распространения ТВ-вещания). Факт традиционности концепта в русской ментальности в сочетании с яркой образностью новой единицы позволяют предположить возможность закрепления фразеопопуляризма во фразеологической системе русского языка.

3.4.3. Комбинация *область креативности* – *область альтернативности* – *область узуальности* – *область системности*. Полный цикл трансформаций неообразования, понимаемый нами как процесс неофразеологизации, продемонстрируем на примере неофраземы *псы войны*.

Метафорой, положенной в основу выражения, мы обязаны Шекспиру. В 1599 г. В. Шекспир написал трагедию из римской истории «Юлий Цезарь» [Гражданская, 1992, с. 14], в которой утверждается идея: убийство Цезаря оказалось бесцельным кровопролитием [Алексеев, 1999], за которое нужно заплатить новыми жертвами: «*Дух Цезаря в погоне за отмщением, / С Гекатою*

из преисподней выйдя, /На всю страну монаршым криком грянет: / «Пощады нет!» – и спустит *псов войны*, / Чтоб злодеянье вся земля узнала / По смраду тел, просящих погребенья» [Шекспир: [http](#)]. Что явилось основанием для предложенной метафоры не вполне ясно. На этот счёт существуют две версии: 1) выражение стоит понимать буквально, потому что у Цезаря были собаки для смертельной схватки с человеком (в материалах цифрового пространства, не относящихся к научным изысканиям, достаточно часто речь идет о боевых собаках римских легионов [«Спустите...»: [http](#)]); 2) в переносном смысле речь идёт об армии. Первой версии придерживается, например, А.К. Нефёдкин, считающий, что римляне не использовали собак непосредственно в бою, но многие породы были приучены к поиску беглецов и охране [Нефёдкин: [http](#)]. Вторая, метафорическая, кажется более убедительной А.И. Иванчику, обратившемуся к индоевропейскому эпосу, в котором существовало формульное обозначение воина как впадающего в бешенство пса [Иванчик, 1988, с. 47]. В контексте цитаты из Шекспира выражение *псы войны* актуализирует смысл: ‘воины, охваченные свирепой звериной яростью, одержимые жаждой мести’, что вполне соответствует историческим фактам. Цезарь, читаем об этом у Плутарха, пользовался любовью своих воинов, которые были способны с особой жестокостью растерзать тех, кто, как им казалось, причастен к смерти полководца [Плутарх: [http](#)]. Широкого употребления фразеокреатив не имел, но в художественных текстах встречался: «*Стояла чудная тихая ночь; сон и покой объял землю; забылись дремотой кровавые псы войны, и казалось, в этот молчаливый час в мире бодрствует только любовь*» [Шелли: [http](#)].

Новая стадия развития неофраземы фиксируется в 70-ые годы XX века, т.е. спустя несколько столетий после рождения. В 1974 г. выходит книга Ф. Форсайта «Псы войны» об иностранных легионах, сражающихся на африканской земле [Форсайт: [http](#)]. С этого момента выражение *псы войны* стало активно употребляться в качестве средства именования солдат-наемников [Серов, 2005]. Семантический сдвиг позволяет говорить о переходе

единицы в разряд фразеоальтернативов: «*Пока царь мне платит, я буду верным псом войны и готов продать ему свою преданность, если, конечно, сочту, что риск того стоит*» [Григорьянц: [http](#)]; «*Его ненавидели и боялись, и если бы не находящиеся рядом наёмники архиепископа, профессиональные псы войны, которые служили за деньги, бойцы давно попробовали бы убить своего начальника*» [Сахаров: [http](#)].

С началом специальной военной операции статус неофраземы вновь меняется. Участие наёмных солдат в одном из трагических военных конфликтов между братскими народами актуализировал использование выражения *псы войны* в различных дискурсах (в самодеятельной поэзии: «*Вы псы войны, разнуданные властью! / Вам честь не ведома, не ведома вам жалость!*» [Румянцева: [http](#)]; в дискурсе масс-медиа: «*"Псы войны" в Курской области*» [[«Псы войны»...](#) : [http](#)]).

Нельзя не отметить одну особенность функционирования в цифровом пространстве рассматриваемой неофраземы: осмыслия современные события на Украине, авторы различных жанровых форм используют фразеопопуляризм *псы войны* и как описательное выражение с закрепившимся за ним значением «солдат-наёмник», и как трансформ шекспировского варианта. В классификации А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко подобное преобразование названо «двойной актуализацией», когда совмещается значение оборота и образная основа [Мелерович, 2016, с. 154]. В самодеятельной поэзии воины украинской стороны, не только наёмники, называются *псами войны* и изображаются в зверином облике как одержимые жестокостью, утратившие человеческий облик: «*Ветер рвали клыками, / Волны били когтями, / Нивы выжгли глазами, / А живых растоптали ногами. // Псы войны – люди? звери? / Разнесли все запоры и двери! / Слабые души с пустыми очами / Жрали жадными чёрными ртами!*» [Кондратенко: [http](#)] или «*Псы войны, я слышу ваши жуткий вой. / Псы войны, я чувствую эту вонь. Я вижу клыки / На мордах, оскаленных в ряд. / Безумные звери! Глаза, словно фары горят*» [Щепетова: [http](#)]. Надо отметить, что поэзия СВО сегодня

считается высокорейтинговой, в том числе и потому, что, во-первых, во многих случаях она находит отклик в читательских душах: ценным оказывается обращение к священному долгу воина – защитить слабого, защитить Родину. Во-вторых, в этой поэзии, распространяемой в цифровой среде, отражается народное мировосприятие. В традиционной для русской культуры форме вражеские силы и исходящая от них опасность изображаются при помощи визуальной метафоры, представленной рядом таких словесных символов, как *черный ворон*, *серые волки*, *черные пасти*, *звериный оскал* и т.п. Согласно словарю русской ментальности, пёс в народном сознании ассоциируется с человеком, вызывающим презрение и негодование своими действиями и поступками [Колесов, 2014, с. 18].

Таким образом, на современном этапе неофразема *псы войны* демонстрирует признаки потенциального фразеологизма, отличительной чертой которого является органическая связь с традиционной культурой и готовность вступать в парадигматические отношения с системными единицами.

Типичный сценарий течения процесса неофразеологизации можно наблюдать и на примере выражения *ночная бабочка*: в значении «проститутка» оно использовано в произведении В. Крестовского «Петербургские трущобы. Книги о сытых и голодных» (1867 г.), затем в шуточном стихотворении А.С. Афанасьева-Чужбинского («Ночная бабочка», 1892), в эпоху Серебряного века в стихотворении И. Северянина («Мисс Лиль», 1911), в массовом употреблении – после статьи Е. Додолева «Ночные охотницы» в газете «Московский комсомолец» (1986 г.) и шлягера О. Газманова «Путана» (1991 г.). Сегодня вопрос о статусе этой единицы как элементе фразеологической системы русского языка не ставится.

Варианты модели процесса неофразеологизации, конечной точкой которых является появление потенциального фразеологизма, позволяют перейти к вопросу об условиях обновления фразеологической системы русского языка.

3.5. Неофразеологизация и обновление фразеологической системы русского языка

Рождаемый в условиях цифровой среды разнородный неологический пласт, по справедливому замечанию В.М. Мокиенко, нуждается в осмыслиении, нам ещё только предстоит «определить и описать специфику фразеонеологической «картины мира» на фоне соответствующих «картин» традиционной идиоматики и неологической лексики» [Мокиенко, 2022, с. 132 – 142]. Работа в этом направлении ведётся представителями разных отечественных фразеологических школ, и полученные результаты положены в основу проводимого нами исследования.

По наблюдениям представителей магнитогорской фразеологической школы (С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина и др.), далеко не все неофраземы, функционирующие сегодня в цифровом пространстве, могут стать частью языковой картины мира. Интерес для фразеологов представляют те из них, что не просто номинируют новые явления, но отражают основные ценности и представления, характерные для русского мира.

Рассмотрим в качестве примеров некоторые из них. Уточним, что при отборе неофразем для анализа мы опирались на материалы двух фиксирующих особенности русского мира словарей – Словарь русской ментальности [Колесов, 2014] и Россия. Большой лингвострановедческий словарь [Россия. БЛС, 2007].

Аксиоматично утверждение, что любые социально-культурные процессы, стихийные и управляемые, неизбежно приводят к трансформации концептуальной картины мира. И эти трансформации находят отражение в языке. Некоторые казавшиеся традиционными смыслы деактуализируются, уходят в пассивный запас их вербализаторы. Но «информационные следы» остаются и в концептуальной, и в языковой картинах мира. Именно они

позволяют носителям языка отграничивать новообразования в рамках значимой в любой культуре оппозиции «свой – чужой». Нам представляется, что шанс остаться в актуальной зоне и закрепиться в языке имеют «свои». В ходе анализа речевого материала мы уже акцентировали внимание на этом признаке неофраземы; в число категориальных признаков потенциального фразеологизма нами включены два взаимосвязанных: 1) новая вербализация констант национально специфической картины мира либо новых концептов; 2) возможная включённость в систему парадигматических отношений с единицами национального фразеологического фонда. Предполагаем, что условием вхождения неофраземы в систему (*потенциальный фразеологизм*) является её способность к адаптации в концептосфере. Покажем это на конкретном материале.

Обратимся к наиболее мобильному, социально открытому дискурсу, обслуживающему торгово-бытовую сферу. Рынок услуг, по мнению специалистов, отличается ориентацией на определенную группу покупателей, что ведёт к постоянному поиску новых средств речевого воздействия. В этом процессе задействованы не только разум, память, эмоции, но и сенсорная система и анатомия вкуса человека. Наше внимание привлекли неофраземы с компонентом *ягодный*, бытующие в рекламном дискурсе: *ягодные скидки* [*Ягодные...: http*], *ягодная неделя* [*Ягодная...: http*].

Весной 2023 г. посетителям сайта маркетплейса Wildberries стало известно о *ягодных скидках*, обещавших снижение цен на 90 %. Но интерес у адресной аудитории вызвали не только скидки, но и форма их именования.

Внимание носителей русского языка к неофраземе *ягодные скидки* вполне объяснимо: во-первых, выражение выходит за пределы традиционной сочетаемости (ср. примеры из словарей *ягодный запах*, *ягодные напитки*, *ягодный питомник*, *ягодный год*, *ягодное варенье*, *ягодная пастila*, *ягодный пирог*, *ягодный мед*, *ягодный морс*), а во-вторых, значение единицы вне контекста не восстанавливается (возможно буквальное понимание – скидки

на ягоду). Попытаемся в ходе лингвокультурологического анализа реконструировать креативный замысел анонимного автора.

Лексема *ягода* относится к группе слов общеславянского происхождения [Шанский, 1971]. В XI – XVII в. в русском языке оно известно как «ягода (виноградная)» [ЭССРЯ, 2010, с.571]; в некоторых славянских языках *ягодой* называется только плод земляники и клубники [Черных, 2009, т. 2, с. 466 – 467]. В современных словарях русского языка фиксируется значение «небольшой сочный плод кустарников, полукустарников, кустарничков и травянистых растений» [Ожегов, 2006, с. 916]; в специализированных справочниках насчитывается свыше 130 видов ягоды [Кощеев, 1992]. Разные ягоды дикорастущих и культурных сортов произрастают на территории России, названия некоторых из них неизвестны большинству её жителей, а многие ягоды опасны для здоровья человека, что нашло отражение в народных названиях, зафиксированных В.И. Далем: *бешеная ягода, змиева ягода, волчья ягода, медвежья ягода* [Даль, 2016, т. 4 с. 650] и т.п. Заметим, что все неоднословные именования построены по одной модели, в которой зависимое слово содержит указание на исходящую от ягод опасность.

Образ *ягоды* широко представлен в русском народном творчестве: спелые гроздья калины на яркой хохломской посуде, красные ягоды земляники в траве на вышивках тарусских мастерниц, вишенье, кусты малины, черные ягоды смородины в лирических песнях. В фольклоре часто всё, что красиво, радует глаз и мило сердцу, уподобляется *ягоде*, например, в пословице (*У кого детки, у того и ягодки* [ПРН, 1989, т. 1, с. 336]), в заговоре (*Казались бы ему мои как ягодиночки, глазки, как искриночки <...>* [РЗК, 2000, с. 38]), в народных сравнениях (*Как ягодка; что ягодина, как ягода-малина* [Мокиенко, 2008, с. 773]), в загадках (*Сижу на дереве, / Кругла, как шар, / Красна, кровь, / Сладка, как мед; Стоит на горке / В красной рубашке Егорка. / Кто ни пройдет – / Всяк поклонится* [РНЗ, 1954]; *Белая трубка, / красная лунка; Тряхнётся, / Давнётся, / Кровью обольётся* [ЗРН, 1995]). Издревле

собирание ягод было делом юных девушек и девочек, что отражено в сказочном эпосе [Маша ..., 1990, с. 4].

Занимает своё место ягода и в народном календаре, и в приметах русского народа. Так, наблюдения за природой служили своеобразным руководством к действию: в какой срок сеять, жать, собирать и т.п. Касательно ягод действовали правила: *ягода на Тихвинскую поспевает (26 июня)* [Даль, 2016, с. 650], *в июне первую ягоду в рот кладут* [Народные приметы, 1986, с. 68]; *если на Мануила (30 июня) много комаров, готовь по ягоды коробов* [Там же. С. 68]. Урожай ягоды указывал на то, каким хлеб уродится (конечно, хороший урожай зерновых радовал крестьянина больше, так как с одной ягоды съят не будешь): *коли ягодно, то и хлебно; рясная малина – урожай на хлеб; если уродилась малина крупная и цельная – на будущий год рожь будет полноколосая; если ягоды малины поспевают раньше на верхушке куста – летом хлеб будет хороший, если снизу – то плохой* [Ермолов, 2013, с. 322].

Запасались ягодами не только в дикой природе: уже в русских средневековых садах плодоносили фруктовые деревья и ягодные кустарники (первые яблоневые сады были заложены в Киеве на территории Киево-печерской лавры при Ярославе Мудром [Россия. БЛС, 2009, с. 635], а упоминание о культуре малины, крыжовника встречаются в XI веке. В переписи 1701 г. указано, что все виды смородины выращивались в садах наравне с другими культурами [Говорова, 1966]).

Значение ягод в русском быту трудно переоценить: будучи источниками витаминов, сахаров, органических кислот, они не только источник пищи, но и лечебная кладовая [Ягодные культуры, 1988, с. 3]. Однако для многих ягодные плоды прежде всего лакомство. В пространственно-временной системе русского человека есть особый период – *время спелых ягод* [Рождественский: [http](http://)], разный на вкус и цвет, он запечатлен в памяти яркими эмоциями: счастьем, радостью, восторгом («*А какая вкуснота/ Кушать ягоды с куста!*» [Сережкин: [http](http://)]). Вкус малины, земляники, клубники, осязаемый и знакомый, неразрывно связан с чувственной сферой: момент любовного

наслаждения сопоставим с ягодной усладой (*«Время ягод и время любви. / Соком сладким твои губы по коже»* [Шведова: [http](http://)]; *«Отдаюсь упоительным волнам, / И рассудок от них потемнел.../ Дай свои земляничные губы»* [Северянин: [http](http://)]). Хороши свежие ягоды, и запасы из них тоже вкусные: варенье, пастила, джем, желе, конфеты из протертых плодов – и различные напитки: соки, компоты, морсы, квасы. Традиционное русское варенье из ягод без преувеличения считается символом уютного дома.

Таким образом, в коллективном сознании русского человека собственно ягода, десерты и другие блюда из неё, а также само время её созревания являются символами радости, счастья, наслаждения. В современном маркетинге этот концепт попытались воплотить в форме *ягодные скидки*. Фразеокреатив отсылает к традиционным концептам, но этот посыл не достигает цели, поскольку требует дешифровки. Анализ данных динамики поисковых запросов фразеокреатива говорит о статусе единицы: с января 2018 по апрель 2023 г. число запросов равнялось нулю, в мае 2023 г. оно выросло до рекордных показателей – 651 раз потенциальные клиенты Wildberries интересовались в сети значением непривычного наименования скидок; в последующем (июнь 2023 – декабрь 2024) количество запросов колеблется в диапазоне двухзначных показателей (от 17 до 63): постоянные покупатели единицу запомнили, но новые пользователи по-прежнему нуждаются в её дешифровке.

Внимания заслуживают и другие неофраземы, возникающие в наши дни исключительно на русской почве. В ряде случаев их появление детерминировано актуализацией национально-культурных ценностей. Для подобных фразеокреативов характерна, как и в случае с *ягодными скидками*, отсылка к растиражированной модели и традиционным культурным образам при нестандартном (чаще всего эпатажном) сочетании лексических компонентов. Рассмотрим в качестве примера неофраземы *тыквенный спас*, *тургеневский дворик*.

Несколько лет назад в Сети появилось выражение *тыквенный спас* [Тыквенный...: http], интерес к которому, судя по динамике запросов, увеличивался в десятки раз в осенний период, начиная с 2018 по 2024 г. включительно, что подтверждается данными Яндекс Вордстат (см. рисунок № 2).

Рисунок 2 – Данные по частоте поисковых запросов фраземы *тыквенный спас*.

Возникнув в виде анекдота [Анекдоты про тыкву: http], рассматриваемый фразеокреатив в дальнейшем активно функционировал в интернет-материалах накануне 31-го октября, когда, следя обычаю, в некоторых странах празднуют Хеллоуин – западный языческий праздник [31 октября: http], прижившийся в конце XX столетия в российской молодёжной среде. На волне патриотического подъёма инициативная группа одной из российских школ предложила отказаться от празднования Хеллоуина и заменить его альтернативным *тыквенным спасом* [Некрасов: http]. В понимании людей воцерковленных, в целом народные названия далеки от истинного духовного значения августовских праздников [Духовный смысл...: http], а появление праздника-самозванца *тыквенного спаса*, по мнению служителей русской православной церкви, «безумное невежество» [Замена...: http].

Опуская морально-этическую сторону вопроса, попытаемся реконструировать креативный замысел анонимного автора. Структура новой единицы знакома большей части носителей русского языка: очевидно, что для образования фразеокреатива использована устоявшаяся модель, служившая

не одно столетие для номинации августовских Спасов (производное от наименования символа праздника (*мёд, яблоко, орехи / хлеб*) имя прилагательное + *Спас*), однако новое сочетание компонентов воспринимается как абсолютно новое и чужеродное.

В интернет-среде *тыквенный спас* «объявлен» славянским праздником благодарения за урожай [Кузнецова: <http://>] и, вопреки порицанию со стороны православных верующих [Тыквенный спас...: <http://>], включён народной молвой в один ряд с тремя церковными праздниками, называемыми в народе Спасами [СРЯ, 1988, т. 4, 218]. К удивлению обывателей, в церковном календаре Спасы не значатся, а любимый *Яблочный Спас* – это один из двунадесятых праздников Преображение Господне (именно поэтому у Б. Пастернака, осознанно принявшего христианство и хорошо знавшего православную традицию [Как следует...: <http://>], мы встречаем именно церковное, а не народное название: «*Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня / Шестое августа по-старому, / Преображение Господне*» [Пастернак, 2015, с. 695]). Сосуществование двойного названия неслучайное совпадение. В своё время христианским церковным праздникам августа, наделённым «конкретным богословским, литургическим и историческим смыслом», народной традицией были присвоены новые черты [Смирнов, 2021, с. 59]. Считается, что постепенное смешение народного земледельческого и церковного календарей после принятия христианства, привело не к двоеверию, а к феномену – «народно-церковный праздник», отражающему «взаимное влияние народного и духовного начал в традиционной жизни русского народа» [Розов, 2018, с. 122]. Каждый Спас, отмечаемый в августе, ознаменовал время созревания плодов, например, в народе говорили: «*Пришел Спас – всему час: плоды зреют. Спасовка лакомка, Петровка – голодовка. Август – густарь, густоед, разносол: всего вдоволь*» [Народные приметы..., 1986, с. 104].

В картине мира русского человека слово *Спас* остаётся неразрывно связанным с христианством. Почитаемые в народе августовские праздники, сопрягаемые освещением в храмах нового урожая, были воспеты в русской

поэзии XX века: «*Пахнет яблоком и мёдом / По церквам твой кроткий Спас*» [Есенин, 1995, с. 50]; «*Зреет всё. Осенний час. / Яблок – плод живой. / Прежде всех пленил он нас, / Ядра с ним – в числе прикрас, / Мёд. Как сладок первый Спас, / И второй*» [Бальмонт, 2010, с. 92]. Сила традиции была настолько сильной, что даже в эпоху гонения на церковь в советский период мирияне, сохранившие верность христианству, носили яблоки в храм [Гусакова, 2018]. Празднование Крещения Руси в 1988 году стало началом нового периода, связанного с возрождением Русской Церкви [Православная энциклопедия, 2000, с. 31] и массовым приобщением к православной культуре и традициям, что нашло отражение в литературе нового времени (Морозов: <http://>; [Кузнецова: <http://>]).

Завершая лингвокультурологический анализ, отметим, что повторяющееся в наименовании рассматриваемых церковных праздников слово-компонент *Спас*, безусловно, соотносится с религиозным кодом русской культуры, что и определило, по нашему мнению, рождение фразеокреатива *тыквенный спас*, задачей которого было противопоставить чуждому для православного мира Хеллоуину традиционные церковно-народные праздники. Абсурдный, с точки зрения христианской культуры, *тыквенный спас*, ограничен в своей роли антагониста «чужому»: так, православный Яблочный Спас, в отличие от западного Хеллоуина, призван вселить в душу верующего просветление, служит напоминанием о преображении каждого, кто «будет всем сердцем стремиться к Богу всю свою жизнь» [Нефёдова: <http://>].

Как показывает анализ неофраземы *тыквенный спас*, в некоторых случаях фразеокреативы, актуализируя традиционные культурные коды, рождаются, движимые идеей национального своеобразия и национального возрождения. Но возможность перемещения подобного фразеокреатива в область потенциальности или узуальности сложно прогнозировать, этому переходу могут препятствовать социокультурные стереотипы, отражающие народное восприятие мира. В частности, заимствованный из анекдотического

дискурса и воспроизведённый в интернет-материалах фразеокреатив *тыквенный спас* вызвал неоднозначные реакции в Сети вплоть до отрицания [Полна Россия...: [http](http://)].

Отметим также, что фразеокреатив *тыквенный спас* стал фразеологической моделью для образования новых, семантически подобных, единиц: «*Трудящиеся просят переименовать 1 мая в шашлычный спас* [Смешные анекдоты...: [http](http://)]; *А скоро будет Новый Год, а по-нашему – Ёлочный Спас*» [Анекдот № 1423204...: [http](http://)]. В отличие от *тыквенного спаса*, в этих вариантах неофразем юмористическая составляющая оказывается ярко выраженной. Разговор о смене статуса креативных единиц с компонентом *Спас* преждевременен в силу объективной причины: привязанность к контексту, ограничение на закрепление в концептуальной картине мира.

Интерес для исследователей представляют фразеокреативы с компонентом, образованным от имени собственного. Стоит сказать, что в русской фразеологической картине мира достаточно единиц подобного рода, соотносимых с антропным культурным кодом [Зиманский, 2022] (ср. *бальзаковский возраст, потёмкинские деревни, хрущёвская оттепель, хрущёвский холодильник, горбачёвская перестройка*), и их список дополняется новыми. Так, сравнительно недавно в авторском материале новостного портала был зафиксирован фразеокреатив *тургеневский дворик* [Можно сделать...: [http](http://)].

Имя Ивана Сергеевича Тургенева занимает особое место в русской языковой картине мира, о чём свидетельствует целый ряд сверхсловных единиц, давно ставших крылатыми (ср. *отцы и дети* [Серов, 2005], *дворянское гнездо* [Петрова, 2011]). Герои из художественного мира писателя, изначально осмыслиенные в отечественной литературной критике как особые культурно-исторические типы [Доманский, 2022] (ср. *тургеневская барышня, новый человек*), затем стали фактом языка [Шулежкова, 2011], в наше время они воспринимаются как своеобразный код русской культуры [Тургеневская девушка...: [http](http://)]. В профессиональном дискурсе литературоведов,

культурологов, гидов оказались устойчивыми некоторые обороты с прилагательным *тургеневский*, например, традиционны выражения: *тургеневские места*, *тургеневский квартал*, *тургеневский роман*, *тургеневский герой*. Да и само имя русского классика часто использовалось в названиях линейных и точечных городских объектов; наиболее известны следующие годонимы, созданные по одной модели: *Тургеневский переулок*, *Тургеневская площадь*, *станция метро «Тургеневская»*, *Тургеневский мост*, *Тургеневская улица*. В современной урбанистике довольно распространена практика включать в названия жилищных комплексов имя собственное, отсылающее к годониму, в пределах которого возникает новый объект [Модные тенденции..: [http](http://)], в частности: ЖК «Turgenev» возведён в г. Москве [Turgenev: [http](http://)]; ЖК «Тургеневский» [Жилой комплекс..: [http](http://)] построен в г. Магнитогорске в пространстве между улицами Тургенева и Парковой; ЖК «Тургеневский двор» [Путешествие..: [http](http://)] расположился в Новой Адыгее вблизи Тургеневского шоссе.

Активная позиция прилагательного *тургеневский* в современном нейминге городской среды подтверждается, на наш взгляд, также появлением в цифровом пространстве фразеокреатива «тургеневский дворик». Толкование значения новообразования вызывает определённые сложности. Обратимся, предваряя его анализ, к дискурсивному контексту: «*Но если дом всё-таки дождался реконструкции, то его дворовая территория уже долгие годы остаётся очень далекой от идеала. Дело дошло до того, что двор попал в антирейтинг «Карты убитых дворов» <...> Если этим двором заняться, можно получить что-то вроде «тургеневского дворика» в самом центре Челябинска: небольшой, тенистый и уютный*» [Можно сделать...: [http](http://)]. Контекстное окружение свидетельствует о том, что в значении единицы нет прямых или косвенных отсылок к жизни или творчеству писателя, но очевидна и «наводимая» этим контекстом положительная оценка именуемого объекта (‘удобство’, ‘покой’). При этом имя Тургенева у носителей русского языка не ассоциируется с этими оценочными понятиями (ср. ассоциативные реакции

нигилизм, крепостное право, природа, человек с ружьем, дворянство и др. [Ассоциации...: http]). Чтобы понять, какие смыслы были «приписаны» новому обороту, построенному по достаточно распространенной схеме (прилагательное *тургеневский* + объект/топос: ср. *тургеневский дуб* [Тургеневский дуб...: http], *тургеневское имение*), обратимся к различным источникам: биографии писателя, истории Москвы и её архитектуры, современному изобразительному искусству.

«Следы» *тургеневского дворика* стоит искать в Москве, в городе, в котором сохранились объекты, связанные с именем писателя. На карте города от столичного Департамента культуры значатся как тургеневские места Москвы – Дом матери писателя, известный как «дом Муму» на Остоженке, Дом Н.В. Гоголя на Никитском бульваре, Старое здание МГУ на Моховой, Большой и Малый театры, Библиотека-читальня, первая бесплатная общедоступная библиотека, открытая в память о писателе изначально на Тургеневской площади, а после того как было снесено старое здание, переехавшая в Бобров переулок [По Москве...: http]. В целом, насчитывается более ста тургеневских адресов [Дельмухаметова: http]. Как можем заметить, интересующий нас объект – *тургеневский дворик* – не обозначен на карте туристического маршрута, однако в приложении 2Гис в границах Померанцева и Хилкова переулков числится *Тургеневский квартал*, включающий в себя примыкающую к Дому на Остоженке территорию и облагороженный сад с беседкой за зданием музея [«Тургеневский квартал»...: http] Отметим, что тургеневская тема целого квартала возникла в наши дни [Дом-музей...: http], как и обустройство двора за домом [Возле «дома Муму»...: http], о чём свидетельствуют фотоматериалы, на которых запечатлена Остоженка в разные периоды [Дом Муму...: http]. До реставрации дома и воссоздания его исторической планировки трудно было назвать уютной территорию двора знаменитого «дома Муму» (особенно в сравнении с нынешним её состоянием, что подтверждается современной живописью [Контуриев: http] и фотографиями [Дом-музей И.С. Тургенева ...: http]).

Примечательно, что в культурном пространстве предшествующего периода понятие *тургеневский дворик* не было сформировано, как предполагается нами, в силу некоторых обстоятельств. Во-первых, не было в Москве любимого дворика Тургенева. У писателя в Москве не сформировалось ощущение родительского дома (частые переезды из одного особняка в другой, жизнь в пансионе, обучение и дальнейшая жизнь в Европе); известна привязанность писателя к родовому имению Спасское и нейтрально-холодное отношение к Москве [Беляева: [http](#)]. Во-вторых, московский дворик в художественном пространстве Тургенева не выделен как особый знаковый объект самим автором (напротив поэтически и живописно описаны, например, топосы, связанные с Орловскими местами: в романах старый дедовский сад пронизан родовой памятью [Глазкова, 2008]). В письме Полине и Луи Виардо от 15/27 июля 1850 г. реальный вид из окна дома на Остоженке описан умеренно-скрупливо: «*Мое окно выходит во двор; невысокая деревянная ограда отделяет его от другого двора, усаженного деревьями, среди которых стоит церковка с зелеными приплюснутыми куполами в византийском стиле <...>*» [Тургенев в воспоминаниях..., 1988, с. 7].

Москве XIX столетия присуща полистилистичность [Таратухина: [http](#)]: «<...> чуть свернул с шумной улицы тихие дворы, сады, пустыри, монастыри с высокими оградами <...>» [Бокова: [http](#)]. В пространстве златоглавой и белокаменной соседствовали общественные и частные территории: местами общего пользования были торговые площади, бульвары, сады и скверы [Гаврилова, 2019], специальные пространства для массовых мероприятий [Беляева, 2021] и т.п., и частная территория (обязательно огороженная возведённым забором или постройками) – личный или наёмный дом. У даже не очень богатого горожанина двор – большая площадь, на которой размещались сад, огород, хозяйственные постройки, включая дом хозяина [Короткова, 2006]. Визуализацией частных небогатых дворов Москвы прошлой эпохи можно считать картину В. Поленова «Московский дворик»: художник мастерски воспроизвел «своё изумление перед возможностью

существования такого деревенского пейзажа в центре Москвы» [Титова: <http://>]. И если частные дворы Москвы, напоминали «<...> какую-нибудь Котловку или Воробьевку, где по-прежнему были оранжереи, конюшни <...>», то общественные места разительно отличались от них. Сады, парки, скверы – любимое место отдыха москвичей, например, в Петровском саду «было культурно и благородно: уютные беседки, красивые фонтаны, изящные скульптуры, необычная привезенная из-за границы растительность, ароматные кофейни, качели» [В зеленой тишине...: <http://>]. Погружение в историю жизни Москвы XIX века позволяет прийти к важному пониманию: придворовая территория городских домов уступала в своём обустройстве дворцовым ансамблям Подмосковья или провинциальной сельской усадьбе, что позволяет, в частности, Л.В. Рассказовой утверждать, что в России городская дворянская усадьба и сельская дворянская усадьба являются примерами двух противоположных типов поселений [Рассказова, 2017].

В русской культуре именно сельская усадьба стала «символом уюта и поэтичности быта, утраченной гармонии» [Россия. БЛС, 2007, с. 586], а выведенное Тургеневым дворянское гнездо ассоциируется с идеализированным пространством. Именно это культурное знание лежит в основе рекламного дискурса: «Жилой комплекс Тургеневский – это тихий оазис в шуме и суете современного города. Ценители уюта и комфорта по достоинству оценят планировку и продуманность квартир ЖК Тургеневский» [Жилой комплекс...: <http://>]. На этом культурно-историческом фоне становится очевидным, что фразеокреатив *тургеневский дворик* способен реализовать значение ‘камерный, уютный и комфортный в пространстве современного города’ только в ограниченных ситуациях. Признаем, однако, что национальная маркированность прилагательного *тургеневский* увеличивает шансы новообразования сформировать новый концепт.

Как знаки культуры, фразеологизмы, в том числе и фразеологические новообразования, являются материально выраженными свидетелями процесса

познания человеком окружающей его действительности. По мнению лингвокультурологов, словесные компоненты фразеологизма не суть только языковые сущности: для субъекта речи они – «имена реалий, приобретших в процессе жизнедеятельности человека особый, культурный смысл, и этот смысл «вычитывается» говорящим и слушающим из слов-компонентов в процессе восприятия фразеологизма» [Гудков, 2007, с. 100]. Эта культурно-ценостная информация «образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира <...>» [СЛТ, 2018, с. 40].

Анализ неофразеологического материала позволяет предполагать, что условия принятия новых единиц системой не в последнюю очередь формируются на фоне национальной концептосферы. Речь идёт о соответствии единицы национальному культурному коду. Верно и обратное – несоответствие культурному коду становится препятствием на пути обретения единицей статуса фразеологизма.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Представленный в главе вариант реконструкции процесса *неофразеологизации* позволяет ответить на вопрос о специфике этого процесса в сравнении с *фразеологизацией*.

1. Наблюдаемость в режиме реального времени, непредсказуемость и многовариантность, характерные для процесса формирования новой фразеологии, становятся поводом для отказа от идеи последовательного линейного движения свободного словосочетания к фразеологизму. Непредсказуемость неофразеологизации детерминирована действием различных факторов, имеющих по преимуществу экстраварийный характер (событийный контекст, «вкус» носителей языка, национальная картина мира).

2. Неофразеологизация в предлагаемой нами модели представлена как нелинейный, многовекторный процесс, допускающий перемещение новой

единицы в пределах потенциальных вариантов (областей), смену категориальных признаков и, как следствие этого, изменение неофразеологического статуса единицы. Для неофразеологизации характерны свобода и относительная неограниченность вариантов перемещения единицы, волновой характер изменений.

3. В ходе описания отобранного дискурсивного материала нами выделено четыре актуальных на данном временном отрезке варианта модели неофразеологизации:

- однокомпонентная модель – набор категориальных признаков неофраземы не меняется на протяжении всего её «жизненного цикла»;
- двухкомпонентная модель – меняются некоторые признаки неофраземы, что позволяет говорить о её перемещении в пределах двух областей;
- трёхкомпонентная модель – набор категориальных признаков неофраземы меняется таким образом, что единица дважды меняет свой статус;
- четырёхкомпонентная модель – неофразема «проживает» полный цикл, демонстрируя на разных этапах обладание всеми четырьмя выделенными нами наборами категориальных признаков.

Первый вариант модели предполагает нулевой вектор движения. Второй вариант реализуется как перемещение из области креативности в одну из трёх областей (альтернативности, узуальности, системности). Трёхкомпонентная модель представлена в двух реализациях: область креативности – область альтернативности – область узуальности; область креативности – область узуальности – область системности. Четырёхкомпонентная модель имеет черты линейности, поскольку трансформация набора категориальных признаков единицы осуществляется в предопределённой последовательности: область креативности – область альтернативности – область узуальности – область системности.

4. Процесс обновления фразеологического фонда русского языка регулируется рядом ограничений, доминирующее положение в этом ряду

занимает культурный код, о чём свидетельствует анализ неофразеологического материала. Обязательным условием принятия новообразований системой является их координация с национальной картиной мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс образования фразеологизмов признан в научном сообществе явлением уникальным. За более чем полувековую историю исследования этого феномена сложилось традиционное представление о поэтапно-линейном протекании фразеологизации и предложены описания двух вариантов начального этапа: в первом случае речь идёт о рождении новой единицы на базе свободного словосочетания, во втором – о трансформации уже существующих ФЕ.

Глобальные изменения коммуникативной среды – перенос основных площадок социального и межличностного взаимодействия в цифровое пространство – возвращает исследование проблемы фразеологизации в исходную точку: сформировавшееся ранее представление о стадиях процесса формирования ФЕ нуждается в переосмыслинии. Наблюдаемая в дискурсивной практике активизация процессов порождения сверхсловных неологизмов дали основания для выделения нового объекта исследования – *неофразеологии и неофраземы*.

Если фразеологизация мыслится как эволюционный процесс, состоящий из сменяющих друг друга в линейной последовательности стадий формирования ФЕ, то неофразеологизация – процесс в большинстве случаев нелинейный. В основу представления о специфике неофразеологизации нами положена идея многовекторного перемещения неофраземы в пределах некоторого набора областей (в нашем варианте – креативности, альтернативности, узуальности и системности). Переход неофраземы из области в область детерминирован экстралингвистическими факторами, но может диагностироваться в ходе исследования характера её функционирования. Набор категориальных признаков неофраземы проявляется в дискурсивном пространстве, благодаря цифровой среде – пространстве наблюдаемом и доступном для анализа.

Предметом многочисленных научных изысканий становится сегодня продукт неофразеологии. Несмотря на относительную новизну, представление о *неофраземе* в исследовательской практике сформированы: определены категориальные признаки неофраземы, выявлены условия и факторы функционирования единиц этого типа в цифровой среде. Однако вопросы образования и классификации неофразем остаются актуальными для дальнейшего исследования.

Разработанная нами классификация неофразем рассматривается как средство формирования представления о многовариантности неологических процессов. Систематизация признаков неообразований послужила основанием для выделения основных типов единиц: фразеокреативы, фразеоальтернативы, фразеопопуляризмы и потенциальные фразеологизмы. Неоднородные по способу образования и моделированию новые фразеологизмы ранжируются по мере возрастания частотности, привязанности к контексту, способности к дискурсивному перемещению.

Процесс неогенеза на современном этапе обусловлен творческой природой человеческого познания. Фразеокреативы, для которых характерны нестандартное сочетание компонентов или новизна и необычность вербализованных смыслов, свидетельствуют о тенденции ослабления фактов действительности игровыми средствами языка. Пространство Рунета становится творческой площадкой, на которой проходит апробацию различный уникальный, «личностно маркированный» речевой материал. «Жизненный цикл» рождённой единицы невозможно предсказать заранее, ибо он определяется целым набором разнородных факторов и не подлежит регулированию.

В открытом цифровом пространстве под влиянием ближайшего контекста значение некоторых новообразований может корректироваться: при сохранении структуры устойчивой сверхсловной единицы развивается альтернативная семантика, инициируемая намерением «человека говорящего» уточнить информацию о новом образе мира. Востребованные в дискурсивной

практике фразеопопуляризмы выходят за пределы контекста, их породившего, они частотно воспроизводимы в самых различных дискурсах. Но оба эти вектора реализации пути неофраземы не гарантируют её включения в систему, т.е. обретение статуса единицы языка. Этот шанс наиболее высок для единиц, названных нами потенциальные фразеологизмы, их отличительной чертой является способность коррелировать с концептуальной, а через неё – и с языковой картиной мира.

Предложенный вариант представления процесса неофразеологизации не претендует на исключительность, но отражает характерную для современного периода специфику обновления фразеологического фонда.

Дальнейшего осмысления, безусловно, требует не только вопрос онтогенеза сверхсловных неологизмов, но и условия и причины их архаизации, как свидетельства «живой» природы фразеологических единиц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

БАСРЯ	Большой академический словарь русского языка: Т.27. Сома – Стоящий / гл. ред. А.С. Герд. – Москва, Санкт-Петербург: Наука, 2021. – 799 с.
БФСРЯ	Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – Москва: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2014. – 784 с.
ЕВРАС	Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) в 2 т. Т.2 / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева; Российская академия наук, Институт языкоznания РАН, Московская международная академия. – Москва: Московская междунар. акад., 2018-2019. Т. 1: От стимула к реакции. Т.1 – 2018. – 542 с.
НРЯ-82	Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82 / Н.З. Котелова, М.Н. Судоплатова, Ю.Ф. Денисенко [и др.]; под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Рус. яз., 1986. – 256 с.
ПРН	Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в 2 т. Т. 1 / ред. Т. Беднякова. – Москва: «Художественная литература», 1989. – 431 с.
РАС	Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу // Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю.Н. Караполов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [и др.]. – Москва: ИРЯ РАН, 1994. – С. 325.
РБСФН	Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов / С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина [и др.]; пер. на болг. Н.П. Делева; под ред. С.Г. Шулежковой (гл.

	ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск: Магн. гос. тех. ун-т им. Г.И. Носова; Плодив: Плодивский ун-т им. Паисия Хилендарского, 2021.– 457 с.
Россия. БЛС	Россия. Большой лингвострановедческий словарь; под общ. Ред. Ю.Е. Прохорова. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 736 с.
СЛТ	Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / Отв. ред. М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2018. – 192 с.
СРЯ	Словарь русского языка: в 4 т. Т.4: С–Я/ Акад. Наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стер. – Москва: Русский язык, 1988. – 800 с.
ТСРЯ	Толковый словарь русского языка: В 4т. Т.4: С – Ящурный; под ред. проф., члена-корреспондента Академии Наук СССР Д.Н. Ушакова. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – 1500 стб.
СТСМ	Словарь терминов сетевого маркетинга [Электронный ресурс]. OK soft [Сайт]. URL: http://oksoft.ru/dictionary_of_mlm?ysclid=mdbo6rbjenj901180102 (дата обращения: 20.07.2025).
ФСРЯ	Фразеологический словарь русского языка/ сост. М.И. Степанова; изд. 2-е., испр. и доп. – Санкт-Петербург.: ООО «Виктория плюс», 2016. – 608 с.
ЭССРЯ	Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т.2: Н–Я / сост. А.К. Шапошников. – Москва: Флинта: Наука, 2010. –576 с.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Абреимова, Г.Н. СубSTITУЦИЯ компонентов ФЕ как один из приемов неофразеологизации в русской поэзии / Г.Н. Абреимова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): сб. матер. Международная науч.-практич. конфер., (Кострома, 17–19 марта 2006 г.). – Москва; Кострома: ООО «Элпис», 2006. – С. 162 – 164.
2. Авалиани, Ю.Ю. Некоторые вопросы современной фразеологии / Ю. Ю. Авалиани, А.М. Эмирова // Проблемы устойчивости и вариантности: мат. межвуз. симпоз. Вып.2; ответы на вопросы анкеты. – Тула: ТулГПИ, 1972. – С. 121 – 126.
3. Авина, А.Ю. Активные процессы во фразеологии (на материале русскоязычных газет Литвы) / А.Ю. Авина // Studia wschodniosłowiańskie. – 2020. – Т. 20. – С. 141–154.
4. Аглеева, З.Р. Фразеологизированные конструкции в разноструктурных языках: монография / З.Р. Аглеева. – Москва: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016. – 242 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н.Ф. Алефиренко // Границы слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – Москва: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 21 – 27.
6. Алефиренко, Н.Ф. Фреймовая основа фразеологической семантики / Н.Ф. Алефиренко // К 60-летию профессора А.В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – С. 4 – 10.
7. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: уч. пос. для бак. ур. фил. обр. / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – Москва: Наука: ФЛИНТА, 2009. – 344 с.
8. Алефиренко, Н.Ф. Номинативно-прагматические факторы неофразеологизации / Н.Ф. Алефиренко // Лексико-грамматические

инновации в современных славянских языках: материалы IV Межд. научн. конф. (Днепропетровск, 22–23 апреля 2013 г.). – Дніпропетровськ: ДНУ им. Олеся Гончара, 2013. – С. 8 – 13.

9. Алефиренко, Н.Ф. Основы моделирования словарной статьи фразеологического словаря лингвокультурологического типа / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 5 – 7.

10. Алефиренко, Н.Ф. Фраземосемиозис как процесс лингвокреативного мышления / Н.Ф. Алефиренко // Известия Южного Федерального университета. Сер. Филологические науки. – 2017. – №2. – С. 50 – 73.

11. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса: монография / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 192 с.

12. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокреативные стимулы фраземосемиозиса / Н.Ф. Алефиренко // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В. И. Коваля: сборник научных статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 22 – 30.

13. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1963. – 208 с.

14. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

15. Архангельский, В.Л. Сокращение устойчивых фраз, основанных на лексической детерминации по двум и более элементам / В.Л. Архангельский // Вопросы теории и истории русского языка: сб. стат.; Вып.2; отв. ред. В.Л. Архангельский. – Тула: ТулГПИ, 1969. – С. 3 – 18.

16. Архангельский, В.Л. Замечание об основных понятиях русского фразообразования / В.Л. Архангельский // Проблемы русского фразообразования. – Тула: ТулГПИ, 1973. – С. 3 – 9.

17. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники: монография; 2-е изд. / А.М. Бабкин. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.
18. Бабушкин, А.П. Когнитивный подход к фразеологии: монография / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин // Когнитивная лингвистика и семасиология. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018. – 229 с.
19. Байрамова, Л.К. Тождество фразеологизмов в зеркале трансформаций и корреляций / Л.К. Байрамова // Проблема тождества фразеологических единиц. – Челябинск: ЧГПИ, 1990. – С. 3 – 11.
20. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008. – 656 с.
21. Баранов, А.Н. Принципы семантического описания фразеологии / А.Н. Баранов. Д.О. Добровольский // Вопросы языкоznания. – 2009. – №6. – С. 21 – 34.
22. Баранов, А.Н. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособ. / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 312 с.
23. Баранов, А.Н. Русская фразеология в идеографическом представлении / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии: Международная коллективная монография / отв. ред. М. И. Чернышова. – Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. – С. 38 – 49.
24. Баранов, А.Н. Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы - конструкции) / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкоznание. – 2023. – № 3. – С. 130 – 139.
25. Башкатова, Ю.А. Культурный смысл соматизмов на материале английских и русского языков // Вестник КемГУ. – 2012. – Т.3. – №4(52). – С. 58 – 61.

26. Баско, Н.В. Фразеологизмы в языке современных российских СМИ: лексикографическое описание: монография / Н.В. Баско. – Москва: КДУ, Университетская книга, 2016. – 192 с.
27. Баско, Н.В. Развитие русского языка в условиях глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16 – 17 сентября 2014): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкоznания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – Москва, 2014. – С. 252 – 256.
28. Баско, Н.В. Новые фразеологизмы в аспекте межкультурной коммуникации / Н.В. Баско // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. научн. ст. по матер. II Межд. науч.-практ. конф. (Минск, 12 – 13 апреля 2017 г.). – Минск: Белор. гос. ун-т, 2017. – С. 412 – 422.
29. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке. Пособие для студентов и учителей. – Москва: «Просвещение», 1973. – 224 с.
30. Бережная, Е.П. Фразеологические неологизмы в произведениях раннего и позднего творчества А.П. Чехова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.П. Бережная; Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина. – Москва, 2005. – 33 с.
31. Бессонова, Л.А. Картина мира в русской неофразеологии // Л.А. Бессонова // Язык и социальная динамика. – 2012. – №12 (1). – С. 299 – 304.
32. Божко, Н.А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н.А. Божко; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2015. – 24 с.

33. Бондаренко, В.Т. О номинативном аспекте устойчивых фраз (к постановке вопроса) / В.Т. Бондаренко // Проблемы фразеологии: межвуз. сб. научных труд. – Тула: ТулГПИ, 1979. – С. 8 – 14.
34. Бузарова, Е.А. Метафоризация профессиональных фразеологизмов как особый случай вторичной номинации (на примерах английского и русского языках) / Е.А. Бузарова, С.А. Сасина // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №3. – С. 176 – 178.
35. Бурмагина, В.Г. Из наблюдений над изменением в составе фразеологических единиц в русском языке (на материале газетной публистики начала ХХI века) / Г.В. Бурмагина // Культура и текст. – 2005. – №8. – С. 197 – 200.
36. Бурмистрович, Ю.Я. Образование фразеологизмов как процесс, осуществляемый по моделям (к постановке) / Ю.Я. Бурмистрович // Вопросы семантики фразеологических единиц: на материале русского языка: тез. докл. и сообщ., Ч. I. – Новгород: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1971. – С. 9 – 12.
37. Бушуй, А.М. К изучению деривационных процессов во фразеологии (на материале русского языка) / А.М. Бушуй // Проблемы фразеологии: межвуз. сб. научных труд. – Тула: Тул.ГПИ, 1980. – С. 53 – 59.
38. Буянова, Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. – 4-е изд. стер. – Москва: Флинта: Наука, 2013. – 184 с.
39. Вальтер, Х. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное / Х. Вальтер // Мир русского слова. – 2011. – №2. – С. 14 – 19.
40. Вальтер, Х Новые и старые реалии в новой русской фразеологии / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г.). – Санкт-Петербург.: МАПРЯЛ, 2019. – С. 610 – 620.

41. Васильев, А.И. Вопросы фразеологизации в синхроническом и диахроническом аспектах / А.И. Васильев // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – №2. – С. 68 – 74.
42. Венжинович, Н.Ф. Лингвокультурологический вектор когнитивной фразеологии / Н.Ф. Венжинович // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Межд. научн. конф. (Белгород, 19 – 21 марта 2023 г.). – Белгород: ИД «Белгород», НИУ БелГУ, 2013. – С. 43 – 46.
43. Викторина, В.Г. Новые устойчивые обороты в русском языке / В.Г. Викторина, Н.С. Старовойцова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2014. – №7. – С. 38 – 41.
44. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1977. – 313 с.
45. Гаврин, С.Г. Заметки по теории фразеологии / С.Г. Гаврин // Проблемы устойчивости и вариантности: мат. межвуз. симпоз. Ноябрь 1968 г. Вып.2; ответы на вопросы анкеты. – Тула: ТулГПИ, 1972. – С. 127 – 142.
46. Гаврин, С.Г. Проблема фразеологического моделирования / С.Г. Гаврин // Проблемы образования фразеологических единиц: респ. сб. / ТГПИ им. Л.Н. Толстого. – Тула: ТулГПИ, 1976. – С. 58 – 75.
47. Ганапольская, Е.В. Неология во фразеологии / Е. В. Ганапольская // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – №2. – С. 183 – 189.
48. Гатауллин, Р.Г. Модификация фразеологизма: новый фразеологизм или свободное синтаксическое сочетание / Р.Г. Гатауллин // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы VIII межд. науч.-метод. конф. (г. Уфа, 23-24 июня 2016 г.). – Уфа: Уфим. гос. авиац. техн. унив., 2016. – С. 91 – 97.
49. Гашева, Л.П. Воплощение образов поэзии в процессе неофразеологизации / Л.П. Гашева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – №5. – С. 129 – 133.

50. Гашева, Л.П. Процессы неофразеологизации в поэтическом дискурсе / Л.П. Гашева // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция (Кострома, 17 – 19 марта 2006 г.). – Москва; Кострома: ООО «Элпис», 2006. – С. 162 – 164.

51. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования: моногр. / Ю.А. Гвоздарев; отв. ред. проф. П. В. Чесноков. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1977. – 184 с.

52. Георгиева, С. И. Фразеологические инновации болгарского и русского языков в условиях глобализации (XX – начала XXI вв.) / С.И. Георгиева, С.Г. Шулежкова // Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen – Herausforderungen: Festschrift für Prof.Dr. Dr. h.c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags. – Berlin: Frank&Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2020. – Р. 21 – 38.

53. Глотова, Е. А. Окказиональная деривация во фразеологии и индивидуально-авторские фразеологизмы / Е.А. Глотова // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 3(24). – С. 70 – 74.

54. Горячева, Е.Д. Крылатые выражения в семантическом пространстве художественного текста: лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.Д. Горячева; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2018. – 22 с.

55. Григоренко, О.В. Неофраземы с агентивной семантикой в русском языке новейшего периода / О. В. Григоренко // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009. – №27 (165). – С. 21. – 28.

56. Григоренко, О.В. Неофраземы в современном политическом медиадискурсе / О. В. Григоренко // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – №2 – С. 151 – 155.

57. Гуанцзе, Ч. Соматические фразеологизмы в русской и китайской лингвокультурах: лексико-семантический, структурно-грамматический, функционально-стилистический аспекты / Чжэн Гуанцзе. – Москва: ФОРУМ, 2016. – С. 52.
58. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – Москва: «Гнозис», 2007. – 288 с.
59. Давыдова, О.А. Новые фразеологизмы русского языка / О. А. Давыдова // Вестник Российского нового университета. Сер. «Человек в современном мире». – 2019. – Вып. 2. – С. 52 – 60.
60. Даниленко, В.П. Синхрония и диахрония в лингвистике / В.П. Даниленко // Вестник ИГЛУ. – 2011. – №4 (16). – С. 6 – 11.
61. Декатова, К.И. Когнитивно-семиологическое моделирование процесса смыслообразования знаков косвенно-производной номинации / К.И. Декатова // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 2(58). – С. 206 – 211.
62. Денисенко, С.Н. К вопросу взаимосвязи слово- и фразообразования / С.Н. Денисенко // Филологические науки. – 1985. – №1. – С. 54 – 60.
63. Джаграева, М.Л. Коммуникативно-прагматические особенности фразеологической деривации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М.Л. Джаграева; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2005. – 166 с.
64. Джинжолия, Г.П. Активные процессы во фразеологии (на материале «Национального корпуса русского языка») / Г.П. Джинжолия // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2019. – № 24. – С. 73 – 77.
65. Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке: монография / Е.И. Диброва. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1979. – 192 с.
66. Доброва М.С. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект: монография / М.С. Доброва. – Оломоуц: Университет им. Ф. Палацкого, 2019. – 282 с.

67. Добровольский, О.Д. Фразообразовательное моделирование в свете теории языковых универсалий на материале немецкого, нидерландского и английского языков) / Д.О. Добровольский // Современная фразеология: тенденции и инновации: монография. – Москва: Санкт-Петербург: Брянск: «Новый проект», 2016. – С. 106 – 121.
68. Добрыднева, Е.А. Фразеологические новообразования в современном русском литературном языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.А. Добрыднева; Московский педагогический университет. – Москва, 1993. – 17 с.
69. Дронов, П.С. Фразеосхема: между пословицей, идиомой и коллокацией: сб. науч. ст. к 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко / П.С. Дронов // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С. 94 – 97.
70. Елисеева, О.В. Механизмы фразеологизации словосочетаний в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. В. Елисеева; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 23 с.
71. Ермакова, Е.Н. Фразообразование – динамичный процесс в современном русском языке / Е.Н. Ермакова // Lingvo – 2006. – №16. – С. 102 – 107.
72. Ермакова, Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е.Н. Ермакова; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2008. – 42 с.
73. Ермакова, Е.Н. Фразообразовательная деривация в современном русском языке: условия, механизм, потенциал / Е.Н. Ермакова // Вестник Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева. – 2012. – Вып. 4. – С. 109 – 118.

74. Ермакова, Е.Н. Деривационный потенциал русских фразеологических единиц в художественном тексте / Е.Н. Ермакова, Н.А. Божко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №2. – С. 155 – 163.
75. Жуков, А.В. О потенциальности фразеологических единиц / А.В. Жуков // Пушкинские чтения – 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: мат. XXIII межд. науч. конф. (Санкт-Петербург, 06 – 07 июня 2018 г.). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 371 – 380.
76. Жуков, А.В. О фразеологии нашего времени / А.В. Жуков, М.Е. Жукова // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы IV Межд. науч.-прак. конф. (Орел, 13 октября 2020 г.). – Орел: Орлов. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2020. – С. 294 – 298.
77. Жуков, В.П. Русская фразеология: учеб. пособ. / В.П. Жуков. – Москва: Высш. шк., 1986. – 309,[1] с.
78. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. / А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
79. Зимин, В.И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма / В.И. Зимин // Современная фразеология: тенденции и инновации: монография– Москва: Санкт-Петербург: Брянск: Новый проект, 2016. – С. 32 – 51.
80. Золотова, Л.М. К проблеме регулярности в сфере фразеологической номинации / Л.М. Золотова // Фразеологическая система немецких и английских языков: межвуз. сб. науч. тр. – Челябинск: ЧГПИ, 1979. – С. 38 – 47.
81. Зыкова, И.В. Разновидности процесса фразеологизации с позиции лингвокультурологического подхода / И.В. Зыкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкоизнание и литературоведение. – 2015. – Вып.22 (733). – С. 79 – 91.

82. Иванова, Е.Е. Новые фразеологизмы в языке массовой литературы / Е.Е. Иванова // Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии: сбор. науч. труд. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2008. – С. 16 – 30.
83. Иванова, Е.В. О направлениях моделирования фразеологических единиц / Е.В. Иванова // Вестник СПбГУ. Сер. Язык и литература. – 2020. – Вып.3. – С. 426 – 445.
84. Иванова, Я.Н. Профессиональный компьютерный дискурс как сфера формирования новой фразеологии / Я.Н. Иванова, Л.Н. Чурилина // «Благословенны первые шаги...» сборник работ молодых исследователей / Науч.-исслед. словарная лаборатория; каф. рус. яз., общ. языкоznания и массовой коммуникации / ред. колл.: доктор филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова (гл. ред.), доктор филол. наук, проф. Л.Н. Чурилина (отв. ред.), ст. науч. сотрудник, канд. филол. наук Н.В. Позднякова. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2020. – Вып. 14. – С. 28 – 49.
85. Казазаева, М.А. Проблема соотношения синхронного и диахронического подходов в языкоznании / М.А. Казазаева // Вестник ИГЛУ. – 2014. – №1(26). – С. 198 – 204.
86. Каменцева, Т.В. О нормативном формоизменении фразеологических единиц / Т.В. Каменцева // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Вып .2 (17). – С. 47 – 49.
87. Каплуненко, А.М. Устойчивые переосмыслиенные словосочетания как единицы сложной номинации / А.М. Каплуненко // Словообразование и фразообразование: тез. докл. научн. конф. МГПИИЯ им. М. Тореза. – Москва: МГПИИЯ, 1979. – С. 143 – 145.
88. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002 – С. 188.
89. Ковалева, Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора

филологических наук / Л.В. Ковалева; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2004. – 39 с.

90. Ковалева, Н.А. Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста (на материале писем А.П. Чехова): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н.А. Ковалева; Московский государственный открытый педагогический институт. – Москва, 1992. – 21 с.

91. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. – 3-е изд. – Москва: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.

92. Кодухов, В.И. Синтаксическая фразеологизация / В.И. Кодухов. // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда: Сев-зап. кн. изд-во, 1967. – С. 123 – 137.

93. Козина, И.В. Роль грамматической аналогии в развитии и функционировании языка / И.В. Козина // Ярославский педагогический вестник. – 2000. – №1 (23). – С. 97.

94. Колобова, Е.А. Фразеологическая контаминация: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.А. Колобова; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2011. – 22 с.

95. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка: моногр.; изд. 2-е / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Москва: Книжный дом «Лабриком», 2010. – 192 с.

96. Коротких, Т.А. Семантическая деривация в немецких фразеологиях / Т.А. Коротких // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №9 (51). – С. 99 – 102.

97. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 320 с.

98. Костючук, Л.Я. Процессы становления и функционирования устойчивых сочетаний слов в псковских памятниках письменности и

народных говорах: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Л. Я. Костючук; Псковский ордена «Знак Почета» государственный педагогический институт имени С.М. Кирова. – Псков, 1983. – 369 с.

99. Кубрякова, Е.С. О понятиях синхронии и диахронии / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкоznания. – 1968. – №3. – С. 112 – 123.

100. Кубрякова, Е.Н. Диахрония / Е.Н. Кубрякова // Большой энциклопедический словарь. Языкоznание: научн. изд. «Больш. Рос. энц.»; гл. ред. В.Н. Ярцева – Москва, 1998. – С. 136.

101. Куклина, И.Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И.Н. Куклина; Московский государственный областной университет. – Москва, 2006. – 23 с.

102. Кунин, А.В. Фразеология и количественный подход к изучению фразеологических единиц [Текст] / А.В. Кунин // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г. Вып.1. – Тула: ТулГПИ, 1968. – С. 36 – 41.

103. Кунин, А.В. Пути образования фразеологических единиц (на материале английского языка / А.В. Кунин // Иностранные языки в школе. – 1971 – №8. – С. 8 – 21.

104. Кунин, А.В Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособ. для инст-ов и фак. ин. яз. / А.В Кунин. – Изд. 2-е, перер. – Москва: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

105. Курчаткина, Н.Н. Фразеология испанского языка: уч. пособ. для инст. и фак. ин. яз. / Н.Н. Курчаткина, А.В. Супрун. – Москва: Высш. шк., 1981. – 144 с.

106. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ): диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С.В. Лазаревич; Нижегородский

государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2000. – 251 с.

107. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкоzнание (Избранные работы): учеб. пособ. для ст. пед. инст; сост. проф. Б. Л. Богородский, проф. Н.А. Мещерский. – Москва: Просвещение, 1977. – С. 125 – 149.

108. Лебединская, В.А Избранное / В.А. Лебединская; отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Кург. гос. универ., 2007. – 155 с.

109. Лисоченко, Л.В. Синтаксическая фразеология и их место в системе свободных и связанных словосочетаний / Л.В. Лисоченко // Проблемы устойчивости и варианности: Материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г. Вып.1. – Тула: ТулГПИ, 1968. – С. 169 – 172.

110. Ломакина, О.В. Окказиональная фразеология Л.Н. Толстого: типология, употребление, тенденции / О.В. Ломакина // Мир русского слова. – 2011.– №3. – С. 20 – 25.

111. Ломакина, О.В. Крылатика в современном культурном контексте / О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Vol.10. – №2. – С. 256 – 272.

112. Макарова, А. С. Особенности функционирования крылатых единиц французского происхождения в роли газетных заголовков (на материале «Большого словаря крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой) / А.С. Макарова // Вестник Орловского государственного университета. – 2010. – 2010. – №6 (21). – С. 207 – 210.

113. Малински, Т. Возникновение новых фразеологических единиц / Т. Малински // Русистика. Берлин. – 1992. – №2. – С. 67 – 76.

114. Маслова, В.А. Memoria et Gloria // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред кол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – Москва: МАКС Пресс, 2013.– Вып. 46. – С. 81–73.

115. Мейеров, В.Ф. О дериватах фразеологических единиц / В.Ф. Мейеров // Актуальные проблемы лексикологии док. III межвуз. конф (3–7 мая 1971 г.). – Новосибирск: Новосиб. госуд. унив., 1972. – С. 226 – 230.
116. Мелерович, М.М. Окказиональная фразеологическая деривация в текстах литературных произведений / М.М. Мелерович // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка: сб. научн. труд. – Курск: Курск. госуд. унив., 1986. – С. 122 – 132.
117. Мелерович, А.М. Опыты фразеологической фиксации систематизации фразеологии в художественных и публицистических дискурсах русской речи / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Современная фразеология: тенденции и инновации: монография. – Москва, Санкт-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. – С. 123 – 169.
118. Мельчук, И.А. О терминах «Устойчивость» и «идиоматичность» / И.А. Мельчук // Вопросы языкоznания. – 1960 – №4. – С. 73 – 80.
119. Михайлова, Ю.Н. Оценочная маркированность в номинациях новых ономастических сфер / Ю.Н. Михайлова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (Екатеринбург, 25-26 апр. 2023 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. – С. 113 – 114. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/128786> (дата обращения: 18.03.2025).
120. Моисеев, М.В. Когнитивные модели образования фразеологических единиц на основе вербальных прецедентных феноменов английской лингвокультуры / М.В. Моисеев // Коммуникативные исследования. – 2020 – Т. 7. – № 1. – С. 62 – 76.
121. Мокиенко, В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика / В.М. Мокиенко // Вопросы языкоznания. – 1973. – №2. – С. 21 – 34.
122. Мокиенко, В.М. Затмение образности фразем и фразеологические модели / В.М. Мокиенко // Проблемы русской фразеологии: сб. науч. ст.; отв. ред. Л.В. Архангельский. – Тула: Из-во Тул.ГПИ, 1977. – С. 51 – 64.

123. Мокиенко, В.М. Фразообразование и семантика фразеологизмов [Текст]: тез. докл. научн. конф МГПИИЯ им. М. Тореза / В.М. Мокиенко // Словообразование и фразообразование. – Москва: МГПИИЯ, 1979.– С. 149 – 151.
124. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
125. Мокиенко, В.М. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В.М. Мокиенко // Вестник КемГУ. – 2012. – №4(52). – Т.4. – С. 59 – 62.
126. Мокиенко, В.М. О семантическом единстве синхронии и диахронии во фразеологии (водой не разольешь) / В.М. Мокиенко // Язык, сознание, коммуникация: сб. научн. ст., посв. памяти В.Н. Телии; Вып. 46; редколл. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов [и др.]. – Москва: Пресс, 2013. – С. 74 – 82.
127. Мокиенко, В.М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла / В.М. Мокиенко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64). – №2 (1). – С. 100 – 109.
128. Мокиенко, В.М. Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов / В.М. Мокиенко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: матер. межд. научн. конф. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. – С. 216 – 219.
129. Мокиенко, В. М. Современная славянская неофразеология: сходства и различия / В.М. Мокиенко // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 2019. – С. 137 – 146.
130. Мокиенко, В.М. Третье тысячелетие в зеркале словарей русских и немецких фразеологических неологизмов / В.М. Мокиенко, Х. Вальтер // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие: Материалы VI

Международного педагогического форума (Сочи, 2–3 декабря 2019 года). – Санкт-Петербург: Из-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – С. 58 –72.

131. Мокиенко, В.М. Старое новое и новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов» / В.М. Мокиенко // Неология. Неография. 2021: сборник научных статей; отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвист. исследований РАН. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2022. – С.132. – 142.

132. Мокиенко, В.М. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // Вопросы лексикографии. – 2022. – №25. – С. 81 – 107.

133. Молотков, А. И. Словосочетание и фразеологизм: мат. межвуз. симпоз. Вып.2; ответы на вопросы анкеты / А.И. Молотков // Проблемы устойчивости и вариантности. – Тула: Тул. ГПИ, 1972. – С. 83 – 98.

134. Молочкова, Л.В. Порождение фразеологизма как выбор и комбинирование образных и формальных средств / Л.В. Молчкова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №6. – С. 762 –770.

135. Москвина, М.А. Лексико-фразеологические инновации в публицистике конца 20 – 21 вв.: семантика, стилистика, прагматика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М.А. Москвина; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2008.– 27 с.

136. Михин, А.Н. Сверхсловный неологизм *МЯГКАЯ СИЛА* и наименования результатов его применения / А.Н. Михин // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. – С. 522.

137. Никитин, В.М. Проблема классификации фразеологизмов и их относительная устойчивость и варьирование / В.М. Никитин // Проблемы устойчивости и вариантности: мат. межвуз. симпоз. Вып.1. – Тула: ТулГПИ, 1968. – С. 68 – 76.

138. Никитина, Т.Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы / Т.Г. Никитина // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. Т. 11. – № 2. – С. 175 – 197.

139. Николаева, Э.А. Ассоциативные (лингвокреативные) механизмы образования фразеологических единиц / Э.А. Николаева // Филологические науки в МГИМО. – Москва: МГИМО(у) МИД России: сб. научн. тр.; отв. ред. И. Гладков, 2007. – №2 (421). – С. 44 – 53.

140. Никулина, Е.А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е.А. Никулина; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2005. – 40 с.

141. Новиков, Д.А. Сверхсловные неологизмы с компонентом «направление», рожденные в ходе специальной военной операции / Д.А. Новиков, С.Г. Шулежкова // Гуманитарные и педагогические исследования. – 2023. – Т.7. – №1. – С. 31 – 39.

142. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка: коллективная монография / Под ред. Б.А. Серебренникова. – Москва: «Наука», 1970. – 597 с.

143. Откидач, Н.А. Источники пополнения фразеологизмов современного русского языка / Н. А. Откидач, М.С. Романова // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. IX Межд. научн.-практ. конф. (Пенза, 27 сентября 2017г.). – Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 129 – 131.

144. Орлова, Г.В. К вопросу о трансформации фразеологических единиц в заголовках современных СМИ / Г.В. Орлова // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс): колл. монография; отв. ред: Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Ж. Финк. – Грайфсвальд: Ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2017.– С. 123 – 128.

145. Осипова, А.А. *КОШМАРИТЬ БИЗНЕС* (к вопросу о новых русских фраземах) / А.А. Осипова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. – С. 524 – 525.

146. Осипова, А.А. Я Вас услышал (к вопросу о новых русских фразеологизмах-штампах) / А.А. Осипова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 80-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т. 2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2022. – С. 523.

147. Павленко, Т.Л. Образование фразеосхемы на базе идиомы казнить нельзя помиловать / Т.Л. Павленко // Язык как система и деятельность: мат. Межд. научн. конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю.А. Гвоздарева / Южный федеральный ун-т, Южно-Российские науч. чтения; под общ. ред. Л.Б. Савенковой, Е. Я. Кедровой. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2015. – С. 46 – 48.

148. Пахотина, Н.К. Эллипсис как способ образования фразеологических единиц (на материале диалогических фразеологизмов ошинских говоров Омской области) / Н.К. Пахотина // Проблемы русской фразеологии. Семантика фразеологических единиц: респ. сб. / Министерство просвещения РСФСР, Тульский педагогический институт им. Л. Н. Толстого. – Тула: Тул. ГПИ, 1975. – С. 119 – 128.

149. Позднякова, Н.В. Сверхсловные неологизмы как репрезентанты концепта «свой – чужой» в современном русском языке / Н.В. Позднякова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. – С. 400.

150. Позднякова, Н.В. Не мы такие – жизнь такая: судьба неофразеологизмов, передающих отношение носителей языка к жизни общества / Н.В. Позднякова // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Т. IV. Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: материалы Международного научного культурно-образовательного форума (Челябинск, 6 – 8 апреля 2022 г.) / под ред. Т. Ф. Семьян, Т. Е. Абрамзон, Л. А. Нефедовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. – С. 172 – 175.
151. Позднякова, Н.В. Новая фразеология как средство описания национальной языковой личности / Н.В. Позднякова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 80-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2022. – С. 318.
152. Помыкалова, Т.Е. Языковая картина мира в номинациях неофразеологизмов признака в русском языке / Т.Е. Помыкалова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция (Кострома, 17 – 19 марта 2006 г.). – Москва; Кострома: ООО «Элпис», 2006. – С. 162 – 164.
153. Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии: колл. моногр.; ред. колл.: С.Г. Шулежкова (гл. ред.), Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова / С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина, С.И. Георгиева [и др.]. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова; Пловдив: Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. – 158 с.
154. Прокопова, М.В. Трансформация обсценных фразеологизмов в произведениях современной детективной прозы / М.В. Прокопова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – №12. – С. 211 – 218.

155. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: учеб. пособ. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.Д. Райхштейн. – Москва: Высшая школа, 1980. – 143 с.
156. Ройзензон, Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление / Л.И. Ройзензон // Труды Самарк. ун-та. Нов. сер. – Вып.113. – Самарканд: Самаркандский государственный университет, 1961. – С. 101 – 117.
157. Ройзензон, Л.Н. О фразеологической контаминации / Л.Н. Ройзензон, И.В. Абрамец // Русский язык в школе. – 1969.– №3.– С. 104–107.
158. Романов, Д.А. В.Л. Архангельский и развитие отечественной фразеологической науки (к 100-летию со дня рождения ученого) / Д.А. Романов // Русский язык в школе. – 2015. – №3. – С. 70 – 76.
159. Рублева, О.С. Основные параметры типологии неологизмов / О.С. Рублева, А.А. Свицова, Е.В. Шкаликов // Advanced science. – 2017.– № 4 – С. 1– 6.
160. Рыжкина, Е.В. К вопросу о модулируемости фразеологических единиц / Е.В. Рыжкина // Вестник МГЛУ . – 2009 – Вып. 549. – С. 31 – 45.
161. Рябцева, Е.С. Фразеологизация: факторы и этапы (на материале диалектов и социолектов): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. С. Рябцева; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2021. – 29 с.
162. Савицкий, В.М. Функциональные типы фразеологических моделей / В.М. Савицкий // Заметки ученого. – 2016. – №3(9). – С. 78 – 83.
163. Савицкий, В.М. Основы общей теории и идиоматики: монограф. / В.М. Савицкий. – Москва: Гнозис, 2006. – 208 с.
164. Савченко, А.В. К вопросу о формировании «спортивной фразеологии» в современном русском языке / Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. – 2016. – №7(2). – С. 133 – 136.

165. Сасина, С.А. Фразеологические единицы терминологического происхождения в современном английском и русском дискурсе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С.А. Сасина; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2007. – 24 с.
166. Селиванов, Г.А. Фраземообразование в его отношении к структурному развитию языка / Г.А. Селиванов // Проблемы русской фразеологии: респ. сб.– Тула: ТулГПИ, 1976. – С. 3 – 14.
167. Селиверстова, Е.И. Явления деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства / Е.И. Селиверстова // Вестник СПбГУ. Сер. Язык и литература. – 2020. – Т.17. – Вып.3. – С. 457 – 473.
168. Семененко, Н.Н. Смыслообразование и знакопорождение фразем в современных медиатекстах / Н.Н. Семененко // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. науч. ст. Всерос. научн.-практ. конф., посв.75-ой годовщине Победы в ВОВ; отв. ред. Т.П. Мамаева (Старый Оскол, 07 мая 2020 г.). – Белгород: Роса, 2020. – С. 86 – 90.
169. Сенько, Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е.В. Сенько. – Санкт-Петербург: Наука, 2007.– 356 с.
198. Синельникова, Л.Н. Дискурс фразеологических новообразований / Л.Н. Синельникова // Дискурс – Пи. – 2016. – №3 – 4 (24 – 25). – С. 280 – 285.
170. Синельникова, Л.Н. Новая фразеология: условия закрепления в системе / Л.Н. Синельникова // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): материалы Международной научно-практической конференции (Кострома, 24 – 25 сентября 2020 г.). – Кострома: Костромск. гос.ун-т, 2020. – С. 51 – 54.
171. Скляревская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г.Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – №6. – С. 177 – 202.
172. Соболева, Н. П. Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных

слоганах к фильмам / Н.П. Соболева // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2015. – Вып.2 –. С. 155 – 163.

173. Соколова, Г.Г. Фразообразование в французском языке: учеб. пособ. для студ. фак. ин. яз. / Г.Г. Соколова. – Москва: Высшая школа, 1987. – 177 с.

174. Солодилова, И.А. Лингвокогнитивные и дискурсивные аспекты современной фразеологии: монография / И.А. Солодилова, В. Е. Щербина. – Оренбург: ОГУ, 2011. – 377 с.

175. Срезневский, И.И. Замечания об образовании слов из выражений / И.И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. – 12 с. – URL: <http://books.e-heritage.ru/Catalog>ShowPub/24737>(дата обращения: 09.11.2025). – Режим доступа: Электронная библиотека «Научное наследие России». – Текст: электронный.

176. Столярова, А.Н. Образование неофразем как отражение действия внутренних законов развития языка / А.Н. Столярова // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике: сб. науч. ст. IV Международ. научн.-практ. конф. (Ереван, 26 – 28 сентября 2019 г.). В 2 ч. Ч.1. – Ереван: РАУ, 2019. – С. 110 – 115.

177. Столярова, А.Н. Клиповое мышление и неофразеология (на материале русского и белорусского языков) / А.Н. Столярова // Славянская фразеология и паремиология в языке и в речи: сб. науч. статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С. 184 – 189.

178. Столярова, А.Н. О критериях выделения неофразем / А.Н. Столярова // Куляшоўскія чытанні: сборник научн. ст. по матер. Межд. научно-практич. конф. (Могилев, 18 – 19 апреля 2019 г.). – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – С. 168 – 172.

179. Столярова, А.Н. Аллюзия как основа для образования неофразем / А.Н. Столярова // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: достижения, перспективы, инновации: материалы Межд.

науч.-практ. конф. (Абакан, 18 – 19 ноября 2020 г.). – Абакан: Из-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2020. – С. 28 – 30.

180. Столярова, А.Н. Неофраземы в современных русских и белорусских языках: источники, структура, семантика, прагматика: автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / А.Н. Столярова. – Минск, 2022. – 26 с.

181. Телия, В.Н. О типах и способах фразообразования (в его коммуникативно-функциональном аспекте описания) / В.Н. Телия // Проблемы русского фразообразования. – Тула: ТулГПУ, 1973. – С. 25 – 44.

182. Телия, В.Н. О соотношении фразообразования и идиомообразования (в связи с проблемой объема фразеологии) / В.Н. Телия // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. – Махачкала, 1984. – С. 38 – 47.

183. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.

184. Тенчева, Б.Т. Болгарские и русские сверхсловные единицы с компонентом-цветообозначением в корпусе неофразеологии / Б.Т. Тенчева, И.П. Чернева // «Благословенны первые шаги...»: сборник работ молодых исследователей / Науч.-исслед. словарная лаборатория; каф. рус. яз., общ. языкоznания и массовой коммуникации / ред. колл.: д. филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова (гл. ред.), д. филол. наук, проф. Л.Н. Чурилина (отв. ред.), ст. науч. сотрудник, канд. филол. наук Н.В. Позднякова. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2020. – Вып. 14. – С. 107 – 114.

185. Тенчева, Б.Т. О принципах неофразеологизации (на материале русских и болгарских текстов) / Б.Т. Тенчева // Благословенны первые шаги. Вып. 15: Сб. работ молодых исследователей. Материалы международной молодежной конференции «Новая фразеология в новой Европе. Славяне и их языки в конце XX – начале XXI века: проблема сохранения национальной идентичности (Магнитогорск, 25 – 26 марта 2021 г.). – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2021. – С. 47 – 54.

186. Толикина, Е.Н. К вопросу о предмете исследования в аспекте фразообразования / Е.Н. Толикина // Проблемы русского фразообразования. – Тула: Тул.ГПИ, 1973.– С. 10 – 25.
187. Третьякова, И.Ю. Особенности окказиональных преобразований именных фразеологизмов / И.Ю. Третьякова // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской: сб. тр. конф.; отв. ред. Н.Б. Усачева. Вып. 2. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. – С. 188 – 191.
188. Третьякова, И.Ю. Окказиональная фразеология: монография / И.Ю. Третьякова; под науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
189. Третьякова, И.Ю. Аспекты моделирования современной фразеологии / И.Ю. Третьякова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – №4. – С. 200 – 203.
190. Третьякова, И.Ю. Изоморфизм как фактор окказионального преобразования русских пословиц // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015.– №1.– С. 121 – 124.
191. Тулина, Т. А. Образование и структурно-семантические свойства фразеосхем русского языка / Т.А. Тулина // Проблемы русской фразеологии: респ. сб. – Тула: ТулГПИ, 1976. – С. 127.
192. Урбанович, И.Г. Фразеологизмы-неологизмы в произведениях Ф. Искандера «Сандро из Чегема» / И.Г. Урбанович // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В.М. Мокиенко. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С. 244 – 247.
193. Федоркина, Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е.Т. Носова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е.А. Федоркина; Курский государственный университет. – Курск, 2006. – 20 с.

194. Федоров, И. А. Развитие русской фразеологии в конце 18 – начале 19 веков: монография / И.А. Федоров. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973. – 170 с.
195. Фесенко, О. П. Фразеология писем А.С. Пушкина: монография/ О.П. Фесенко. – Омск: Изд-во Экономического института, 2005. – 320 с.
196. Хайдарова, В. Ф. Становление лексико-фразеологического корпуса интернет-языка как синергетический процесс: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В.Ф. Хайдарова. – Челябинск, 2011. – 20 с.
197. Хайруллина, Р.Х. Лингвокогнитивные основы языкового моделирования / Р.Х. Хайруллина, Э.Ф. Сагитова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №3(70). – С. 525 – 528.
198. Цицкун, В.В. К вопросу о потенциальных фразеологических единицах / В.В. Цицкун // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2019. – Т.5 – №2. – С. 45 – 51.
199. Черданцева, Т.З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии / Т.З. Черданцева. – Москва: Издательство ЛКИ, 1970. – 200 с.
200. Чернова О.Е. Новая фразеология в современном коммуникативном пространстве (к вопросу о пополнении корпуса устойчивых оборотов фразеологизмами с компонентом «электронный») / О.Е. Чернова, А.А. Осипова, Д.С. Бужинская // Litera. – 2020. – №5. – С. 27 – 38.
201. Чернова О.Е. Прагматический потенциал новой фразеологии в массмедиийных текстах / О.Е. Чернова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. – С. 404.
202. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка / И.И. Чернышева. – Москва: Высшая школа, 2019. – 168 с.

203. Чернышева, И. И. Фразеологическая единица и объем фразеологии / И.И. Чернышева // Проблемы устойчивости и вариантности: мат. межвуз. симпоз. Вып.2; ответы на вопросы анкеты. – Тула: ТулГПИ, 1972.– С. 32 – 35.
204. Чернышева, И.И. Актуальные проблемы фразеологии / И.И. Чернышева // Вопросы языкоznания. – 1977. – №5. – С. 34 – 42.
205. Чурилина, Л. Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии / Л.Н. Чурилина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – №3. – С. 126 – 135.
206. Чурилина, Л.Н. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» / Л.Н. Чурилина, Н.В. Позднякова // Филология и культура. – 2020. – №2(60). – С. 122 – 132.
207. Чурилина, Л.Н. Глобальный язык как источник новой фразеологии: к постановке вопроса / Л.Н. Чурилина // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2021.– №1. – С. 58 – 61.
208. Чурилина, Л.Н. Глобальная фразеология как феномен: ИТ как новая Библия / Л.Н. Чурилина // Девятнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: матер. Межд. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. / сост. И.Н. Морозова, Челябинский гос. инст. культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2021. – С. 277 – 282.
209. Чурилина, Л.Н. Фразеологизация в современной речевой практике: к постановке вопроса / Л.Н. Чурилина // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т. 2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. – С. 405.
210. Чурилина, Л.Н. Традиционные образы в «новой фразеологии» / Л.Н. Чурилина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 3 (108). – С. 233 – 243.
211. Чурилина, Л.Н. Поколение DIGITAL в зеркале языка: штрихи к портрету / Л.Н. Чурилина // Актуальные проблемы современной науки,

техники и образования: тезисы докладов 80-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2022. – С. 233.

212. Шавкунова, О.В. Незамкнутые устойчивые фразы как единицы языка и речи / О.В. Шавкунова // Проблемы устойчивости и вариантности: мат. межвуз. симпоз. Ноябрь 1968 – Тула: Тул.ГПИ, 1968. – С. 180 – 184.

213. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка: пособие для студ. пед. ин-тов / Н.М. Шанский; изд. 2-е, испр. – Москва: «Просвещение», 1972. – 368 с.

214. Шанский, Н.М. Деривация слов и фразеологических оборотов (к вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования): монограф. / Н.М. Шанский // Очерки по русскому словообразованию. – Москва: ФЛИНТА, 2019. – 336 с.

215. Швецова, Н.К. Образование фразеологических единиц по модели / Н.К. Швецова // Вопросы структуры и функционирование русского языка. – Томск: Из-во Томского университета, 1980. – С. 162 – 164.

216. Шипицына, Г.М. Фразеологизация свободных словосочетаний в русском языке 21 века / Г.М. Шипицына // Вестник Брянского гос. ун-та. – 2010. – №2.– С. 236 – 239.

217. Шипицына, Г.М. Инновационные процессы во фразеологии русского языка / Г.М. Шипицына // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2014. – № 1. – С. 100 – 110.

218. Шипицына, Г.М. К вопросу о языковых механизмах фразеологизации словосочетаний в русском языке / Г.М. Шипицына, К.Ю. Коржевицкая // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 22. – №13(184). – С. 52 – 58.

219. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: учеб. пособ. для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит-ра» / Д.Н. Шмелев. – Москва: Просвещение, 1977. – 335 с.

220. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: монограф. / С.Г. Шулежкова. – Москва: Азбуковник, 2001. – 288 с.
221. Шулежкова, С.Г. Устойчивые словесные комплексы (УСК) общеславянского литературного языка как объект диахронического исследования: проблема метода / С.Г. Шулежкова // Язык и ментальность в диахронии: мат. Всерос. науч. сем. с межд. участ. для мол. уч. конф. (Сузdal', 26–28 сентября 2017 г.). – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – С. 174 – 189.
222. Шулежкова, С.Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания / С.Г. Шулежкова // Научный диалог. – 2019. – №9. – С. 173 – 189.
223. Шулежкова, С.Г. Фразеология в контексте смежных наук (от библеизмов к неологизмам) / С.Г. Шулежкова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2020. – Т.4. – №9. – С. 62 – 67.
224. Шулежкова, С.Г. Цветная составляющая концепта «Революция», отраженная в современном русском языке / Г.Г. Шулежкова // Современные тенденции в изучении русского языка, культуры и истории: сб. мат. Научн.-практ. конф. (София, Болгария 2 – 3 октября 2020 г.). – София: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС – УНСС, 2020. – С.192 – 200.
225. Шулежкова, С.Г. Эти странные войны конца ХХ – начала ХХI столетия (заметки о сверхсловных неологизмах военной тематики) / Г.Г. Шулежкова, А.Н. Михин // Социокультурные исследования в современном культурном пространстве: материалы всеросс. науч.-практ. конфер.; под ред. Е.В. Хлыщевой. – Астрахань: Из-во Астр. госуд. ун-та, Издательский дом «Астраханский университет», 2021 – С. 60 – 63.
226. Шулежкова, С.Г. Новые реалии на постсоветском пространстве и их сверхсловные именования (штрихи к портрету 1990-х/ С.Г. Шулежкова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2.

– Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021.
– С. 533.

227. Шулежкова, С.Г. Трансформация концепта «память» сквозь фразеологическую призму (от христианизации до цифровой эпохи) / Г.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф. (Челябинск, 7–9 апр. 2022 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. – С. 173 – 178.

228. Щербина, В. Е. Концепт «время» во фразеологии русского и немецкого языков: монография / В. Е. Щербина. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. – 138 с.

229. Эмирова, А.М Актуальные проблемы крымскотатарской филологии: монография / А.М. Эмирова. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 264 с.

230. Эмирова, А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография / А.М. Эмирова. – Симферополь: ООО Изд-во «Научный мир», 2020.– 228 с.

231. Якобсон, Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон; пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрикдзе; ред. В. Шворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрикдзе; ред. пер. Ф. Успенский. – Москва: Гнозис, 1996. – 248 с.

232. Яковлев, Г.Я. О структуре и системе языковых процессов / Г.Я. Яковлев // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия Филология. – 2008. – №1(9). – С. 166 – 173.

233. Янковичова, М. Общее и специфическое в процессах неологизации словацкой и русской фразеологии / М. Янковичова // ROSSICA OLOMUCENSIAL L: Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXI. Olomoucké dny rusistů – 07.09 – 09.09. 2011. — OLOMOUC, 2011. – S. 597 – 602.

234. Благоева, Д. Неофразеологизацията в българския език (в съпоставка с руски) / Д. Благоева // Български език / Bulgarian Language. – 2019. – №2 (66) – С. 15 – 35.
235. Chlebda, W. Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podejście pierwsze. Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / pod redakcją Wojciecha Chlebdy. Zeszyt 9 Opole: Uniwersytet Opolski, 2017 s. 9 – 30.
236. Chlebda, W. Od Idiomatykonu do idiomatykonu. Z dzieów pewnej przygody lesykograficznej // Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / pod redakcją Wojciecha Chlebdy / Zeszyt 10 Opole: Uniwersytet Opolski, 2019 s. 9 – 44.
237. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. T. 1: Słowotwórstwo / Nominacja. Red. I. Ohnheiser. Universität Innsbruck – Institut für Slawistik; Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole 2003.
238. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. T. 3: Frazeologia. Red. W. Mokienko, H. Walter. Opole 2008.
239. Tarsa, J. Skrzydlate słowa w Internecie // na skrzydłach słowa: materiały międzynarodowe. zaocz. Naukowiec. conf., poświęcone jubileuszowi Dr filola. Nauk, prof. S. G. Szuleżkowa / Nauk. - badania. słownik. Lab., Kaf. RJA OJA i A. A. Osipova, N. V. Pozdniakova; CZ. redcoll.: S. A. Anokhina, I. S. Klinkova, E. P. Sokolova, L. Magnitogorsk: ZAO Magnitogorski Dom Prasy, 2015 s. 96 – 101.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. Баско, Н.В. Фразеологический словарь. Наше время в зеркале фразеологизмов / В.Н. Баско. – Москва: КДУ, Университетская книга, 2019. – 140 с.
2. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко,

Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 590 с.

3. Большой академический словарь русского языка: Т.27. Сома – Стоящий / гл. ред. А.С. Герд. – Москва, Санкт-Петербург: Наука, 2021. – 799 с.

4. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – Москва: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2014. – 784 с.

5. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич; Отв. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норит, 2002. – 224 с.

6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т.І.: А – З. / В.И. Даль. – Москва: РИПОЛ классик, 2016. – 752 с.

7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т.ІV: Р – Я. / В.И. Даль. – Москва: РИПОЛ классик, 2016. – 672 с.

8. Доброва, М.С. Словарь новых фразем и коллокаций русского языка / М. С. Доброва. – Оломоуц: Университет им. Ф. Палацкого, 2022. – 414 с.

9. Душенко, К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. – Москва: АГРАФ, 1997 – с. 628.

10. Дядечко, Л.П. Новое в русской и украинской речи: крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие для студентов гуманитар. специальностей вузов / Л.П. Дядечко; Укр. асоц. преподавателей рус. яз. и лит. Ч.3. М – Р. – Киев, 2002. – 231 с.

11. Дядечко, Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. – Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. – 624 с.

12. Елистратов, В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – Москва: Русские словари, 2000. – С. 76.

13. Ермакова, О.П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 186 с.
14. Ефремова, Т.Ф. Толковый онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. ЛГΩ [сайт]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> /ф/фея (дата обращения: 23.03.2025).
15. Жуков, А.В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 416 с.
16. Колесов, В.В. Словарь русской ментальности. В 2т. В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с. Т.1: А – О. Т.1. – 2014.-591 с.
17. Колесов, В.В. Словарь русской ментальности. В 2т. В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с. Т.2: Н – Я. Т.2. – 2014.-592 с.
18. Максимов, Б.Б. Фильтрый базар: Слов. молодеж. жаргона г. Магнитогорска / Б.Б. Максимов; Магнит. гос. ун-т. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. – 505 с.
19. Кузьмина, А. Театральный сленг. Словарь театрального сленга / А. Кузьмина. – Екатеринбург: «Издательские решения», 2017. – 50 с.
20. Максимов, В.И. Словарь перестройки / В.М. Максимов. – СПб.: «Златоуст», 1992. – 253 с.
21. Мокиенко, В.М. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; Ред. С.М. Снарская; СПб гос. ун-т, Межкаф. словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург.: Норит, 2000. – 716 с.
22. Мокиенко, В.М. Словарь псковских пословиц и поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2001. – 173 с.

23. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
24. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 798 с.
25. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82 / Н.З. Котелова, М.Н. Судоплатова, Ю.Ф. Денисенко [и др.]; под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Рус. яз., 1986. – 256 с.
26. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. под ред. Т.Н. Бурцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. Т.2: Клиент-банк – Паркетный. – Санкт-Петербург.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1392 с.
27. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
28. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. –28-е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2019. – 1376 с.
29. Петрова, М.В. Словарь крылатых выражений. – Москва: РИПОЛ-Классик, 2011. – 459 с.
30. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в 2 т. Т. 1 / ред. Т. Беднякова. – Москва: «Художественная литература», 1989. – 431 с.
31. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в 2 т. Т. 2 / ред. Т. Беднякова. – Москва: «Художественная литература», 1989. – 447 с.
32. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учеб. пособ.; под ред. Т.В. Романовой. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. – 216 с.
33. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1985. – 399 с.

34. Россия. Большой лингвострановедческий словарь; под общ. Ред. Ю.Е. Прохорова. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 736 с.
35. Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу // Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю.Н. Караполов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [и др.]. – Москва: ИРЯ РАН, 1994. – С. 325.
36. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов / С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина [и др.]; пер. на болг. Н.П. Делева; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. – Магнитогорск: Магн. гос. тех. ун-т им. Г.И. Носова; Плодив: Плодивский ун-т им. Паисия Хилендарского, 2021. – 457 с.
37. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В.В. Серов. – 2-е изд. – Москва: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
36. Словарь русского языка: в 4 т. Т.4: С–Я/ Акад. Наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стер. – Москва: Русский язык, 1988. – 800 с.
37. Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2018. – 192 с.
38. Словарь терминов сетевого маркетинга [Электронный ресурс]. OK soft [Сайт]. URL: http://oksoft.ru/dictionary_of_mlm?ysclid=mdbo6rbjenj901180102 (дата обращения: 20.07.2025).
39. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
40. Толковый словарь русского языка: В 4т. Т.4: С – Ящурный; под ред. проф., члена-корреспондента Академии Наук СССР Д.Н. Ушакова. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – 1500 стб.

41. Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) в 2 т. Т.2 / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева; Российской академия наук, Институт языкоznания РАН, Московская международная академия. – Москва: Московская междунар. акад., 2018-2019. Т.1: От стимула к реакции. Т.1 – 2018. – 542 с.
42. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4т. Т.3: Муза – Сят; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2 - е изд., стер. – Москва: Прогресс, 1987. – 832 с.
43. Фелицына, В.П. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. – Москва: Русский язык, 1990. – 220 с.
44. Фрагмент словаря русских фразеологических неологизмов (конец 80-хгг. XX в.– 2000–2020 гг. XXI в.) / Сост. Е.В. Генералова, В.М. Мокиенко. При участии О.В. Райной, Н.А. Росновой. – Санкт-Петербург, 2022 (рукопись) [Электронный ресурс].URL: [http://phraseoseminar.slovospb.ru/documents/oo_so_vaj_russkikh_frazeologizmov\(fr\)/pdf?ysclid=mb799ncb2u564146112](http://phraseoseminar.slovospb.ru/documents/oo_so_vaj_russkikh_frazeologizmov(fr)/pdf?ysclid=mb799ncb2u564146112) (дата обращения: 28.05.2025).
45. Фразеологический словарь русского языка / сост. М.И. Степанова; изд. 2-е., испр. и доп. – Санкт-Петербург: ООО «Виктория плюс», 2016. – 608 с.
46. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 9-е изд., стереотип. – Москва: Рус. яз., 2009. Т. 2: А Панцирь – Ящур. – 559 с.
47. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская / под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: «Просвещение», 1971. – 542 с.
48. Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка/

С.Г. Шулежкова. – Москва: Издательство «ФЛИНТА», Издательство «Наука», 2011. – 848 с.

49. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т.2: Н–Я / сост. А.К. Шапошников. – Москва: Флинта: Наука, 2010. –576 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ В ИССЛЕДОВАНИИ

1. Аверьянов, М.А. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение / М.А. Аверьянов, А.И. Агеев, С.Н. Евтушенко // Экономические стратегии. –2017.– №1. – С. 114 – 125.
2. Алексеев, М.П. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение: уч. для фил. спец. вузов / М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, С.С. Мочульский, А.А. Смирнов. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва.: Высшая школа, Издательский центр «Академия», 1999. – 462 с.
3. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин: пособие для учителя. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.
4. Аннинский, Л. А. Серебро и Чернь: Русское, советское, славянское, всемирное в поэзии Серебряного века /Л.А. Аннинский. – Москва: Кн. сад, 1997. – 219 с.
5. Арзамасцева, И.Н. Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательский центр «Академия», 2005. – 574 с.
6. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы.4 - е изд. – Москва: Из-во Сретенского монастыря, «ОЛМА Медиа Групп», 2012. – 639 с.

7. Бальмонт, К.Д. Полное собрание стихов 1909 – 1914: Кн.4 – 7// Полное собрание сочинений в 7 т.Т.2 / К.Д. Бальмонт. – Москва: Книжный Клуб Книговек, 2010. – 480 с.
8. Бальмонт, К.Д. Полное собрание стихов 1909 – 1914: Кн. 8 – 10; Белый зодчий // Полное собрание сочинений в 7 т.Т.3 / К.Д. Бальмонт. – Москва: Книжный Клуб Книговек, 2010. – 528 с.
9. Беляев, Ю. «Офисный планктон» как организационная патология и объект управленческого анализа // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – №5 – 1. – С. 60 – 67.
10. Беляева, Е.Л. Об истории городского благоустройства и инженерных сетей Москвы. Часть 2 Благоустройство и инженерные сети XVIII – начала XX веков / Е.Л. Беляева, А.Ю. Беляев // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – №4. – С. 99 – 109.
11. Булычёв, Н.А. Отец Авель – несвятой святой = Father Abel-an unholy saint // Рязанская земля: история, культура, общество: материалы Восьмой межрегиональной научно-практической конференции (г. Рязань, 2022 г.): в 2 ч. – Ч.1. – 2023. – С. 172 – 176.
12. Бердяев, Н. Русская идея / Н. Бердяев. – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 318 с.
13. Васильева, И.А. Отношение к деньгам в российской культурной традиции // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – №32. – С. 5 – 15.
14. Вольтерсь, В. Ихъ карьера // Библиотека театра и искусства. – 1909.– №10 (октябрь). – С. 3. – 34.
15. Воронов, Ю.П. "Опять война, опять блокада..."/ Ю.П. Воронов // Блокада: книга стихов. – Ленинград: Лениздат, 1977.– 144 с.
16. Воспоминания о Михаиле Булгакове / сост. Е.Н. Булгакова, С.А. Ляндрес; вст. ст. В.Я. Лакшина; послесл. М.О. Чудаковой. – Москва: Советский писатель, 1988. – 528 с.

17. Воспоминания об А.Н. Толстом: сборник. – Москва: Советский писатель, 1973. – 497 с.
18. Гаврилова, А.А. Бульвары, сады и парки Москвы на рубеже XIX–XX // Вестник МИТУ-МАСИ, – 2019. – №3. – С. 5 – 8.
19. Глазкова, М.В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет): автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. Наук / М.В. Глазкова; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2008. – 18 с.
20. Глушченко, И.В. Общепит. Микоян и советская кухня / И.В. Глушченко. – Москва: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 238 с.
21. Говорова, Г.Ф. Ягодные культуры / Г.Ф. Говорова. – Краснодар: Краснодарское книжное, 1966. – 232 с. Электронная версия печ. изд. URL: <http://docs.yandex.ru> (дата обращения: 21.01.2025). Доступна на сайте dl.libcats.org.
22. Горький, М. Полное собрание сочинений в 25 т. Т.1 // Рассказы, очерки, наброски, стихи 1885 – 1894/ М. Горький. – Москва: Издательство «Наука», 1968. – 596 с.
23. Горький, М. Рассказы и повести: 1892 – 1917 / М. Горький. – Москва: «Художественная литература», 1976. – 302 с.
24. Гражданская, З.Т. От Шекспира до Шоу: Английские писатели XVI – XX вв.: книг. для уч-ся / З.Т. Гражданская. – 2-е изд., дораб. – Москва: Просвещение, 1992, – 189 с.
25. Губанова, С.С. Богатство в субкультуре русского купечества XVIII – начала XX века. – 2011. – №1. – Т.2. – С. 199 – 205.
26. Гурьянова, А.В. Homo digital – субъект цифровой революции / А.В. Гурьянова, А.В. Тимофеев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2023. – №2. – С. 121–129.

27. Гусакова, О. Хранители веры: о жизни церкви в советское время: автобиографические истории: [protoиерей Сергий Правдолюбов, protoиерей Георгий Бреев, Феодора Никитична Кузовкова и другие]. – 2-е изд. – Москва: Никея, 2018. – 408 с.
28. Доманский, В.А. Герои Тургенева как психологические и культурные типы // Два века русской классики. – 2022. Т.4. №2. С. 64 – 81.
29. Донцова, Д.А. Чучело от первого брака / Д.А. Донцова. – Москва: Эксмо, 2021.– 316 с.
30. Ермолов, А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / А.С. Ермолов / сост. И отв. Ред. О.А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2013. – 872 с.
31. Есенин, С. «Гой ты, Русь, моя родная...» // Собрание сочинений в 7 т. Т.1. Стихотворения / С. Есенин / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. – Москва: «Наука» – «Голос», 1995. – 672 с.
32. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч, задач / сост. Д.Н. Садовников. – Москва: Современный писатель, 1995. – 397 с.
33. Зощенко, М.М. Нервные люди: Рассказы и фельетоны (1925-1930) / Собрание сочинений; Состав. и примеч. И.Н. Сухих. – Москва: Время, 2008. – 749 с.
34. Иванчик, А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в переднюю Азию // Советская этнография. – 1988. – № 5. – С. 38 – 48.
35. Ильф, И. Собрание сочинений: в 5 т. Т.2: Золотой теленок. Рассказы. Очерки. Фельетоны / И. Ильф, Е. Петров. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 559 с.
36. Иоселиани, А.Д. Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Манускрипт. – 2020.– Том 13.– Вып. 4.– С. 115 – 119.
37. Иоффе, И.И. Новый стиль / И.И. Иоффе. – Москва: Гос. изд-во изобразительных искусств; Ленинград: Гос. изд-во изобразительных искусств, 1932. – 156 с.

38. Климонова, А.Н. Историческое развитие государственной политики России в сфере повышения уровня благосостояния населения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26. – № 193 – С. 238 – 245.
39. Короткова, М.В. Путешествие в историю русского быта. – Москва: Дрофа, 2006. – 252 с.
40. Короткова, М.В. Быт и культура русского города / М.В. Короткова. – Москва: Дрофа, 2007. – 365 с.
41. Костякова, Ю.Б. Самодеятельная поэзия и пресса в годы гражданской войны (на примере газеты «Красноярский рабочий» за 1920 г.) / Ю.Б. Костякова, В.С. Титова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7. – №.1. – С. 42 – 58.
42. Котова, М.А. В лабиринтах романа-загадки: комм. к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец» / М.А. Котова, О. Лекманов при участии Л.М. Видгофа. – Москва: Аграф, 2004. – 286 с.
43. Кощеев, А.К. Лесные ягоды: Справочник / А.К. Кощеев, Ю.И. Смирняков. – 2-е изд.– Москва: Экология, 1992. – 270 с.
44. Кузьменков, В.А. Социально-политические расколы в современной России: виды и пути их урегулирования // Ценности и смыслы – 2015. – №2 (36). – С. 36 – 45.
45. Купина, Н.А. Идеологема «иностранный агент»: три дня в июле 2012 года // Политическая лингвистика. – 2012. – №3 (41). – С. 43 – 48.
46. Книга о вкусной и здоровой пище / М-во пищевой промышленности СССР. – Москва: Пищепромиздат, 1952. – 400 с.
47. Куприн, А.И. Олеся // Собрание сочинений в 6 т. Т.2. Произведения 1896 – 1901/ А.И. Куприн. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 562 с.
48. Купчинская, М.А. Клиповое мышление как феномен современного общества / М.А. Купчинская, Н.В. Юдалевич // Бизнес-образования в экономике знаний. – 2019. – №3. – С. 66 – 70.

49. Леру, Ю. Доброе сердце // Театрал. – 1895. – Книга VII. – Том V.– № 30.– С. 85 – 89.
50. Лесков, Н.С. Соборяне // Собрание сочинений в 13 т. Т.1. / Н.С. Лесков Маяковский. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 559 с.
51. Лихачев, Д.С. Письма о добром / Д.С. Лихачев. – Москва, Санкт-Петербург.: Наука; Logos, 2006. – 315 с.
52. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р.Г. Григорьева. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – 542 с.
53. Матвеева, А.С. Стиль сказочной прозы Лидии Чарской: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А.С. Матвеева; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2006. – 20 с.
54. Маша и медведь: русские народные сказки в обработке М. Булатова. – Москва: «Детская литература», 1990. – 14 с.
55. Маяковский, В. Облако в штанах// Собрание сочинений в 11 т. Т.4. / В. Маяковский. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 464 с.
56. Михайлова, С.Ю. Русский язык. Твой курс подготовки к ЕГЭ. Комплексная подготовка: ученое пособие / С.Ю. Михайлова. – Москва: Просвещение, 2023. – 128 с.
57. Народные приметы: хотите – верьте, хотите – проверьте / сост. Н.А. Мустаев. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. – 208 с.
58. Несвятые святые. Наши дни. «Нас собрала любовь Христова»: календарь на 2022 год/ сост. В.И. Деревягина. – Печоры: Из-во Псково-Печерского монастыря, 2021. – 368 с.
59. Николаева, А.Н. Кельтские мифы / А.Н. Николаева. – Москва: Бомбora: Эксмо, 2024. – 237 с.

60. Одоевцева, И.В. На берегах Сены / И.В. Одоевцева. – Санкт-Петербург: Азбука, 2017. – 474 с.
61. Осипов, С.В. Россия на путях буржуазной модернизации: Методическое пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 2002. – 20 с.
62. Пастернак, Б. Август // Малое собрание сочинений / Борис Пастернак. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 718 с.
63. Пащенко, А.С. История зарождения общественных взглядов на вопросы домашнего насилия в России / А.С. Пащенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – №4. – С. 203 – 214.
64. Писаренко, Ю. Хрестоматия актера: Мимика, грим, движение, речь / Ю. Писаренко: сборник. – Ленинград: Теакинопечать, 1930. – 258 с.
65. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная Энциклопедия», 2000. – 653 с.
66. Прокофьева, О. Мир забытых вещей / О. Прокофьева. – 2-е изд., исправленное. – Москва: Кучково поле, 2022. – 271 с.
67. Ривкин, Е.Ю. Клиповое мышление как стимул обновления педагогической практики // Технология. Всё для учителя! – 2014. – №12 (12) декабрь. – С. 3 – 7.
68. Розанова, Н.Н. Босяки, босота и нищеброды: новая жизнь старых слов // Русская речь. 2024. – №2. – С. 37 – 51.
69. Розов, А.Н. Народный календарный праздник и православие // Человек. Культура. Образование. – 2018. – №3(40). – С. 122 – 132.
70. Романова, Е.С. «Несвятые святые» в поэзии Алексея Витакова / Е.С. Романова // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы XXX международной научно-практической конференции «Письменность, культура и история славянского мира» (27 мая 2021 г.). – Смоленск: СГИИ, 2021. – С. 73 – 78.
71. Русские заговоры Карелии / сост. Т.С. Курец. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. – 274 с.

72. Русские народные загадки. – Москва: Детгиз, 1954. – 16 с.
73. Смирнов, В.А. Современные культурные традиции и православные аспекты празднования августовских Спасов / В.А. Смирнов, Р.Р. Закиров // Вестник КемГУКИ. – 2021. – №54. – С. 60 – 66.
74. Стеклышко в оправе // Читаем вместе. Навигатор в мире книг – 2013.– №12 (89). – С. 41 – 43.
75. Сутина, Н.М. Прожиточный минимум в Российской Федерации: историко-правовой аспект / Н.М. Сутина, С.Т. Шефрукова // Вестник АГУ. – 2018. – Вып. 1 (214). – С. 66 – 71.
76. Тургенев в воспоминаниях современников /сост., вст. ст. и комм. К разделу «Воспоминания» В.Г. Фридлянд; Сост., пер. писем, вступ. ст. и комм. к разд. «Переписка..» Н.П. Генераловой. – Москва: Правда, 1988. – 557 с.
77. Тургеневская девушка: вчера и завтра: дайджест / сост. О.Б. Шакирова. – Миасс: МКУ «ЦБС», 2018. – 38 с.
78. Фридштейн, Ю. Профессия: критик / Ю. Фридштейн. – Москва, 2005. – 419 с.
79. Цветков, В.Л. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема / В.Л. Цветков, А.А. Павлова // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – №3. – С. 317 – 322.
80. Чеснокова Л.В. Уют как феномен приватного пространства // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – №4 (33). – С. 52 – 57.
81. Чехов, А.П. Воры // Собрание сочинений в 12 т. Т.6. Повести и рассказы 1888-1891/ А.П. Чехов. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 528 с.
82. Чехов, А.П. Моя жизнь // Собрание сочинений в 12 т. Т.8. Повести и рассказы 1895-1903 / А.П. Чехов. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 528 с.
83. Чудо-фразы далекие и близкие // Детская энциклопедия. – 2018. – № 3 (46). – 62 с.

84. Чуковский, К. Чудо-дерево и другие сказки / К. Чуковский. – Москва: Детская литература, 1970. – 399 с.
85. Шапиро, Д.К. Дикорастущие плоды и ягоды / Д.К. Шапиро, Н.И. Манцивodo, В.А. Михайловская. – 4-е изд., стереот. – Минск: Ураджай, 1989. – 128 с.
86. Шепелева, А. Гастрольный тур пройдет по 22 городам присутствия Компании / А. Шепелева // Самарский нефтяник. – 2019. – №4. – С. 2.
87. Энциклопедия моды. – Санкт-Петербург: Литера, 1997. – 409 с.
88. Ягодные культуры: справочник /сост. Е.И. Ярославцев. – Москва: Агропромиздат, 1988. – 236 с.
88. Яркина, Е.Н. Теория клипового мышления или эскиз картины регресса человеческого разума/ Е.Н. Яркина // Дискурс – Пи. – 2019. – №2 (35). – Т 16. – С. 77.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО МАТЕРИАЛА

1. А вот интересно... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stranamam.ru> (дата обращения: 28.04.2024).
2. А знаете ли вы, что... [Электронный ресурс]. Глюк'Оза Nostra (Глюкоза 2000-х) [запись на стене]. [2015]. URL: http://m.vk.com/wall-82180677_195 (дата обращения: 02.05.2025).
3. Абдуллина, Л.И. Виды и формы домашнего насилия: распознавание и понимание [Электронный ресурс]. b17.ru [сайт]. URL: <http://www.b17.ru/article/687596/?ysclid=mdhlm6voz5779182707> (дата обращения: 24.07.2025).
4. Авария дня. Сосисочный взрыв в Петербурге// Сообщество Аварии [Электронный ресурс] // FISHKI.NET [сайт]. [2019]. URL: <http://fishki-net.ru> (дата обращения: 03.01.2025).

5. Авилов, А. Ёлка на сдачу. «Елочный круговорот» даст новогодним деревьям вторую жизнь [Электронный ресурс]. АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ [сайт]. URL: http://aif.ru/Moscow/yolka_na_sdachu_yolochnyy_krugovorot_dast_novogodnim_derevyam_vtoruyu_zhizn (дата обращения: 24.03.2025).
6. Алексеев, Ю. Ёлочный круговорот в природе [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <http://stihi.ru/2023/01/26/7557?ysclid=m8sh8ofy89367769541> (дата обращения: 27.03.2025).
7. Алимпиева, А. Диетолог дала советы по выходу из новогодней салатной комы [Электронный ресурс]. Мослента [сайт]. URL: <http://moslenta.ru/news/dietolog-dala-sovety-po-vykhodu-iz-novogodnnei-salatnoi-komy-10-01-2022.htm> (дата обращения: 24.03.2025).
8. Анекдот № 1423204 [Электронный ресурс]. Анекдоты из России [сайт]. URL: <https://anekdot.ru/turbopages.org/turbo/anekdot.ru/s/id/1423204/> (дата обращения: 19.02.2025).
9. Анекдоты про тыкву [Электронный ресурс]. Шуток.нет [сайт]. URL: <https://shytok.net/anekdots/anekdots-pro-tykvu.html> (дата обращения: 21.01.2025).
10. Аносов, А.И. Кипрские частушки [Электронный ресурс] // ONLINELIT.NET [сайт]. URL: <http://onlinelit.net> (дата обращения: 31.12.2024).
11. Ассоциации к слову «тургенев» [Электронный ресурс]. Sociation.org [сайт]. URL: <https://sociation.org/word/тургенев/> (дата обращения: 24.02.2025).
12. Астроном оценил значение клубничной Луны для науки [Электронный ресурс]. РИА НОВОСТИ [сайт]. [2025]. URL: <http://ria.ru/20250611/luna-2022202173.html> (дата обращения: 07.07.2025).
13. Бартукова, Н.В. Что такое пустые калории и почему они опасны? [Электронный ресурс]. MedAboutme медицина обо мне [сайт]. URL: http://medaboutme.ru/articles/chto_takoe_pustye_kalorii_i_pochemu_oni_opasny/?ysclid=mdp36ue7c4724409481 (дата обращения: 30.07.2025).

14. «Бежевая мама»: что значит этот тренд [Электронный ресурс]. kp.ru [сайт]. URL: <https://www.Kp.ru/family/ya-mama/bezhevaja-mama/?ysclid=mcaj7mncxi99> (дата обращения: 24.06.2025).
15. Белкин, И.П. Птицы Подмосковья [Электронный ресурс] // Литературный кружок «Белкин» [сайт]. [2015]. URL: <http://belkin-lit.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
16. Белова, А. Почему невесты по всему миру стали закапывать в землю сосиски и откуда взялась эта мода // Вокруг света [Электронный ресурс] // КУЛЬТУРОЛОГИЯ.РФ [сайт]. [2024]. URL: <http://kulturologia.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
17. Белова, М. Мемные пальцы-сосиски Карла III указывают на три серьезные болезни, и королю не до смеха [Электронный ресурс] // LIFE [сайт]. [2022]. URL: <http://life.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
18. Беляева, И.А. Московская тема в письмах и творчестве И.С. Тургенева [Электронный ресурс]. Тургеневский архив [сайт]. URL: <https://Turgenev-archive.blogspot.com/2010/12/blog-post.html?m=1> (дата обращения: 04.03.2025).
19. Беляева, И.А. Московская тема в письмах и творчестве И.С. Тургенева [Электронный ресурс]. Тургеневский архив [сайт]. URL: <https://Turgenev-archive.blogspot.com/2010/12/blog-post.html?m=1> (дата обращения: 04.03.2025).
20. Беляков, Е. «Хочешь прогореть – спроси меня как!» Все больше россиян попадают в ловушку сетевого маркетинга [Электронный ресурс]. KP.RU [сайт]. URL: <http://www.kp.ru/daily/27233/4360973/?ysclid=mdbn0wtua8425045994> (дата обращения: 20.07.2025).
21. Бердяев, Н.А. Русский культурный ренессанс начала XX века. Встречи с людьми // Самопознание [Электронный ресурс]. Lib.ru: Классика [сайт]. URL: https://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1949_samopoznanie.shtml?ysclid=m8lup2r2r2714297338 (дата обращения: 23.03.2025).

22. Бертель, А. Почему вы платите разные деньги за одну и ту же услугу: все о динамическом ценообразовании [Электронный ресурс]. TexTerra [сайт]. URL: <https://texterra.ru/blog/dinamicheskaya-tsena-i-tsenovaya-diskriminatsiya-obyasnyaem-raznitsu-na-primere-taksi.html?ysclid=mia5klpcfk325212208> (дата обращения: 12.01.2026)
23. Блейкмор, Э. Странная «колбасная война», вдохновившая Гитлера [Электронный ресурс]. History [сайт]. [2018]. URL: <http://translated.turbopages.org> (дата обращения: 05.01.2025)
24. Богат, Я. Как режим Зеленского развязал войну на уничтожение канонической УПЦ [Электронный ресурс]. РЕН ТВ [сайт]. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1090718-kak-rezhim-zelenskogo-razviazal-voinu-na-unichtozhenie-kanonicheskoi-upts?ysclid=mdapr7mop653596357#bounce> (дата обращения: 19.07.2025).
25. Бокова, В.М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке [Электронный ресурс]. ВикиЧтение [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/77893> (дата обращения: 06.03.2025).
26. Болезнь или проклятие? Что не так с «сосисочными» пальцами Чарльза [Электронный ресурс] // Woman.ru [сайт]. [2021]. URL: <http://woman.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
27. Большая российская энциклопедия 2004-2017 [сайт]. URL: <http://old.bigen.ru/linguistics/text/4921964?ysclid=mdltdx4fv513691122> (дата обращения: 27.07.2025).
28. Борисова, А. Некоролевский маникюр: как выглядят вблизи руки Карла III [Электронный ресурс] // VOICE [сайт]. [2024]. URL: <http://thevoicemag.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
29. «Борщевой набор» – разбираемся, что это такое и с чем его едят [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/YTnsZz85llnhfksF?ysclid=meedftsktd36007193> (дата обращения: 05.05.2024).

30. Бриллиантовый Директор!!! Звучит гордо? Конечно!!! [Электронный ресурс]. Работа в интернете. Фаберлик Онлайн. Кононова [запись на стене]. ВКонтакте [социальная сеть]. URL: http://m.vk.com/wall-80571184_42534 (дата обращения: 21.07.2025).

31. Бриллиантовый Президент [запись на стене]. legendochka [блог]. Пикабу [сайт]. URL: http://pikabu.ru/story/brilliant_ovyi_president_8276929?ysclid=mdd67xmpsc896082963 (дата обращения: 21.07.2025).

32. Бушев, А. Захарова назвала Макрона «атомным Оле-Лукойе» [Электронный ресурс]. RGRU [сайт]. URL: <https://www.rg.ru/2025/03/06/zaharova-nazvala-makrona-atomnym-ole-lukoje.html> (дата обращения: 18.03.2025).

33. В Европе начался леопардовый флешмоб [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. [2023]. URL: <http://dzen.ru/a/Y82YzbbrYXwx0aM5?ysckid=mbnvq7qb3q277829704> (дата обращения: 31.07.2025).

34. В зеленой тишине Москвы. Из истории московских садов, парков, бульваров и скверов [Электронный ресурс]. Пешеград – клуб любителей пеших прогулок [сайт]. URL: <https://www.peshegrad.ru/articles/v-zelenoj-tiшине-moskvy-iz-istorii-moskovskikh-sadov-parkov-bulvarov-i-skverov?ysclid=m7wzsig8km708533290> (дата обращения: 24.02.2025).

35. В приморском районе воссоздали блокадную квартиру [Электронный ресурс]. Администрация Санкт-Петербурга [сайт]. URL: https://gov.spb.ru/gov/terr/reg_primorsk/news/155663/ (дата обращения: 25.02.2023).

36. В России проходит леопардовый флешмоб [Электронный ресурс]. НТВ [сайт]. [2015]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/2929193/> (дата обращения: 31.07.2025).

37. В Совбезе назвали нового премьера Британии термоядерной русофобкой [Электронный ресурс]. ren.tv [сайт]. URL:

<https://ren.tv/news/politika/1021025-v-sovbeze-nazvali-novogo-premera-britanii-termoiadernoi-rusofobkoi> (дата обращения: 18.03.2025).

38. Ваничкина, М. «Сосисочные пальцы» принца Чарльза привели в ужас британцев [Электронный ресурс] // ЭКСПРЕСС газета [сайт]. [2021]. URL: <http://eg-ru.turbopages.org> (дата обращения: 31.12.2024).

39. Васюта, Е. Когда мы вместе! [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

40. Ваша фея волос [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <https://dzen.ru/id/5f12b3536b65685929c1b2c9ysclid=m8mw7yqmcx900065581> (дата обращения: 23.03.2025).

41. «Вашингтон давит». Где еще возможен «церковный майдан» [Электронный ресурс]. РИА НОВОСТИ [сайт]. URL: <https://ria.ru/20180927/1529337878.html?ysclid=mdaph27poa702244264> (дата обращения: 19.07.2025).

42. Возле «дома Муму» разобьют усадебный парк [Электронный ресурс]. Мослента [сайт] URL: <https://moslenta.ru.turbopages.org/turbo/moslenta.ru/s/articles/dommumuvkashtanah-22-08-2016.htm> (дата обращения: 24.02.2025).

43. Война телевизора с холодильником [Электронный ресурс]. Новое дело [сайт]. URL: <http://ndelo.ru/Novosti/vojna-televizora-s-holodilnikom> (дата обращения: 16.04.2025).

44. Володихин, Д. Как святые меняли историю. Русские праведники в роли истребителей греха [Электронный ресурс]. Журнал Фома [сайт]. URL: <http://kak-svyatyie-meniali-istoriyu.html?ysclid=mefsnor1e9651063266> (дата обращения: 18.08.2025).

45. Волшебница цвета <...> // BIGOODI | Школа парикмахеров-колористов | Пермь [Электронный ресурс]. ВКонтакте: Сообщения, видеочат [сайт]. [2023]. URL: http://vk.com/wall-154184115_8736?ysclid=m8d64fegau960 (дата обращения: 24.03.2025).

46. Врач рассказала об особенностях клипового мышления [Электронный ресурс]. ИЗВЕСТИЯ IZ [сайт]. URL: <http://iz.ru/1798000/2024-11-28/vrac-rasskazala-ob-osobennostah-klipovogo-mysleniya> (дата обращения: 27.07.2025).

47. Все о чувствах и отношениях: почему язык психологии стал так популярен [Электронный ресурс]. Грамота [сайт]. URL: <http://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/vse-o-chuvstvakh-i-otnosheniyakh-pocemu-yazyk-populyaren> (дата обращения: 23.07.2025).

48. Вторая жизнь новогодней ели: как используют праздничные деревья в разных странах [Электронный ресурс]. mos.ru [сайт]. URL: <http://www.mos.ru/news/item/85065073/?ysclid=pfnh3pf2641532361> (дата обращения: 24.03.2025).

49. Вызываем сосисочный дождь [Электронный ресурс] // Одноклассники: Социальная сеть [сайт]. [2024]. URL: <http://ok.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

50. Выходим из зимней спячки [Электронный ресурс]. Настроение [сайт]. URL: <http://nastroenie.tv/episode/177218> (дата обращения: 24.03.2025).

51. Гальперин, Т. Блокадный дом [Электронный ресурс]. База данных «Авторская песня» [сайт]. URL: https://bard.ru/thml/tr/trGal`perin_T//htm (дата обращения: 25.02.2023).

52. Гаспарян, А. Фруктово-ягодный результат [Электронный ресурс]. Михаил Муромов [сайт]. URL: <http://mihail-muromov.ucoz.ru/publ/1-1-0-83> (дата обращения: 02.05.2025).

53. Гафурова, С. Битва холодильника с телевизором! Кто победит? [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <http://dzen.ru/a/Z6JfKnSljAJ6bB0C?ysclid=ma8hsrgg4j630203163> (дата обращения: 03.05.2025).

54. Гергерт, Д. Злой Бог и сосисочный ад [Электронный ресурс]. URL: <http://dzen.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

55. Герцен, Е. Готовим рыбу [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

56. Гештальт: что это и почему его важно закрыть [Электронный ресурс]. РИА НОВОСТИ [сайт]. URL: <http://ria.ru/20250704/geshtalt-2027126674.html?ysclid=mdh3mdthgw678107958> (дата обращения: 24.07.2025).

57. Глачева, Г. «Раньше никаких депрессий не было»: почему сегодня стало модным ходить к психологу [Электронный ресурс]. @леди [сайт]. URL: http://lady.mail.ru/article/524902_ranshe-nikakih-depressij-ne-byilo-pochemu-segodnya/?ysclid-mdg5ar5dfp789508536 (дата обращения: 23.07.2025).

58. Глюкоза объявила войну группе «Шпильки» [Электронный ресурс]. КМ.RU [сайт]. URL: <http://www.km.ru/music/093064b31059490a8caf81322ffd0fc> (дата обращения: 02.05.2025).

59. Годовасие??? Что это за новый сленг? Анонимно [Электронный ресурс]. ЯЖМАТЬ [Запись на стене]. ВКонтакте [Соцсеть]. [2019]. URL: http://m.vk.com/wall-139487365_563308?ysclid=mdrm59swiy907926599 (дата обращения: 31.07.2025).

60. Годовасики [Электронный ресурс]. OSA_1986 [форум]. [2010]. URL: http://blog.sibmama.ru/weblog_entry.php?y=160848 (дата обращения: 31.07.2025).

61. Грачев, Г. Под Воронежем нашли кладбище новогодних ёлок [Электронный ресурс]. LIFE [сайт]. URL: <http://life.ru/p/1362652> (дата обращения: 24.03.2025).

62. Григорьянц, Г. Гром над Арашом [Электронный ресурс]. Картослов. ru [сайт]. URL: http://karaslov.ru/книги_Георгий_Григорьянц_Гром_над_Арашом/8#636 (дата обращения: 20.08.2025).

63. Гусев, А.В. Сражение у Голвайри за финскую колбасу...[Электронный ресурс] // LIVEJOURNAL [сайт]. [2016]. URL: <http://gusev-a-v.livejournal.com> (дата обращения: 31.12.2024).

64. Дараган, В. Рассказы об Америке [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

65. Двадцать лучших умных часов в 2023 году [Электронный ресурс]. Выбор экспертов [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/expert/elektronika/luchshie-umnye-chasy/> (дата обращения: 08.05.2023).

66 Девочки и музыка, женская аномалия 90-х, которая почти мгновенно полюбилась всеми мужчинами [Электронный ресурс]. Советский житель [Сообщество]. Дзен [сайт]. URL: <http://dzen.ru/a/ZeNAFTjh-nfq05iK> (дата обращения: 02.05.2025).

67. Дед Бидон в перерывах между обострениями деменции рассказывает миру, что принципы ООН нарушать нельзя и поэтому Россия является угрозой всему миру [Электронный ресурс]. ZOVНиколаев [сайт]. URL: <https://Nikolaev-news.ru/society/2023/09/19/22738.html?ysclid=m8e54qnsga11322580> (дата обращения: 18.03.2025).

68. Дедушка Джо и его оговорки [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/ykZovmYntw3mTw3mT238?ysclid=m8eadql8ya433888121> (дата обращения: 18.03.2025).

69. Дельмухаметова, Д. «Приехав, осмотри, хорошо ли мой дом выкрашен...», – так наставляла сына Варвара Петровна Тургенева [Электронный ресурс]. Литературная газета [сайт]. URL: <https://lgz.ru/article/priekhav-osmotri-khorosh0-li-moy-dom-vykrashen/> (дата обращения: 24.02.2025).

70. День Анны Холодной: нужно есть замороженные ягоды и рукодельничать [Электронный ресурс]. URL: <https://sever-press.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

71. Джо Деменцио. Байден очень неудачно пошупил и получил новое прозвище [Электронный ресурс]. LIFE [сайт]. URL: <https://life.ru/p/1347270> (дата обращения: 18.03.2025).

72. Директорская карьерная лестница орифлейм [Электронный ресурс]. Экспресс -Карьера by Oriflame [сайт]. URL: <http://friendlybusiness.wixsite.com/pljachenkoanna/-2-c1gso> (дата обращения: 20.07.2025).

73. Дискин, И. Про схватку «телевизора» и «холодильника» [Электронный ресурс]. Известия IZ [сайт]. URL: <http://iz.ru/news/586762> (дата обращения: 03.05.2025).
74. Для чего Вам мойка сосисочных линий? //Как организовать мойку сосисочных линий [Электронный ресурс] // ИЖСИНТЕЗ-ХИМПРОМ [сайт]. URL: <http://pk-izhsintez.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
75. Дмитрий Певцов назвал современный шоу-бизнес эпохой «поющих трусов» [Электронный ресурс]. Рамблер /женский [сайт]. [2019]. URL: <http://woman.rambler.ru/stars/431030003-dmitriy-pevtsov-nazval-sovremenny-shou-biznes-epohoy-poyuschihi-trusov/?ysclid=m8ozlz2efq491311100> (дата обращения: 02.05.2025).
76. Дмитрич. «Клиповое мышление» [Электронный ресурс]. Поэмбук [сайт]. URL: <http://poembook.ru/poem/2308656-klipovoe-myshlenie?ysclid=mdm61rbg8563247272> (дата обращения: 27.07.2025).
77. Дом Муму, памятник борьбе с алкоголизмом и московская «золотая миля» [Электронный ресурс]. Институт генплана Москвы [сайт]. URL: https://genplanmos.ru/publication/2021_08_16_dom-mumu-pamyatnik-borbe-s-alkogolizmom-i-moskovaya-zolotaya-milya/ (дата обращения: 24.02.2025).
78. Домашнее насилие в семье: закон в России, статистика, помощь, права [Электронный ресурс]. Женские секреты Проект KP.RU [сайт]. URL: <http://www.kp.ru/woman/otnosheniya/domashnee-nasilie/> (дата обращения: 24.07.2025).
79. Домашнее насилие: как распознать и как помочь обращаться [Электронный ресурс]. Милосердие.ru [сайт]. URL: <http://www.miloserdie.ru/article/domashnee-nasilie-kak-raspoznat-i-kak-pomoch/?ysclid=mdhnfduhhk982683754> (дата обращения: 24.07.2025).

80. Домашнее насилие: что делать, куда обращаться [Электронный ресурс]. Госуслуги [сайт]. URL: <http://www.Gosuslugi.ru/newsearch/domashnee-nasilie> (дата обращения: 24.07.2025).

81. Дом-музей И.С. Тургенева [Электронный ресурс]. Узнай Москву [сайт]. URL: <https://Um.mos.ru/museums/Turgenev/> (дата обращения: 24.02.2025).

82. Дом-музей Тургенева на Остоженке открылся после реставрации [Электронный ресурс]. mos.ru [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/5159050/?ysclid=m7u7lmx3144190051> (дата обращения: 24.02.2025).

83. Домострой [Электронный ресурс]. Азбука веры [сайт]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroy/#0_1 (дата обращения: 24.07.2025).

84. Донцова, Д. Прогноз гадостей на завтра [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.club> (дата обращения: 28.04.2024).

85. Доходы Лидера и квалификационные бонусы [Электронный ресурс]. FABERLIC Вдохновляешь на лучшее [сайт]. URL: http://faberlic.com/index.php?option=com_content&view=article&id=225216:2021-06-21-11-51-15&catid=271: 2013-02-04-09-38-09&Itemid=2336&lang=ru (дата обращения: 20.07.2025).

86. Дридзе, Д. Уровень жизни в России теперь определяет «борщевой набор» [Электронный ресурс]. Литрес [сайт]. URL: <https://www.litres.ru/podcast/Dmitriy-drize/uroven-zhizni-v-rossii-teper-oredelyaet-borscheyoy-nabor-66099365/> (дата обращения: 05.05.2024).

87. Дубовицкая, Е. Зеленое поколение: экологическая тревожность и аллергия на гиперпотребление [Электронный ресурс]. Forbes [сайт]. URL: <http://www.forbes.ru/sustainability/52722993-zelenoe-pokolenie-ekologiceskaa-trevoznosti-i-allergia-na-giperpotreblenie?ysclid=mi1im7va36543029205> (дата обращения: 16.10.2025).

88. Духовный смысл августовских «Спасов» [Электронный ресурс]. Белгородская и Старооскольская епархия [сайт]. [12 августа 2022]. URL: <https://>

// beleparh.ru/Novosti/item/duhovnyj-smysl-avgustovskih-spasov (дата обращения: 21.01.2025).

89. ЕС и 11 стран Латинской Америки официально завершили самый долгий в истории торговый спор – «банановую войну» [Электронный ресурс]. ТАСС [сайт]. [2012]. URL: <http://tass.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

90. Есакова, К. Н. Быть мамой годовасика [Электронный ресурс]. Картослов.ру [сайт]. URL: http://kartaslov.ru/книги.Катерина_НиколаевнаЕсакова_Быть_мамой_годовасика / 2 (дата обращения: 31.07.2025).

91. Еськова, Н. Причуды словарной фиксации [Электронный ресурс]. Наука и жизнь [сайт]. URL: <https://m.nkj.ru/archive/articles/5336/?ysclid=mdn126vf1\2670579> (дата обращения: 28.07.2025).

92. Жеглов, Б. Глава 14. Россия. Ветры перемен // Узелки на память [Электронный ресурс]. Проза.ру [сайт]. URL: <http://proza.ry/2012/02/09/990> (дата обращения: 14.07.2025).

93. Женское счастье – любить и страдать: суть фильма «Зимняя вишня» [Электронный ресурс]. URL: <https://osmyslah.ru/filma/zimnyaya-vishnya> (дата обращения: 25.02.2024).

94. Жилой комплекс Тургеневский [Электронный ресурс]. ECPU [сайт]. URL: <https://Chelyabinsk.ecpu.ru/novostroyki/zhk-turgenevskiy/> (дата обращения: 23.02.2025).

95. Жилой комплекс Тургеневский [Электронный ресурс]. ECPU [сайт]. URL: <https://Chelyabinsk.ecpu.ru/novostroyki/zhk-turgenevskiy/> (дата обращения: 23.02.2025).

96. Забытый символ Belle Èpoque [Электронный ресурс]. URL: <https://oldtimer.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

97. Замена Хеллоуина или городская легенда: что такое Тыквенный Спас и как его отмечают [Электронный ресурс]. Постныюс [сайт]. [31 октября

2024]. URL: <https://postnews.ru/f/25683?ysclid=m6wic8r2w5960459385> (дата обращения: 21.01.2025).

98. Запахло весной: в Петербурге ищут мангалщиков и шашлычников [Электронный ресурс]. URL: <https://mr-7.ru/articles/2023/04/14/zapakhlo-vesnoi-v-peterburge-ishchut-mangalshchikov-i-shashlychnikov-news/> (дата обращения: 28.04.2023).

99. Зар, Б. Сосисочный дождь [Электронный ресурс] // Странные новости [сайт]. [2017]. URL: <http://strannovosti.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

100. Зеленая инициатива [Электронный ресурс]. Мои финансы [сайт]. URL: <http://моифинансы.рф/bprojects/105172/?ysclid=md75crxv97614777508> (дата обращения: 17.07.2025).

101. Зеленая инициатива. Сертификаты помогут восстановить российские леса [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <http://dzen.ru/a/Z1YKyWO2dA0GueIE/?ysclid=md77vvtkcrn754409800> (дата обращения: 17.07.2025).

102. Зеленые инициативы Лебера: как компания интегрирует ESG в корпоративную культуру [Электронный ресурс]. vc.ru [сайт]. URL: <http://vc.ru/leber/2101482-ekologicheskie-initiativy-lebera-esg-korporativnaya-kultura> (дата обращения: 17.07.2025);

103. Земляничный дождик [Электронный ресурс] // Мультики [сайт]. URL: <http://mults.info> (дата обращения: 02.01.2025).

104. Земляных, С. «Бежевые мамы»: почему женщины так называют, вреден ли тренд для детей. И какие еще цвета подходят для «грустного бежевого родительства» [Электронный ресурс]. РБК Life [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67f8c07b9a794756a3f800cc?ysclid=mcav9n4to674944021> (дата обращения: 24.06.2025).

105. Зенкова, Ю. Я вот сочинила [Электронный ресурс]. Автоматизация|Сетевой|Мертикова Екатерина [запись на стене]. ВКонтакте

[социальная сеть]. URL: http://m.vk.com/wall-62369215_635 (дата обращения: 21.07.2025).

106. Зиманский, В.Э. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом в русском языке: состав, структура, семантика / В.Э. Зиманский, О.Ю. Радюль // Международный педагогический форум «Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур»: сб. ст. межд. науч.-метод. конф. «Русский язык и русская литература в современном научном и образовательном пространстве», образ. В рамках межд. пед форума, Республика Беларусь – Россия, 21 – 24 ноября 2022 г. – Нижний Новгород; Москва: ИП Маркин А.О., 2022. – С.133 – 141. Электронная версия печ. изд. URL <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/39006/1/Фразеологические%20единицы%20антропонимическим%20компонентом.pdf> (дата обращения: 24.02.2025).

107. Зимние ягоды в лесу [Электронный ресурс]. URL: <https://klimovichileshoz.by> (дата обращения: 25.02.2024).

108. Зимняя Вишня, или право на счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/109250/> (дата обращения: 25.02.2024).

109. Зона комфорта и зачем из нее выходить [Электронный ресурс]. ТРЕНДЫ [сайт]. URL: <http://trends.rbc.ru/trends/social/62d7ba469a79474f0d5f17c5> (дата обращения: 25.07.2025).

110. Ивасенко, В. Сосисочный выезд, или Огурец лезет в горы... [Электронный ресурс] // DRIVER 2 [сайт]. [2017]. URL: <http://driver2.ru> (дата обращения: 03.01.2025).

111. Игумен Игнатий (Душеин) Почему Церковь почитает святых? [Электронный ресурс]. Азбука веры [сайт]. URL: <http://azbyka.ru/pochemu-cerkov-pochitaet-svyatuyx> (дата обращения: 18.08.2025).

112. Идеология. Телевизор против холодильника [Электронный ресурс]. Военное обозрение [сайт]. [2016]. URL: <http://topwar.ru/105397-ideologiya>

televizor-protiv-holodilnika.html?ysclid+ma8hbumw6r480954958 (дата обращения: 03.05.2025).

113. Иренеев, Б.К. Толва-ярви и Ягля-ярви: в озерном краю // Оболганская победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма [Электронный ресурс]. URL: <http://history.wikireading> (дата обращения: 31.12.2024).

114. Кавалерян, А. История и теория fake news: как их производили со времен Древнего Рима и как отличить их от правды [Электронный ресурс]. НОЖ [сайт]. URL: <https://knife.media/fake-news-history/?ysclid=miatreet1z69583655>

115. Как выжить после Нового года: чек-лист для выхода из праздничной «комы» [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: http://dzen.ru/a/X_xR1tGpBkHKz1Jo?ysclid=m8psx6lj4m77185759 (дата обращения: 26.03.2025).

116. Как на Руси сохраняли свежесть продуктов без холодильников [Электронный ресурс]. URL: <https://cgon.rosпотребнадзор.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

117. Как найти своего мастера на всю жизнь? [Электронный ресурс]. MOM.LIFE [сайт]. URL: <http://mom.life/post/5ed3e07531e5c929eb7b1d16-hochu-napisat-blagodarstvennyj> (дата обращения: 24.03.2025).

118. Как начать новый год с новыми силами? [Электронный ресурс]. Культура Екатеринбурга [сайт]. URL: http://культура.екатеринбург.рф/common_content/item/city_post/2252?ysclid=m8pt7r6eek733898957 (дата обращения: 26.03.2025).

119. Как побыстрее выйти из новогодней комы? [Электронный ресурс]. [Вопрос в группе ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, СМИ]. VK «Ответы Mail» [интернет-служба вопросов и ответов]. URL: <http://otvet.mail.ru/question/11615793?ysclid=m8qu2ove8g99551867> (дата обращения: 24.03.2025).

120. Как правильно выйти из «майонезной комы». Международный разгрузочный день [Электронный ресурс]. РАДИО SPUTNIK [сайт]. URL:

<http://radiosputnik.ru/2021015/1592049501.html?ysclid=m8qw1c511585680278> (дата обращения: 24.03.2025).

121. Как следует оценивать христианские мотивы в творчестве Б.Л. Пастернака? Можно ли говорить о его христианском мировоззрении? [Электронный ресурс]. Вопросы священнику. ПРАВОСЛАВИЕ.RU [сайт]. URL: <https://pravoslavie.ru/7010.html?ysclid=m77flgv0a5389637685> (дата обращения: 16.02.2025).

122. Как цифровая экономика меняет нашу жизнь [Электронный ресурс]. ПостНаука [сайт]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/156608/> (дата обращения: 01.05.2023).

123. Какой мировой футболист слыл «сосисочным королем» среди одноклассников? // Ответы на кроссворд АиФ 1 2017 [Электронный ресурс] // Справочная и Сливочная [сайт]. [2017] URL: <http://spravkasleavka.ru> (дата обращения: 02.01.2025).

124. Калинина, Ю. Главный выбор 2016: холодильник против холодильника. Кого будем спасти? [Электронный ресурс]. MK.RU [сайт]. URL: <http://www.Mk.ru/social/2016/01/01/glavnyy-vybor-2016-kholodilnik-protiv-kholodilnika.html?ysclid=mdt46d90z4644087739> (дата обращения: 01.08.2025).

125. Капсульный гардероб 2025: что это и как его составить. Инструкция с фото и советами стилистов [Электронный ресурс]. LENTA.RU [сайт]. URL: <http://lenta.ru/articles/2025/03/26/kapsulnyy-garderob/> (дата обращения: 30.07.2025).

126. Карпенко, К.Е. Миф о клиповом мышлении [Электронный ресурс]. Учительская газета [сайт]. URL: <http://ug.ru/mif-o-klipovom-myshlenii/> (дата обращения: 27.07.2025).

127. Карфидов, А. 15 умных вещей для дома, которые могут вам пригодиться [Электронный ресурс]. KARFIDOVLAB [сайт]. URL:

<https://karfidovlab.com/news/15-umnyh-veshchey-dlya-doma-kotorye-mogut-vam-prigoditsya/?ysclid=meedx92uco116626910> (дата обращения: 08.05.2023).

128. Каталог интернет-магазина ЕМКОЛБАСКИ [Электронный ресурс]. URL: <http://emkoibaski.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

129. Каталог интернет-магазина ЮРЕАЛ [Электронный ресурс]. URL: <http://yurealfood.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

130. Каталог торговой площадки сообщества Steam [Электронный ресурс]. URL: <http://steamcommunity.com> (дата обращения: 31.12.2024).

131. Каткова, В. Здесь мопсы не рассказывают сказки [Электронный ресурс]. URL: <http://mybook.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

132. Качалов, А.В Санкт-Петербурге воссоздали блокадную квартиру [Электронный ресурс]. Петербургский дневник [сайт]. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2019-01-16/v-sanktpeterburge-vossozdali-blokadnuyu-kvartiru> (дата обращения: 25.02.2023).

133. Клевая сосисочная фотозона! // Воздушные шары «Михаил Шариков Ульяновск» [Электронный ресурс] // ВКонтакте: Сообщения, видеочат [сайт]. [2019]. URL: <http://vk.com> (дата обращения: 31.12.2024).

134. Клиповое мышление: что это? [Электронный ресурс]. PROGKIDS [сайт]. URL: <http://www.progkids.com/blog/klipovoe-myshlenie-chto-eto> (дата обращения: 27.07.2025).

135. Кляхин, Д. Елки – в палки: москвичей призывают экологично утилизировать новогодние деревья [Электронный ресурс]. В|Г [сайт]. URL: <http://www.Vedomosti.ru/gorod/sartcity/articles/moskvichei-prizivayut-ekologichno-utilizirovat-novogodnie-derevya> (дата обращения: 27.03.2025).

136. Князева, А. Что такое «режим гоблина» и как его распознать у своих близких [Электронный ресурс]. МК. RU. Санкт-Петербург [сайт]. URL: <https://spb.mk.ru/social/2022/12/19/chto-takoe-rezhim-goblina-i-kak-ego-raspoznat-u-svoikh-blizkikh.html?ysclid=mia71imadl842150890> (дата обращения: 27.07.2025)

137. Козельская, Н. Клубничная луна: что это за явление и когда его можно будет наблюдать [Электронный ресурс]. РИАМО [сайт]. [2025]. URL: http://riamo.ru/articles/istorii/klubnichnaja-luna-chto-eto-za-javlenie-i-rogda-ego-mozhno-budet-nabljudat/?from=inf_cards (дата обращения: 07.07.2025).

138. Колесова, Е. «Клубничная луна»: что это за явление и когда его можно увидеть в 2025-м. [Электронный ресурс]. РБК Life [сайт]. [2025]. URL: <http://www.rbc.ru/life/news/665559c129f7947e6583a8ca5?ysclid=mcrawdqszs426997240> (дата обращения: 07.07.2025).

139. Кондратенко, Ю. Псы войны!!! [Электронный ресурс]. Жемчужины мысли [сайт]. URL: <http://www.inpearls.ru/984564?ysclid=mek9yyqfgl863497345> (дата обращения: 20.08.2025).

140. Коннова, Н. Как правильно выйти из новогодней комы [Электронный ресурс]. СоцИнформБюро [сайт]. URL: <http://volgasib.ru/virtual/obshestvo/kak-pravilno-vyjti-iz-novogodnej-komy/> (дата обращения: 24.03.2025).

141. Коновалов, В. В чем феномен книги Архимандрита Тихона «Несвятые святые»? [Электронный ресурс]. Православие. ру [сайт]. URL: <http://pravoslavie.ru/55634.html?ysclid=megkkhxflg665482> (дата обращения: 18.08.2025).

142. Контуриев, В. Тургеневский дворик на Остоженке [Электронный ресурс]. Картины современных художников [сайт]. URL: <https://artnow.ru/kartina-Turgenevskiy-dvorik-na-Ostozhenke-hudozhnik-Konturiev-Vyacheslav-1076215.html?ysclid=m7ij1pz0kr36048189> (дата обращения: 24.02.2025).

143. Корсаков, М. Тихая роскошь: что нужно знать о стиле современной элиты [Электронный ресурс]. VC.RU [сайт]. URL: <http://vc.ru/flood/758009-tihaya-roskosh-chto-nuzhno-znat-o-stile-sovremennoi-elity> (дата обращения: 30.07.2025).

144. Корыта вместо денег [Электронный ресурс]. АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ. ARCHIVE. AIF.RU [сайт]. URL:

<http://archive.aif.ru/archive/16355321?ysclid=m8jp1hwf8b881242296> (дата обращения: 16.04.2025).

145. Корягина, О. От белых до черных: откуда взялись и что означают разноцветные «воротнички». [Электронный ресурс]. hh Ищу работу [сайт]. URL: <http://chelyabinsk.hh.ru/article/29842?ysclid=mein1wi6jg734086423> (дата обращения: 19.08.2025).

146. Косолапов, А.В. Сосисочное дерево // Сосисочное дерево и другие папины истории [Электронный ресурс]. URL: <http://livelib.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

147. Костиков, В. Новые бедные или нищеброды? [Электронный ресурс]. Аргументы и факты [сайт]. URL: https://aif.ru/politics/opinion/novye_bednye_ili_nishchebrody?ysclid=meed2h57ia809673500 (дата обращения: 05.05.2024).

148. Крастошевский, К. Зимняя вишня [Электронный ресурс]. Избачитальня [сайт]. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/831551/> (дата обращения: 19.05.2025).

149. Креативные индустрии: стоит ли в них работать бизнесу и какие есть меры поддержки [Электронный ресурс]. СБЕР Бизнес Live c]. URL: <http://sberbusiness.live/publications/kreativnye-industrii> (дата обращения: 30.07.2025).

150. Кто такой Бриллиантовый директор? [Электронный ресурс]. Орифлейм / Орифлейм Ульяновск [запись на стене]. ВКонтакте [социальная сеть]. URL: http://m.vk.com/wall-86559671_1607?ysclid=md6bwi4omm292958101 (дата обращения: 20.07.2025).

151. Кудряшов, К. Псы с городских окраин. Почему опасен «сосисочный гуманизм»? [Электронный ресурс]. Аргументы и Факты [сайт]. [2022]. URL: <http://aif-ru.turbopages.org> (дата обращения: 31.12.2024)

152. Кузнецова, Т. Спелые в августе падают яблоки [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2016/08/19/5241> (дата обращения: 19.02.2025).

153. Кузнецова, Э. «Тыкводворье» с «Котами и тыквами»: «Тыквенный спас» впервые пройдет в Елабужском районе [Электронный ресурс]. Татаринформ [сайт]. [13.10.2023]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/tyrvodvore-s-kotami-i-tykvami-tykvennyi-spas-vpervye-proidet-v-elabuzskom-raione-5922733> (дата обращения: 21.01.2025).

154. Кушбоков, Д. Сосисочный дождь [Электронный ресурс] // Шедеврум [сайт]. [2010]. URL: <http://shedevrum.ai> (дата обращения: 31.12.2024).

155. Леву в приюте не замечают // Приют Некрасовка.glagazami_volontera [Электронный ресурс] // ДЗЕН [сайт]. [2022]. URL: <http://dzen.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

156. Легарева, Т. Цифровой интеллект – (digital-интеллект) [Электронный ресурс]. Знанию [сайт]. URL: https://znanio.ru/media/statya_tsifrovoj_intellekt_digital_intellekt-353223 (дата обращения: 01.05.2023).

157. Легенды СССР. Как туалетная бумага «попала» в колбасу [Электронный ресурс]. ЦАРЬГРАД [сайт]. [2023]. URL: <http://tsargrad-tv.turbopages.org> (дата обращения: 31.12.2024)

158. Лекомцева, Ю. Чарльз пальцы-сосиски: опухшие руки Карла III указали на серьезные проблемы со здоровьем [Электронный ресурс] // Пятый канал [сайт]. [2022]. URL: <http://5-tv.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

159. Леопардовый флешмоб: узнай себя на фото [Электронный ресурс]. KP.RU [сайт]. [2014]. URL: <http://www.ugra.kp.ru/photo/56517/> (дата обращения: 31.07.2025).

160. Ликсутов, М. Каждое второе промпредприятие Москвы реализует зеленые инициативы [Электронный ресурс]. РИА НОВОСТИ [сайт]. [2024]. URL: <http://ria.ru/20241220/Moskva-1990356837.html> (дата обращения: 17.07.2025).

161. «Мама не в порядке»: симптомы послеродовой депрессии. Чем она грозит? Объясняет психиатр [Электронный ресурс]. ДЗЕН [сайт]. URL: <http://dzen.ru/a/Z770V-AQbBCAPQ31> (дата обращения: 24.07.2025).

162. Мамонова, Е. Строительная отрасль переходит на «зеленые» принципы [Электронный ресурс]. RG.RU Проекты [сайт]. URL: <http://rg.ru/2024/02/27/dom-bez-vrednyh-privychek.html> (дата обращения: 16.10.2025).

163. Маникюр «голые ногти»: в чем его преимущества и как его сделать [Электронный ресурс]. ANNA KEY [сайт]. URL: <http://www.anna-key.ru/blog/manikyur-golyj-nogot/?ysclid=mdp1xpm8b981609495> (дата обращения: 30.07.2025).

164. Марголис, М. Полный пердюомонокль [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

165. Маршак, С. Умные вещи [Электронный документ]. Библиотека поэзии [сайт]. URL: <http://marshak.o uc.ru/umnye-veshchi.html> (дата обращения: 01.05.2023).

166. Масленникова, О. Издевки над монархом: больного Карла III высмеивают из-за дефекта внешности [Электронный ресурс] // 7 дней.ru [сайт]. [2023]. URL: <http://7days.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

167. Матвеева, К.В. Как защитить себя от «новогодней комы» [Электронный ресурс]. b17.ru [сайт]. URL: <http://www.b17.ru/article/95161/> (дата обращения: 24.03.2025).

168. Медведев высказался о «свинтивших уродах» и предложил закрыть им навсегда въезд в Россию [Электронный ресурс]. Фонтанка. ру [сайт]. [2022]. URL: <http://www.Fontanka.ru/2022/12/28/71936726/?ysclid=md4nz8siu311275776311275776> (дата обращения: 15.07.2025).

169. Медведев предостерег США от выбора в президенты «парня с деменцией» [Электронный ресурс]. Радио РБК [сайт]. [2023]. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/646ffb339a7947e6358f4da6> (дата обращения: 12.01.2026).

170. Медоева, Э. 30 уютных тем для разговоров с подругой до самого утра [Электронный ресурс]. marie claire [сайт]. URL: <http://www.marieclaire.ru/psychology/30-uyutnykh-tem-dlya-razgovorov-s-podrugoi-do-samogo-utra/> (дата обращения: 27.07.2025).

171. Ментальная арифметика и Скорочтение в Челябинске [пост]. ВКонтакте [социальная сеть]. URL: <http://m.vk.com/arifmetik74?from=group> (дата обращения: 22.07.2025).

172. Методическая рассылка №5/2922 Клиповое мышление. Что это такое? [Электронный ресурс]. URL: <http://nacedu.by/assets/files/05-2022-metodicheskaya-rassylka.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

173. Мирзаян, Г. «Свинтившие уроды» или «испуганные патриоты»? Как быть с ними государству [Электронный ресурс]. Регnum [сайт]. [2022]. URL: <http://regnum.ru/article/3765782?ysclid=md4o7nfbnk127720709> (дата обращения: 15.07.2025).

174. Мифы советско-финляндской войны 1939-1940 гг. [Электронный ресурс] // Военно-исторический форум Military.Isc [сайт]. [2018]. URL: <http://istorya.pro> (дата обращения: 31.12.2024).

175. Михайлов, В. «Почему я должен менять свою веру?!»: в Киево-Печерскую лавру завезли провокаторов. Церковный майдан начался [Электронный ресурс]. MK.RU [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/03/31/pochemu-ya-dolzhen-menyat-svoyu-veru-vkievopecherskuuyu-i-provokatorov.html?ysclid=mdao98mwn11267700617> (дата обращения: 19.07.2025).

176. Михайлов, Д. Как выйти из «углеводной комы» после новогодних застолий, рассказала диетолог [Электронный ресурс]. Мир 24 [сайт]. URL: <http://mir24.tv/news/16621961/kak-vyjti-iz-uglevodnoj-komy-posle-novogodnih-zastolij-rasskazala-dietolog> (дата обращения: 24.03.2025).

177. Михайлова, В. Зеленые инициативы: от восстановления природы до экопросвещения [Электронный ресурс]. MK.RU [сайт]. URL: <http://www.mk.ru/social/2025/06/05/zelenye-iniciativy-ot-vosstanovleniya-prirody-do-ekoprosveshheniya.html?ysclid=mi1jgh9mom195592889> (дата обращения: 17.07.2025).

178. Михайлова, В. Зеленые технологии и их роль в устойчивом развитии [Электронный ресурс]. Сохрани лес [сайт]. URL: <http://new2.forest-save.ru/esg-blog/ze>

l e n y i e - t e x n o l o g i i - r o l v u s t o j c h i v o m - r a z v i t i i ? y s c l i d = m i 1 h z s b q 7 w 9 1 2 3 9 7 7 4 8 (дата обращения: 16.10.2025).

179. Модные тенденции на рынке новостроек: Дом с именем [Электронный ресурс]. Russian Pealty [сайт]. URL: <https://www.russianrealty.ru/analytic/articles/companies/701371/?ysclid=m7hwo3qe564208753> (дата обращения: 23.02.2025).

180. Можно сделать «тургеневский дворик»: что мешает навести порядок в самом «убитом» дворе в центре Челябинска [Электронный ресурс]. KP.RU [сайт] URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/27589/4940710/?from=smreg> (дата обращения: 24.02.2025).

181. Диета годовасу [Электронный ресурс]. EVA.RU [форум]. URL: <https://eva.ru/kids/messages-2381165.htm?ysclid=mkboggssuk596225772> (дата обращения: 12.01.2026).

182. Мои «годовасики» [Электронный ресурс]. Мастерская Пыхтелкина [сайт]. URL: https://Pyhtelkina.blogspot.com/2013/11/blog-post_19.html?m=1 (дата обращения: 31.07.2025).

183. Мои «годовасики» [Электронный ресурс]. Клумбы и цветники своими руками|Растения|Сад [запись на стене]. ВКонтакте [Социальная сеть]. [2022]. URL: http://m.vk.com/wall-121938109_46182 (дата обращения: 31.07.2025).

184. Молоко киснет [Электронный ресурс]. LENTA.RU [сайт]. [2009]. URL: <http://lenta-ru.turbopages.org> (дата обращения: 31.12.2024).
185. Морозов, И. Преображение Господне [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2014/08/18/1871?ysclid=m7b047mzvg177294854> (дата обращения: 19.02.2025).
186. «Мы выходили на сцену в трусах». Чем покоряла страну группа «На-На» [Электронный ресурс]. Москва. Доверие [сайт]. [2023]. URL: <http://www.doverie-tv.ru/articles/76?ysclid=ma73sab5pv665827761> (дата обращения: 02.05.2025).
187. Начался сосисочный бум // Доминикана [Электронный ресурс] // Одноклассники: Социальная сеть [сайт]. [2013]. URL: <http://ok.ru> (дата обращения: 31.12.2024).
188. Наши годовасики [Электронный ресурс]. Солнышко [детский портал]. [2002]. URL: http://solnet.ee/holidays/s7_14 (дата обращения: 31.07.2025).
189. «Незнаменитая» война СССР и Финляндии: причины и уроки конфликта двух стран 75 лет назад [Электронный ресурс] //ТАСС [сайт]. [2014]. URL: <http://tass.ru> (дата обращения: 05.01.2025)
190. Некрасов, Н. В России вместо Хеллоуина будут отмечать Тыквенный Спас. Почему церковь это не одобряет [Электронный ресурс]. 74.RU [сайт]. URL: <https://74.ru/text/?wrid=2023/10/25/72843671/?ysclid=m6nvdq5e45199720240> (дата обращения: 21.01.2025).
191. «Несвятые святые» архимадриита Тихона: рассказ автора о книге [Электронный ресурс]. Правмир [сайт]. URL: <http://www.pravmir.ru/nesvyatye-cvyatye-arximadrita-tixona-rasskaz-avtora-o-knige-video/> (дата обращения: 17.08.2025).
192. «Несвятые святые» и другие рассказы» – книга года [Электронный ресурс]. Православие.ру [сайт]. URL: <http://pravoslavie.ru/55913.html> (дата обращения: 17.08.2025).

193. Неужели кошачьи боги услышали мои молитвы <...> [Электронный ресурс] // КОТОМАТРИЦА [сайт]. [2010]. URL: <http://kotomatrix.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

194. Нефёдкин, А.К. Использование собак в римском военном деле [Электронный ресурс]. Военно-исторический журнал Para bellum [сайт]. URL: http://parabellum.vzmakh.ru/n12_s7.shtml (дата обращения: 20.08.2025).

195. Нефёдова, А. Преображение: что нужно знать верующим [Электронный ресурс]. SPUTNIK [сайт]. URL: <https://sputnik.by/20210819/preobrazhenie-gospodne-cgto-nuzhno-znat-veruyuschim-1055755094.html?ysclid=m7bj91dr112064105> (дата обращения: 19.02.2025).

196. Никитская, Е. Антон Кульбачевский рассказал о правилах акции «Елочный круговорот». Окончен бал – сдавайте елку [Электронный ресурс]. MK.RU [сайт]. URL: <http://www.mk.ru/Moscow/202112/27fnton-kulbachevskiy-rasskazal-o-pravilakh-akcii-elochnyy-krugovorot.html> (дата обращения: 27.03.2025).

197. Ничего Вы не понимаете! Это особый ритуал на сосисочный дождь // «Вояж» – грузоперевозки по Архангельской области [Электронный ресурс] // ВКонтакте: Сообщения, видеочат [сайт]. [2023]. URL: <http://vk.com> (дата обращения: 31.12.2024).

198. Новогодняя пищевая кома – лучшее изобретение человечества [Запись на стене]. Алло! Пицца /Северное Бутово [Группа]. VK [социальная сеть]. URL: http://m.vk.com/wall-200705158_1889?ysclid=m8qy0ncg9x895620576 (дата обращения: 24.03.2025).

199. Новый термин – «новые бедные» [Электронный ресурс]. URL: <https://inpearis-ru.turbopages.org> (дата обращения: 05.05.2024).

200. Основные тренды Telegram-каналов в 2025 году [Электронный ресурс]. Ника 5 [сайт]. URL: <http://nika-5.ru/articles/kontent-marketing/trendy-telegram-kanalov-v-2025-ochem-pisat>

htoby sobrat auditoiyu /?ysclid=mdht8knr9e897433092 (дата обращения: 24.07.2025).

201. Панеш, Б. «Зеленое» строительство. Как Россия встраивается в мировой тренд [Электронный ресурс]. N+1 [сайт]. URL: <http://nplus1.ru/material/2023/12/11green-building> (дата обращения: 16.10.2025).

202. Панова, Ю. Сосисочный марафон: в столице прошел турнир пожирателей хот-догов [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва [сайт]. [2020]. URL: <http://vm-ru.turbopages.org> (дата обращения: 31.12.2024).

203. Парамонова, Н. История «зеленых» движений [Электронный ресурс]. Атомный эксперт [сайт]. URL: http://atomicexpert.com/history_green_organizations (дата обращения: 16.10.2025).

204. Патановская, Е. Британия и Евросоюз ведут «сосисочную войну» [Электронный ресурс]// [сайт]. [2021]. URL: <http://ridus.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

205. Патриарх Кирилл назвал святость русской национальной идеей [Электронный ресурс]. Интерфакс [сайт]. URL: <http://www.unterfax.ru/russia/386562> (дата обращения: 18.08.2025).

206. Персональный шопинг со стилистом. Личный опыт [Электронный ресурс]. porusski.me [сайт]. URL:<http://porusski.me/2019/03/04-personalnyj-shopping-so-stilistom-lichnyj-optyt/?ysclid=mdp2wbczk151535547> (дата обращения: 30.07.2025).

207. Пищевой мусор [Электронный ресурс]. Броско фитнес [сайт]. URL: <http://www.brosko.ru/blog/post/163> (дата обращения: 30.07.2025).

208. Платонова, Е. Что делать женщине, если она столкнулась с домашним насилием [Электронный ресурс]. Лайфхакер [сайт]. URL: <http://lifehacker.ru/domashnee-nasilie/> (дата обращения: 24.07.2025).

209. По Москве Тургенева: с Остоженки на Моховую и к Чистым прудам [Электронный ресурс]. mos.ru [сайт] URL: <https://www.mos.ru>

Mos.ru/news/item/47458073/?ysclid=m7rcgg2lli119629576 (дата обращения: 24.02.2025).

210. Поберей, Е. «Я задумалась, для чего я живу»: модель из Челябинска срезала длинные волосы и отдала на парики для детей с онкологией [Электронный ресурс]. КП Челбинск [сайт]. URL: <http://www.chel.kp.ru/daily/27583/4909123/> (дата обращения: 24.03.2025).

211. Позднякова, М. «И вещь найдется». 20 цитат из «Несвятые святые» владыки Тихона (Шевкунова) [Электронный ресурс]. Аргументы и факты AIF.RU [сайт]. URL: <http://aif.ru/society/religion/-v-veshch-naydyotsya-20-citatiz-nesvyatye-svyatye-vladyki-tihona-shevkunova?ysclid=meftvzr8gi118485568> (дата обращения: 17.08.2025).

212. Полна Россия идиотами; Какой же это кринж; Велика Россия и дураков полно: комментарии к публикации «У кого-то Хэллоуин, а у нас – Тыквенный спас!» // Mash|Мэш: страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. 24 октября 2023 . [Электронный ресурс].U

R L : https://m.vk.com/wall-112510789_9699719?ysclid=m7bnr1kvyd913424251 (дата обращения: 19.02.2025).

213. Попова, Т.Ю. Сказания Тианы Обновительницы Рода. Сказки моих учениц [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

214. Порядина, И.А. Маркус и золотая чаша. Сказочная повесть [Электронный ресурс]. URL: <http://mybook.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

215. Почему нам так нравится уютная жизнь? Р/С/ Это связано с ненадежностью внешнего мира [Электронный ресурс]. ELLE.KZ [сайт]. URL: <http://elle.com.kz/roc>

h e m u - n a m - t a
k - n r a v i t s j a - u j u t n a j a - z h i z n / ? y s c l i d = m d k f x
rhl7k323410257 (дата обращения: 27.07.2025).

216. Почему не состоялась «сосисочная дуэль», или три необычные дуэли прошлого // Marga: просто история [Электронный ресурс] // ДЗЕН [сайт]. [2024]. URL: <http://dzen.ru> (дата обращения: 31.12.2024); Бисмарк и его сосисочная дуэль // Историческое путешествие [Электронный ресурс] // Одноклассники: [Социальная сеть]. [2022]. URL: <http://ok.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

217. Поющие трусы как феномен российской эстрады [Электронный ресурс]. БЕЗФОРМАТА [сайт]. URL: <http://Ekaterinburg.bezformata>.

com/1isstnews/royusshiye-trussi-kak-fenomen/2185364?ysclid=m8ozqs03c676425245 (дата обращения: 02.05.2025).

218. Поющие трусы: Грустная песня пятой колонны [Электронный ресурс]. Телеканал Царьград [сайт]. URL: http://mekb.tsargrad.tv/articles/pojushchie-trusy-grustnaja-pesnya-pjatoj-kolonny_679280?ysclid=ma7eu6bjn247674452 (дата обращения: 02.05.2025).

219. «Поющие трусы» не могут убежать от печальной судьбы [Электронный ресурс]. НТВ [сайт]. URL: <http://www.ntv.ru/Novosti/3092956?ysclid=m8lcctt3n23863310004> (дата обращения: 02.05.2025).

220. Православный взгляд. Несвятые святые [Электронный ресурс]. Союз [сайт]. URL: <http://tv-soyuz.ru/Pravoslavnyy-vzglyad-Nesvyatye-svyatye> (дата обращения: 17.08.2025).

221. Предпринимательство как служение. Представление о труде и богатстве в менталитете русского купечества [Электронный ресурс]. Миссионерский отдел Московской Митрополии [сайт]. URL: <http://mis.sia.me/predprinimatelst>

v o - k a k - s l u z h e n i
 e - p r e d s t a v l e n i e
 - o - t
 r u d e - i - b o g a t s t v e - v - m e n t a
 litete- russkogo - kipechestva/?ysclid=meeviltb59951441
 (дата обращения: 05.05.2024).

222. Пресс-конференция «Об организации и проведении акции по сбору и утилизации новогодних елей «Елочный круговорот» сезона 2021-2022 гг. [Электронный ресурс]. Информационный Центр Правительства Москвы [сайт]. URL: <http://icmos.ru/press/press-konferenciya-ob-organizacii-i-provedenii-akcii-po-sboru-i-utilizacii-novogodnix-elei-elochyi-krugovorot-sezona-2021-2022gg?ysclid=m8sxj98hs497295638> (дата обращения: 27.03.2025).

223. «Пришло время выходить из новогодней комы!»: Анфиса Чехова поделилась планами на ближайшие дни [Электронный ресурс]. OVIDEO [сайт]. URL: <http://ovideo.ru/news/309774> (дата обращения: 24.03.2025).

224. «Приятно, когда делаешь добро»: Восьмилетняя девочка из Челябинска пожертвовала свои волосы на парики для онкобольных детей [Электронный ресурс]. LIFE [сайт]. URL: <https://life.ru/p/1427909> (дата обращения: 12.01.2026).

225. Производство сосисок [Электронный ресурс] // PECHOTA [сайт]. [2021]. URL: <http://resnota.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

226. «Псы войны» в Курской области: военный эксперт про «кровавые вакханалии» и мародерство наемников [Электронный ресурс]. Украина.ru [сайт]. URL: <http://ukraina.ru/20250715/psy-voyny-v-kurskoy-oblasti-voennyye-kspertert-proro-krrovavyye-vakhanaliye-maroderstvo-naemnikov-1065239180.html?ysclid=mek70az8hv926647046> (дата обращения: 20.08.2025).

227. Пулях, И.А. Дед Бидон [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihii.ru/2022/12/14/8696> (дата обращения: 18.03.2025).

228. Путешествие в мир жилья: от Гидростоя до Новой Адыгеи [Электронный ресурс]. KP.RU [сайт]. URL: <https://www.kuban/kp/daily/26393.4/3269486/> (дата обращения: 23.02.2025).

229. Рабочий режим сбит, а новые задачи не дремлют? [Запись на стене]. Сама Природа|Здоровье|Продукция|Травы. [Группа]. VK [социальная сеть]. URL: http://m.vk.com/wall-211857134_1416?ysclid=m8qulpwdv0711789878 (дата обращения: 24.03.2025).

230. Разговоры в пользу нищих. Зачем ввели термин «граница бедности» [Электронный ресурс]. URL: <https://aif.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

231. «Раздача слонов» [Электронный ресурс]. Форум для общения на любые темы // FORUMME XLER.RU. [сайт]. URL: <http://clab443.ru/arc/index.php?s=0&showtopic=6473&ysclid=m9kbbsvsy9175364109> (дата обращения: 16.04.2025).

232. Рассказова, Л.В. Культурное пространство городской и сельской дворянской усадьбы //Уваровские чтения X. Физиognомика города: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Муром, 19–21 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. [сайт] URL: <https://museum-murom.ru/scientific-work/materialy-konferencij-muzeya/konferenciya-uvarovskie-cteniya/uvarovskie-cteniya-x> (дата обращения: 24.02.2025).

233. Рождественский, Р. Родина моя. [Электронный ресурс]. КУЛЬТУРА.РФ [сайт]. URL: <https://culture.ru/poems/42524/rodina-moya?ysclid=m6i7w5uwnu974527245> (дата обращения: 28.05.2023).

234. Ромашков, А. «Зерновая война» Украины с соседями, возможно, остановилась: стороны сообщают о поиске компромиссов [Электронный ресурс] // BFM.RU [сайт]. [2023]. URL: <http://bfm.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

235. Рудашевская, О. «Если ты комсомолец, ты не должен ничем страдать»: почему в СССР не ходили к психиатрам [Электронный ресурс].

Газета.ru [сайт]. URL: <http://www.gazeta.ru/family/2022/07/17/15130166.shtml?ysclid=mdg636u8w013572063> (дата обращения: 23.07.2025).

236. Рулёва, Н. Новогодняя кома отменяется [Электронный ресурс]. TUS_ [блог]. LIVEJOURNAL [сайт]. URL: <http://users/livejournal.com/tus-206347.html?noscroll#comments> (дата обращения: 24.03.2025).

237. Румянцева, Т. Псы войны [Электронный ресурс]. Поэмбук [сайт]. URL: <http://poembook.ru/poem/3040477-psy-vojny> (дата обращения: 20.08.2025).

238. Руперт и машина погоды [Электронный ресурс] // IMDb [сайт]. URL: <http://imdb.com> (дата обращения: 04.01.2025).

239. Рутов, И. Заключенные устроили сосисочный бунт (фото, видео) [Электронный ресурс] // TOPNEWS [сайт]. [2007]. URL: <http://topnews.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

240. С новым годом! [Электронный ресурс]. Общение [форум]. Уральский клуб любителей off-road NIVER.RU [сайт]. URL: <http://niver.ru/viewtopic.php?t=4198&lofi=1> (дата обращения: 24.03.2025).

241. Самойлова, М. Дедушка ДЖО [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2022.02.17.2634> (дата обращения: 18.03.2025).

242. Сахаров, В. Северная война [Электронный ресурс]. Картослов. ру [сайт]. URL: http://karaslov.ru/книги.Василий_Сахаров_Северная_война/2#p7 (дата обращения: 20.08.2025).

243. Северянин, И. Сбор земляники [Электронный ресурс]. КУЛЬТУРА.РФ [сайт]. URL: <https://culture.ru/poems/28274/sbor-zemlyaniki?ysclid=m6itjp0xcn272885324> (дата обращения: 28.05.2023).

244. Секреты повседневного стиля: как создать универсальные луки? [Электронный ресурс]. LARNE [сайт]. URL: <http://larne.ru/blog/sekrety-povsednevnogo-stilya-rfr-sozdat-universalnye-luki/?yscklid=mdpyyh1841884254325> (дата обращения: 30.07.2025).

245. Сёмкин, О. Кома новогодняя [Электронный ресурс]. URL: <http://naytistih.ru/search/260445-koma-novogodnyaya.html> (дата обращения:

24.03.2025); Жильцова Н. Новогодняя кома [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <http://stihi.ru/2023/01/06/1703> ysclid=m8qzh3fr9h975784601 (дата обращения: 24.03.2025).

246. Сергушина, Г. Пока холодильник не в ладах с телевизором [Электронный ресурс]. Ставропольские вЕдомости [сайт]. URL: <http://st-vedomosti.ru/articles/2015/05/13/пока-холодильник-не-в-ладах-с-телевизором?ysclid=ma8jwp54to304147130> (дата обращения: 03.05.2025).

247. Сережкин, С. Хорошо в деревне летом [Электронный ресурс]. РуСтих. Стихи классиков [сайт]. URL: [https://rustih.ru/sergej-seryozhkin-xorosho -v- derevne - letom /?ysclid=m6hifuhy8b746211798](https://rustih.ru/sergej-seryozhkin-xorosho-v-derevne-letom/?ysclid=m6hifuhy8b746211798) (дата обращения: 21.01.2025).

248. Сидорчик, А. «Зовите меня Димон». Какие прозвища носят российские и мировые политики [Электронный ресурс]. Аргументы и факты AIF.RU [сайт]. URL: <https://aif.ru/politics/russia/43576> (дата обращения: 18.03.2025).

249. Сидорчик, А. Гувернанты предательства. Как иноагенты в России работали на капитуляцию [Электронный ресурс]. Аргументы и факты [сайт]. [2022]. URL: http://aif.ru/politics/Russia/guvernantly_predatelstva_kak_inoagenty_v_rossii_rabotali_na_kapitulyaciyu/?ysclid=md3fv0mx1f902714634 (дата обращения: 15.07.2025).

250. Симонов, О. Запахло весной [Электронный ресурс]. URL: <https://www.karaoke.ru/artists/butyrka/text/zapakhlo-vesnoj/> (дата обращения: 28.04.2023).

251. Сирфидов, И. Энциклопедия «Поцелуя феи». Часть 4. Рasa фей [Электронный ресурс]. Картослов.ру [сайт]. URL: http://kartaslov.ru/книги.Иван_Сирфидов_Энциклопедия_Поцелуя_феи_Часть_4_Rasa_фей (дата обращения: 24.03.2025).

252. Словарь терминов сетевого маркетинга [Электронный ресурс]. OK soft [сайт]. URL: <http://oksoft.ru/terminy-marketinga/> (дата обращения: 24.03.2025).

oksoft.ru/dictionary_of_mlm?ysclid=mdbo6pbenj901180102 (дата обращения: 20.07.2025).

253. Смешные анекдоты к 1 мая [Электронный ресурс]. Бумбарашка [сайт]. URL: <https://bumbarashka.ru/jokes/trudyaschiesya-prosyat-pereimenovat-1-m> (дата обращения: 19.02.2025).

254. Смирнова, Н. Украшение клумб, корм животным и витаминная мука – во что обращаются живые новогодние ели [Электронный ресурс]. Сибирский областной [сайт]. URL: <http://sibirnews/2024-01-11-ukrashenieklumb-korm-zhivotnym-i-vitamininaya-muka-vochtoobratatsya-zhivye-novogodnie-eli/> (дата обращения: 24.03.2025).

255. Смотрицкая, О. Кто такая Зубная фея и как ее встречать: инструкция для родителей [Электронный ресурс]. Letidor [сайт]. URL: <http://letidor.ru/obrazovanie/kto-takaya-zubnaya-feya-i-kak-ee-vstrchat-instrukciya-dlya-roditelei.htm> (дата обращения: 24.03.2025).

256. Собянин, С. С пользой для экологии. Ёлочный круговорот [Электронный ресурс]. Сергей Собянин. Личный блог [блог]. URL: <http://www.Sobyanin.ru/yolochnyi-krugovorot> (дата обращения: 24.03.2025).

257. Соловьева, Е.Ф. Все оттенки бежевого: разбираем противоречивый тренд «Бежевая мама» по полочкам [Электронный ресурс]. Все психологи [сайт]. URL: <https://www.all-psy.com/stati/detail/11523> (дата обращения: 24.06.2025).

258. Сосисочная война (Makkarasota) // Военный музей Карельского перешейка [Электронный ресурс] // ВКонтакте: Сообщения, видеочат [сайт]. [2022]. URL: <http://vk.com> (дата обращения: 31.12.2024).

259. Сосисочная мудрость // Продвижение к Силе. Тайный семинар Карлоса Кастанеды [Электронный ресурс] // Инфопедия [сайт]. [2016]. URL: <http://infopedia.su> (дата обращения: 31.12.2024).

260. Сосисочное королевство [Электронный ресурс] // Ответы на русский кроссворд и журнал умных игр [сайт]. URL: <http://rkotv.ru> (дата обращения: 02.01.2025).

261. Сосисочные дела в школьной столовой // Провинция [Электронный ресурс] // ДЗЕН [сайт]. [2019]. URL: <http://dzen.ru> (дата обращения: 03.01.2025).

262. Сосисочные дни отменяются! // Prodobro team [Электронный ресурс] // Одноклассники: Социальная сеть [сайт]. [2024]. URL: <http://ok.ru> (дата обращения: 03.01.2025).

263. Сосисочные разборки [Электронный ресурс]. URL: <http://picabu.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

264. Сосисочный прикид [Электронный ресурс] // Решатель кроссвордов [сайт]. URL: <http://xcas.ru> (дата обращения: 02.01.2025).

265. Сосисочный рай Германии // Западная Европа [Электронный ресурс] // FoodЭстет [сайт]. [2014]. URL: <http://foodestet.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

266. Сосисочный рай и ад: как выбрать качественный продукт? [Электронный ресурс]. НДН.ИНФО [сайт]. [2019]. URL: <http://ndn.info> (дата обращения: 31.12.2024).

267. Сочетаемость слова уютный [Электронный ресурс]. Картослов [сайт]. URL: <http://kartaslov.ru/сочетаемость-слова.уютный> (дата обращения: 26.07.2025).

268. «Спустите боевых псов!» – кричал Марк Антоний над телом убитого Юлия Цезаря [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <http://dzen.ru/a/ZAivZISSI3Hz4-KS?ysclid=m8lfpkven888430198> (дата обращения: 20.08.2025).

269. Стрельникова, М. Валютные сбережения: стоит ли заменить доллар экзотическими валютами? [Электронный ресурс]. Bankiros [сайт]. URL: <http://bankiros.ru/news/valutnye-sberezhenia-stoit-li-zamenit-dollar-ekzoticskimi-valutami-16539> (дата обращения: 22.07.2025).

270. Строкер, М. «Властелин колец» как мэр Москвы Юрий Лужков не дал городу задохнуться в пробках [Электронный ресурс]. АвтоВзгляд [сайт]. URL: <http://www.avtovzglad.ru/obshestvo/socium/2019-12-10-vlastelin-kolets->

k a k - m e r - m o s
 k v y - j u r i j - l u z h k o v - n e - d
 a l - g o r o d u - z a d o h n u t s j a - v - p r o b k a h / ? y s c l i d = m d 3 2 6 j n 1 n 2 3 4 9 1 1 4 8
 43 (дата обращения: 14.07.2025).

271. Субботник на Черной речке: уборка отдыхающих [Электронный ресурс]. Зеленая инициатива [сайт]. URL: <http://i-ano.orgs.biz/news/37> (дата обращения: 17.07.2025).

272. Судя по вопросам у всех ... КОМА [Электронный ресурс]. [Вопрос в группе ЮМОР]. VK «Ответы Mail» [интернет-служба вопросов и ответов]. URL: <http://otvet.mail.ru/question/1163742?ysclid=8pzyxugyd185445046> (дата обращения: 24.03.2025).

273. Суслина, Г.А. Архетип феи. Энергия Изобилия [Электронный ресурс]. b17.ru [сайт]. URL: <http://www.b17.ru/article/archetyp-fei/> (дата обращения: 24.03.2025).

274. Сухинина, А. КисАнька [Электронный ресурс] // НТВ-ПЛЮС [сайт]. URL: <http://ntvplus.tv> (дата обращения: 04.01.2025).

275. Сухов, И. Властелин колец [Электронный ресурс]. Коммерсантъ [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4188697?ysclid=mkbjv9gbdl975559237> ((дата обращения: 12.01.2026).

276. «Табель о рангах», один из важнейших документов императорской эпохи. Наследие Петра. [Электронный ресурс]. Российское историческое общество [портал]. URL: http://historyrussia.org/index/php?ysclid=7145&option=com_content&view=article&ysclid=mei0yfacqa338693632 (дата обращения: 18.08.2025).

277. Тарабукина, В. Как очнуться от оливьешной комы и подготовиться к выходу на работу? [Электронный ресурс]. SakhaDay [сайт]. URL: <http://sakhaday.ru/news/kak-ochnutsya-ot-oliveshnoy-komy-i-podgotovitsya-k-vyhodu-na-rabotu?ysclid=m8qw9orav2475189351> (дата обращения: 24.03.2025).

278. Таратухина, Ю.В. Пространство городской культуры [Электронный ресурс]. Культуролог [сайт]. URL: <https://culturology.ru/content/view/3793/6/> (дата обращения: 24.02.2025).
279. Титко, А. Искусства больше: вторая «зеленая школа» открылась в Музееоне [Электронный ресурс]. KP.RU Москва [сайт]. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/27401.5/4597794/> (дата обращения: 16.10.2025).
280. Титова, Н. Поленов Василий. Московский дворик [Электронный ресурс]. Моя Третьяковка [сайт] URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8398> (дата обращения: 24.02.2025).
281. Тренды весна-лето 2025 года: женские образы с фото, модные луки и идеи для базового гардероба [Электронный ресурс]. VC.RU [сайт]. URL: <http://vc.ru/дшау/1856924-trendy-vesna-leto-2025-goda-zhenskie-obrazy-s-foto-modnye-luki-i-idei-dlya-bazovogo-garderoba> (дата обращения: 30.07.2025).
282. Трефилов, В. Юрий Поляков о «перелетной элите» и о том, что будет после победы на Украине [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. [2022]. URL: <http://dzen.ru/a/Y5Hode4byCm1onuP?ysclid=md4n38lxrn473688940> (дата обращения: 15.07.2025).
283. Тургеневский дуб не сдается! [Электронный ресурс]. Спасское-Лутовиново. Государственный природный мемориальный музей-заповедник И.С. Тургенева [сайт]. URL: <https://spasskoye-lutovinovo.ru/turgenevskij-dub-ne-sdayotsya/?ysclid=m7rmx6p5in868316236> (дата обращения: 24.02.2025).
284. «Тургеневский квартал» – мир писателя на Остоженке [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/ZsTMSY7xOwqv7xOwqv7-m-?ysclid=m7svpqtwd537046565> (дата обращения: 24.02.2025).
285. Туркова, К. Зимняя вишня, демография и бузотеры: слова символы и слова подмены [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/post/6277344-zimniaia-vishnia-demografiia-i-buzotery-slova-simvoly-i-slova-podmeny> (дата обращения: 25.02.2024).

286. «Ты на руки-то его погляди...» [Электронный ресурс] // Днепропетровская Народная Республика | ДНР [сайт]. [2022]. URL: <http://vk.com> (дата обращения: 31.12.2024).

287. Тыквенный Спас. Можно ли праздновать христианам? [Электронный ресурс]. Правмир [сайт]. URL: <https://www.Prvmir.ru/tykvennyj-spas/?ysclid=m6wmlev93o697474041> (дата обращения: 21.01.2025).

288. Тыквенный спас: альтернатива Хеллоуину или просто выдумка? [Электронный ресурс]. ФЕДЕРАЛПРЕСС [сайт]. URL: <https://fedpress.ru/article/3277386> (дата обращения: 21.01.2025).

289. Ужасы блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. FISHKI.NET [сайт]. URL: <https://fishki.net/1240360-uzhasy-blokadnogo-leningrada.html?ysclid=meebodpbvj957741155> (дата обращения: 25.02.2023).

290. Ульянов, Д.Г. Самоходный дед [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2023/10/03/1611?ysclid=m8exttf2o6858296664> (дата обращения: 18.03.2025).

291. Умные вещи – обратная сторона медали [Электронный ресурс]. Хабр [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/companies/icover/articles/388681/> (дата обращения: 08.05.2023).

292. Умные вещи: как IoT меняет все [Электронный ресурс]. СБЕР Про [сайт]. URL: <https://sber.pro/publication/umnye-veshchi-rfr-iot-menniaet-vsio/> (дата обращения: 08.05.2023).

293. Устинова, И. Как быть феей? // Школа реконструкции волос [Электронный ресурс]. ВКонтакте: Сообщения, видеочат [сайт]. [2025]. URL: http://vk.com/wall-209543472_29440?ysclid=m8msk887vi360658488 (дата обращения: 24.03.2025).

294. Ученые ТюмГУ изучили, как «зеленые инициативы» на уровне простых людей могут решить экологические проблемы [Электронный ресурс]. Naked Science [сайт]. URL: <http://naked-science.ru/article/column/uchenye-tymgu-izuchili-rfr-zelenye> (дата обращения: 17.07.2025).

295. Ученый Богачев рассказал, что термин «клубничная Луна» не связан с ее цветом [Электронный ресурс]. ТАСС НАУКА [сайт]. URL: <http://nauka.tass.ru / nauka/24195467> (дата обращения: 07.07.2025).
296. Уютные беседы [Электронный ресурс]. Дзен [сайт]. URL: <http://dzen.ru/agtalk?ysclid=mdkfkygly4147405302> (дата обращения: 26.07.2025).
297. Уютные разговоры [Видео]. ПРО БИЗНЕС [сайт]. URL: <http://www.probusinesstv.ru/programs/774/?ysclid=mdlewktroy2420177679> (дата обращения: 27.07.2025).
298. Федорова, О. «Сосисочные пальцы» короля Карла III навели на публику нехорошие мысли – фото [Электронный ресурс] // Утро.ру [сайт]. [2021]. URL: <http://utro.ru> (дата обращения: 31.12.2024)
299. Фильм-инструкция о том, как не нужно жить, и какой не нужно быть [Электронный ресурс]. URL: <https://irecommend.ru/content/film-instruktsiya-o-tom-kak-ne-nuzhno-zhit-i-kakoi-ne-nuzhno-byt> (дата обращения: 25.02.2024).
300. Форсайт, Ф. Псы войны [Электронный ресурс]. Livelib [сайт]. URL: <http://www.livelib.ru/book/1000243446-psy-vojny-frederik-forsajt> (дата обращения: 20.08.2025).
301. Харина, А. Фея волос: превращение в принцессу [Электронный ресурс]. Шедеврум [сайт]. URL: <http://shedevrum.ai/post/ac5905d2cc8811ef8fa8a27c8b66a70/?ysclid=m8mvnrq186573042> (дата обращения: 24.03.2025).
302. Хилинская, Л.А. Я зомбяша [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 28.04.2024).
303. Холодильник VS телевизор [Электронный ресурс]. Пикабу [сайт]. URL: http://pikabu.ru /story/kholodilnik_vs_televizor_fight_8154387?ysclid=ma8ik33gfl883274377 (дата обращения: 03.05.2025).
304. Хохлова, А. Сосисочный беспорядок. Трассу в Британии завалило полуфабрикатами после аварии [Электронный ресурс] // LIFE [сайт]. [2017]. URL: <http://life.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

305. Цветкова, А. Колбасный ад. «АиФ» проник в тайны мясокомбината [Электронный ресурс]. Аргументы и Факты [сайт]. [2015]. URL: <http://aif-ru.turbopages.org> (дата обращения: 31.12.2024)
306. Чарская. Л.А. Сказки Голубой феи [Электронный ресурс]. Азбука веры [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/skazki-oluboj-fei-lidiya-charskaya/> (дата обращения: 23.03.2025).
307. Черкасов, О.В. Домашнее насилие: как защитить себя и своих близких [Электронный ресурс]. ЕЮС [сайт]. URL: <http://els24.com/article/2448-domashnee-nasilie-kak-zashchitit-sebya-i-svoikh-blizkikh-ot-agresii-vseme/?ysclid=mdhmkn4hnt883042579> (дата обращения: 24.07.2025).
308. Чесноков, Э. 79 лет Джо Байдену: Как «Сонный Джо» усыпал всех конкурентов [Электронный ресурс]. KP.RU [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/283595/406776/> (дата обращения: 18.03.2025).
309. Что делать при домашнем насилии: пошаговое руководство защиты прав [Электронный ресурс]. ЮРИСТ онлайн [сайт]. URL: <http://juristonline.com/blog/detail/chto-delat-pri-domashnem-nasiliu-poshagovoe-rukovodstvo-zashchity-prav/> (дата обращения: 24.07.2025).
310. Что за чудовище такое «Годовасик»? [Электронный ресурс]. @ответы [сервис]. [2013]. URL: <http://otvet.mail.ru/question/202512983?ysclid=mdrlc0qzys305216965> (дата обращения: 31.07.2025)
311. Что такое горячий маникюр и как его сделать [Электронный ресурс]. The girl [сайт]. URL: <http://thegirl.ru/articles/chto-takoe-goryachii-manikyur-i-kak-ego-sdelat?ysclid=mdp2jtk12k531151352> (дата обращения: 30.07.2025).
312. Что такое цифровое мышление и зачем сотрудникам его развивать [Электронный ресурс]. Тренды [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/61c9fe6b9a7947469397f0fb/> (дата обращения: 01.05.2023).
313. Шаман, Ю. Психология «долгосрочных отношений»: что помогает парам оставаться вместе? [Электронный ресурс]. vc.ru [сайт]. URL: <http://vc.ru>

vc.ru/id4212726/1924953-psikhologiya-dolgorshchnykh-otnoshniy (дата обращения: 24.07.2025).

314. Шандерович, В. Плавленный сырок: Выпуск от 24.06.2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://shender.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

315. Шведова, Н.А. Время ягод и время любви [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2018/05/29/3386?ysclid=m6it5n6htp769929081> (дата обращения: 21.01.2025).

316. Шекспир, У. Юлий Цезарь [Электронный ресурс]. URL: http://Theatre-library.ru/files/sh/shakespeare/shakespeare_1933.doc (дата обращения: 19.08.2025).

317. Шелли, М. Смертный бессмертный [Электронный ресурс]. Картослов.ру [сайт]. URL: http://karaslov.ru/книги и.Мэри_Шелли_Смертный_бессмертный/2#108 (дата обращения: 20.08.2025).

318. Шиптенко, С.А. «Колбасная война» как символ российско-белорусского кризиса [Электронный ресурс] // РЕГНУМ [сайт]. [2014]. URL: <http://regnum.ru> (дата обращения: 31.12.2024).

319. Шкаленкова, П. Свой бизнес в индустрии красоты [Электронный ресурс]. Картослов.ру [сайт]. URL: http://kartaslov.ru/книги/Полина_Шкаленкова_Свой_бизнес_в_индустрии_красоты (дата обращения: 30.07.2025).

320. Шпед, Е. Диагноз: «поющие трусы». Интервью с певицей Вероной [Электронный ресурс]. Общая лента [блог]. URL: <http://www.Freewriter.ru/pages/verona.html?ysclid=ma7bhxyjev392914160> (дата обращения: 02.05.2025).

321. Штамп речевой [Электронный ресурс]. Большая российская энциклопедия 2004 - 2017 [сайт]. URL: <http://old.bigen.ru/linguistics/text/4921964?ysclid=mdltcdx4fv513691122> (дата обращения: 27.07.2025).

322. Щепетова, Т. Псы войны [Электронный ресурс]. ВКонтакте: общение в сети [запись на стене]. URL: http://m.vk.com/wall-82210876_2818 (дата обращения: 20.08.2025).

323. Ягодная неделя? Скидки на ягодное мыло! [Электронный ресурс] // Мыльное Удовольствие Елена [блог]. [2017]. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/2501411-yagodnaya-nedelya-skidki-na-yagodnoe-mylo> (дата обращения: 20.01.2025).

324. Ягодные скидки [Электронный ресурс] // Одноклассники: Социальная сеть [сайт]. [2022]. URL: <http://ok.ru> (дата обращения: 28.05.2023).

325. Яковлева, Ю. «Гниение мозга». Оксфордский словарь выбрал слово года [Электронный ресурс]. Фонтанка.ру [сайт]. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/12/02/74828792/?ysclid=mia82w92wq522708176> (дата обращения: 02.05.2025).

326. 31 октября – Хеллоуин: откуда пошел праздник, как отмечают в России и в мире [Электронный ресурс]. Известия iz [сайт]. URL: <https://iz.ru/1781709/2024-10-30/oktabra-hellouin-otkuda-posel-prazdnik-kak-otmecaut-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 31.01.2025).

227. Brito, C. Why June 2023's full moon is called the strawberry moon – and what it will look like when it lights up the night [Электронный ресурс]. CBS NEWS [сайт]. [2023]. URL: <http://cbsnews.com/news/why-June-2023-ful-moon-called-strawberry-moon/> (дата обращения: 07.07.2025).

328. Edwards, C. Pretty in pink Strawberry moon spiritual meaning: What does the June full moon symbolise? [Электронный ресурс]. The sun [сайт]. [2023]. URL: <http://www.thesun.co.uk/tech/sciece/11793789/strawberry-moon-Lunar-event-tonight/> (дата обращения: 07.07.2025).

329. Ellie Goulding. Феи красоты: 9 успешных бизнес-леди Екатеринбурга [Электронный ресурс]. Я ПОКУПАЮ [сайт]. [2025]. URL: <http://www.yapokupayu.ru/blogs/post/fei-krasoty-7-uspeshnyh-zhenschin-ekaterinburga-s-biznesom-v-byuti-sfere> (дата обращения: 24.03.2025).

330. Piona. Фея волос [Электронный ресурс]. Стихи.ру [сайт]. URL: <http://stihi.ru/2023/03/24/3964> ysclid=m8l659acgs82799895 (дата обращения: 24.03.2025).

331. Sausage party [Электронный ресурс]. URL: <http://fastslang.com> (дата обращения: 31.12.2024).

332. Turgenev [Электронный ресурс] URL: https://Turgenev-dom.ru/?utm_medium=banner&source=Yandex_maps&ysclid=m7xfawk1865129061 (дата обращения : 23.02.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

АВТОРСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Таблица 1 – Способы образования ФЕ в теории А.В Кунина

Тип	Комментарий, пояснения	Способ образования ФЕ
I. Образование ФЕ путем переосмыслиния переменных сочетаний слов	Тот или иной отход от буквального значения их компонентов	1.Полное переосмыслиние переменных словосочетаний 2.Частичное переосмыслиние переменных словосочетаний 3.Переосмыслиение переменных предложений
II. Образование ФЕ путем переосмыслиния устойчивых сочетаний нефразеологического характера	Употребляемые в прямом значении термины проходят 3-4 стадии формирования	1.Переосмыслиние терминов, профессионализмов
III. Образование ФЕ на основе потенциальных фразеологизмов	Образный характер этих оборотов возникает в результате переосмыслиния слов, входящих в их состав. В основе многих ФЕ лежит нереальный образ, порожденный народной фантазией	1.Переосмыслиние нереальных образов. 2.Переосмыслиение фразеологической гиперболы и преуменьшения. 3.Переосмыслиение ФЕ с различной стилистической окраской: а) шутливые обороты; б) фамильярные обороты; в) грубые выражения. 4.Переосмыслиение ФЕ, в основе которых: а) обычаи и традиции; б) поверья; в) предания; г) реалии; д) исторические факты. 5.Переосмыслиение компаративных оборотов; 6.Переосмыслиение пословиц

Продолжение таблицы 1

IV. Образование ФЕ из авторских оборотов	Характерны 3 или 4 стадии развития. Противостоят фразеологизации переменных сочетаний слов. Наблюдается постепенное расширение объема изменений	1. Расширение объема значения. 2. Переосмысление оборотов с буквальным значением. 3. Переосмысление образного выражения. 4. Образование дополнительных значений. 5. Лексические и грамматические изменения: а) лексический состав; б) отбрасывание архаических слов и словоформ; в) контаминация; г) образование вариантов. 6. Морфологические изменения. 7. Изменение порядка слов
V. Образование ФЕ на основе сюжета	Возникают на основе того или иного сюжета, в частности библейского, а не сочетания слов	
VI. Образование ФЕ путем каламбурного обыгрывания омонимов	В основе – игра со словом	1. Обыгрывание омонимов
VII. Образование ФЕ от ФЕ	Значение и тип переосмыслиния определяется семантикой исходного фразеологизма	1. Конверсия. 2. Образование от пословицы, употребляющейся в повелительном наклонении. 3. Образование по аналогии. 4. Образование по контрасту. 5. Расширение ФЕ

Таблица 2 – Фраземообразование в теории Г.А. Селиванова

Название группы способов	Комментарий	Способы фразообразования
Объективные	Исключают действие субъективного характера или предельно ограничивающие это действие	а) контаминация; б) фразеологическое переразложение; в) семантико-синтаксическая редукция и сопутствующая ей дистантная агглютинация

Продолжение таблицы 2

Объективные	Оставляют возможность для внесения субъективного элемента	а) тавтология; б) эллипсис; в) увеличение вариантов; г) калькирование и транспорнирование идиом
Субъективные	Находятся в принципиальном соответствии с объективными законами языка	а) различные автономные новообразования; б) эвфемизация оборотов; в) эксплуатация моделей, допускающих неограниченное лексическое наполнение

Таблица 3 – Способы образования ФЕ в теоретическом осмыслении Ю.А. Гвоздарева

База	Тип	Результат	Источник	Способ
/Отдельные слова	1.Фразеологическая интеграция	Образные выражения		Отдельные слова, входя во фразеологическую связь, теряют ряд своих природных признаков, приобретая новые
	2.Фразеологическая дифференциация	Перифрастические образования		Расщепление мотивирующей базы, сопровождающееся созданием новой составной формы
Переменные сочетания	Фразеологическая транспозиция: внутрисистемная первичная	Фразеологическая единица	Русская устная речь (речевые сферы); Произведения литературы или УНТ	Семантическое образование новой ФЕ

Продолжение таблицы 3

Русские пословицы	Фразеологическая редукция	Фразеологическая единица	Пословицы	Может затрагиваться как план выражения, так и план содержания. 1.ФЕ совпадает лексически с частью пословицы. 2.ФЕ совпадает лексически с частью пословицы, но передает лишь часть ее содержания. 3.ФЕ лексически совпадает с компонентами пословицы, но имеет особое значение
ФЕ	Фразеологическая транспозиция: внутрисистемная вторичная	Фразеологическая единица	ФЕ	1.Лексическая замена: а) более активным словом; б) исконным или русифицированным в) ФС3 на С3; г) для усиления образной основы отвлеченного конкретным. 2. Эйфония. 3. Введение экспрессивных элементов. 4. Введение спец. лексики. 5.Локализация образа. 6.Контаминация

Продолжение таблицы 3

Иноязычный материал	Межсистемная транспозиция	Фразеологическая единица	ФЕ	1. Чистое заимствование. 2. Адаптированное заимствование: а) транслитерация (замена русскими графемами и фонемами); б) трансформация (замена грамматической структуры); в) транслексикализация (калькирование-замена соотносительными словами); г) изменение грамматической структуры до неузнаваемости; д) изменение лексического состава при сохранении общего значения; е) изменение общего значения
---------------------	---------------------------	--------------------------	----	--

Таблица 4 –Типология трансформационных коррелятов Л.К. Байрамовой

Коррелят ФЕ	Виды коррелята	Способы	Результат
Трансформационный: компонент контекста соотносится с трансформированной ФЕ	1.Коррелят, соотносящийся с трансформированным фразеологизмом в целом;	1. Соотношение со всей ФЕ при а) субSTITУции компонентов ФЕ; б) контаминации; в) эллипсисе	1. Оккциональный вариант ФЕ (вариант ФЕ в авторски измененной форме при сохранении узуального значения);

Продолжение таблицы 4

	<p>2. Коррелят, соотносящийся только с элементом, трансформировавшим данный фразеологизм;</p> <p>3. Корреляты, один из которых соотносится с трансформационным элементом, а другой – с фразеологизмом в узульной форме</p>	<p>2. Соотношение с элементом ФЕ:</p> <p>а) субSTITУция компонентов ФЕ (с заменяющим компонентом);</p> <p>б) контаминация;</p> <p>(с вклинивающим компонентом)</p> <p>в) эллипсис (с опущенным компонентом)</p>	<p>2. Окказиональный фразеосемантический вариант ФЕ (вариант ФЕ в авторски измененной форме);</p> <p>3. Окказиональный фразеологический омоним (ФЕ в авторской семантической интерпретации)</p>
Дистрибутивный: соотношение с ФЕ на основе сочетаемости	<p>1. Узульный коррелят – нормативный элемент ФЕ;</p> <p>2. Окказиональный коррелят –авторское изменение нормативной ФЕ</p>	Лексическая, синтаксическая, лексико-синтаксическая сочетаемость	
Актуализирующий: компоненты контекста соотносятся на основе буквализации значения ФЕ	<p>1. Двойная актуализация ФЕ на основе вычленения ее компонентов – актуализирующих коррелятов;</p> <p>2)Двойная актуализация ФЕ на основеозвучной соотнесенности актуализирующего коррелята с компонентами ФЕ;</p> <p>3. Двойная актуализация ФЕ на основе дистрибуции актуализирующего коррелята с ФЕ</p>	<p>1. Обыгрывание буквального значения компонентов ФЕ в контексте;</p> <p>2. Соотносится как:</p> <p>а) однокоренное слово;</p> <p>б) ФЕ, которые частично совпадают с компонентами актуализируемой ФЕ;</p> <p>в) сочетание антонимическое актуализируемой ФЕ</p> <p>3. Контактное или дистантное сочетание слова с переменным прототипом ФЕ</p>	

Таблица 5 – Способы образования ФЕ по Е.Н. Ермаковой

Тип	Способ	Комментарий
Внутреннее фразообразование		
Деривация вариантов	1.Морфемное варьирование; 2.Компонентное варьирование; 3.Количественное варьирование; 4.Морфологическое варьирование	Имеют некоторые расхождения во фразеологическом составе, но обладающие общей образной основой
Омонимия фразеологизмов	1.Внутрифразеологическая омонимия: звуковое совпадение нескольких фразеологизмов; 2.Межуровневая омонимия: совпадение фразеологизмов и свободного словосочетания	Механизм образования связан с процессом разделения ядра лексического значения и объединения таких отделившихся сем, которые находились на периферии. В новом фразеологическом значении формируется новое понятийное ядро
Внешнее фразообразование		
Экспликация	1. На базе производных предлогов образуются производные фразеологические союзы; 2.Процессуальные ФЕ образуются на базе производящих предметных; 3.Образование призначеных ФЕ; 4. Фразеологические союзы образуются на базе производящих качественно-обстоятельственных фразеологизмов 5. ФЕ с призрачным типом семантики присоединяет к себе новый компонент – частицу не	Новая ФЕ получает новое категориальное и индивидуальное значения
Импликация	1.Авторское использование; 2.Коллективное варьирование	1. Количественное варьирование: не образуется новая ФУ. Могут оставаться вариантами, пока относятся к одному и тому же семантико-грамматическому классу 2.Структурно-содержательное изменение. Рассматриваются как окказионально речевые

Продолжение таблицы 5

Контаминация	1. Соединение частей двух ФЕ, несовпадающих по компонентному составу, но сходных по синтаксической структуре или функции; 2. Соединение двух ФЕ, начинающихся одним слово; 3. Часть ФЕ заменяется самостоятельной ФЕ	В 1-2 случаях не образуется ФЕ с новым значением. В 3-ем случае возникает новое значение – значит появляется новый фразеологизм
--------------	--	--

Таблица 6 – Авторское фразообразование в разработке Н.А. Ковалевой

Авторское фразообразование	Фразеологические потенционализмы	Фразеологические окказионализмы
Статус	Трансформированные языковые устойчивые единицы	Индивидуально-авторское образование, идиоматическое и воспроизводимое
База образования	Узуальная ФЕ	Свободное сочетание слов
Способы образования	1. Вариантность как способ системного видоизменения ФЕ; 2. Семантическое переосмысление узуальной ФЕ при сокращении ее лексико-грамматического состава; 3. Одновременное использование единицы и как устойчивой, и как свободной организации слов, т.е. пребывание в так называемой совмещенной стадии; 4. Расширение объема ФЕ, так называемое вклинивание дополнительного компонента; 5. Контаминация (объединение) ФЕ как процесс взаимной мены компонентов у двух ФЕ; 6. Эллипсис ФЕ, основанный на сокращении одного или нескольких компонентов ФЕ; 7. Аллюзия (или образ ФЕ), когда грамматическая и семантическая структура полностью разрушена и создается лишь «намек», позволяющий воссоздать узуальную ФЕ; 8. Преобразование синтаксической структуры ФЕ при общем сохранении ее значения	1. Метафорическое переосмысление свободных сочетаний слов; 2. На основе парадигматических (синонимических и антонимических) отношений между узуальной ФЕ и окказиональной ФЕ; 3. По принципу матричности; 4. На основе специфической синтагматики, представленной линейной связью нескольких единиц, т.е. приемом нанизывания ФЕ

Таблица 7 – Контаминационные процессы в описании Е.А. Колобовой

Тип контаминации	База	Формирование образной основы	Результат
1. Контаминация - перекрещивание	Вступающие в образования ФЕ грамматически однотипны	1-2. Создается новый образ, в который включается фрагменты образной основы базового фразеологизма. 3-4. Окказиональная Образность создается путем совмещения образных основ посредством двух способов: разворачивания и взаимопроникновения образов	Контаминаант по структуре совпадает с исходными языковыми фразеологизмами
2. Контаминация - распространение	Вступающие в образование узуальные фразеологизмы, построенные по схемам: «гл.+сущ. в косв. падеже» и «прил.(прич.) + сущ.»	Виды образных основ: 1. Совмещение двух реальных образов приводит к созданию реального образа; 2. Совмещение двух реальных образов приводит к созданию ирреального образа; 3. Совмещение реального и ирреального образов приводит к созданию реального образа	Окказиональный фразеологизм, отличающийся по своей синтаксической схеме от узуальных единиц, т.к. в его компонентный состав входит большее количество компонентов в сравнении с количеством компонентов каждой базовой ФЕ
3. Контаминация - присоединение	Вступают глагольные, субстантивные, адвербиальные ФЕ, которые получают дополнительную характеристику образа, способа, места и т.д.	1. Совмещение двух реальных образов приводит к созданию реального образа; 2. Совмещение двух реальных образов приводит к созданию ирреального образа; 3. Совмещение реального и ирреального образов приводит к созданию реального образа	Окказиональный фразеологизм, который имеет структурную схему, в состав которой включаются все компоненты исходных единиц. Одна исходная ФЕ грамматически подчиняется другой базовой
4. Контаминация - наложение	Вступают ФЕ, имеющие в своем составе одинаковый компонент		Окказиональный фразеологизм, в составе одинаковый компонент

Таблица 8 – Явления фразеологизации и дефразеологизации в исследовании И.Н. Куклиной

Явление	Приемы	Примеры
Фразеологизация	1.1.1 Фразеологизация предложно-именных сочетаний слов	Без тормозов

Продолжение таблицы 8

	1.1.2 Фразеологизация сравнительных конструкций	Как два пальца об асфальт
	1.1.3 Фразеологизация глагольных словосочетаний	Греть уши
	1.1.4 Фразеологизация описательных оборотов-перифраз	Оборотень в погонах
	1.1.5 Фразеологизация терминологических сочетаний слов	Двойная бухгалтерия
	1.1.6 Фразеологизация междометных оборотов речи	Мама, не горюй!
	2.1.1 Экспликация внутренней формы (образной основы) ФЕ	А как курить бамбук? А то все говорят "кури бамбук"..., а что делать, если я не курящий!
Дефразеологизация – дестабилизация фразеологической нормы в речевой практике	2.1.2 Буквализация значения ФЕ: 1) под влиянием контекста; 2) актуализация альтернативных возможностей языка: а) словообразовательная омонимия; б) антонимия; в) использование слов индикаторов (в прямом смысле, буквальном)	1) яйца курицу не учат, как стать крутым; а) трубка мира (о музее телефонных аппаратов); б) добрая половина российских гаишников берет взятки, а злая половина еще и отбирает права; в) «коту под хвост от 300 до 600 рублей в виде наполнителя для кошачьего туалета
	2.1.3 Двойная актуализация: 1) контаминация прямого и идиоматического значения а) на основе омонимии б) на основе полисемии в) реализация потенциала ФЕ, спровоцированная контекстом; 2) использование невербальных средств: фотографий, рисунков, графиков	а) хоть бы хны (о вреде химических красителей для волос); б) в переплет она не попадет (о девушке, которая работает в фирме по изготовлению переплетов); в) пока не наломаешь дров, на душе не потеплеет
	2.1.4 Фразеологическая контаминация 1) первичная: а) скрещивание; б) наложение; в) линейное соединение; 2) вторичная	а) на воре и шапка глаза колет, береги честь смолоду – полюбишь и козла; б) краткость – сестра нашего брата; в) вы у меня в кишках по горло сидите 2) Не плюй в калошу – пригодится в нее садиться

Продолжение таблицы 8

	2.1.5 Фразеологический эллипсис: 1) опущение элементов; 2) редукция компонт. состава	1) Что написано пером... 2) Бабу с воза?
	2.1.6 Расширение как способ интенсификации значений ФЕ: 1) конкретизация денотативного содержания; 2) усиление значения; 3) усиление субъективно-эмоциональной оценки	1) от корней непослушных волос до кончиков безукоризненно ухоженных ногтей; 2) не абы как, задней левой и только по вторникам; 3)коммунисты давно стали пятым или десятым колесом в телеге
	2.1.7 Обыгрывание структурно-семантической модели ФЕ: 1) использование образа или содержания ФЕ: а) употребление образа ФЕ для придания выражению значения, противоположного значению ФЕ б) использование известного фразеологизма в качестве части значения преобразованной единицы или окружающего контекста; в) использование значения ФЕ в качестве подтекста выражения; 2) обыгрывание ритмико-синтаксической организации ФЕ: от исходных остается только структура, схема построения	1) а) армия «генералов» – это, согласитесь, страшная сила (страшнее ее, очевидно, только красота); б) Маша! Твоя синица в руках пришла (о женихе); в) девушка как воробей. Вылетит – не поймаешь, залетит – не отделаешься; 2) как два байта переслать
	2.1.8 Замена компонентов ФЕ словом или словосочетанием слов: 1) синонимичный замещающий компонент должен быть мотивирован контекстом; 2) эффект антонимической замены в парадоксальности образа; 3) обыгрывание фразеологизма путем изменения звуковой оболочки: а) каламбур, основанный на звуковом подобии, аббревиатуре, имени собственном; б) употребление созвучных слов (парономазия); 4) Прием парадоксальной замены компонентов ФЕ	1) швырнуть увесистый булыжник в огород коллег; 2) меня голыми ногами не возьмешь; 3) а) С места – в карьеру! СПИД и срам. Не в свои «Ниссаны» не садись! б) И про старуху бывает порнуха! 4) Любишь кататься – купи проездной!

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ПОКАЗАТЕЛИ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ НА СВЕРХСЛОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ИЗ ОБЛАСТИ «КРЕАТИВНОСТЬ»

Таблица 1 – Показатели поисковых запросов на сверхсловные единицы из области «Креативность» (по данным Яндекс Вордстат в период с 01.01.2018 по 14.07.2025 г.)

год единицы	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
атомный Оле- Лукойе	0	0	0	0	0	0	0	134
беглая оппозиция	0	0	0	0	490	199	416	226
блокадный след	0	0	0	0	42	188	0	0
блокадные отметины	0	0	0	0	12	0	0	0
Борис Бодунов (о Б. Ельцине)	0	6	0	0	0	0	0	0
властелин колец (о Ю. Лужкове)	30	50	12	11	62	35	0	0
Джо Деменцио	0	0	32	220	401	50	6	0
домашний суетолог	0	0	0	0	7	7	10	0
духи с запахом борща	0	21	121	144	228	637	586	330
духи с запахом компьютера	0	0	0	0	0	10	0	0
замыленный город	0	0	0	42	255	61	0	0
запах пофигизма	410	560	573	367	284	183	0	59
ловушка стыда	8	0	14	0	8	93	25	0
ментальный карантин	0	0	0	0	0	334	14	10
растерянные релоканты	0	0	0	0	7	0	0	0
свинтившие уроды	0	0	0	0	72	33	0	0
синдром терпилы	18	9	165	194	374	291	388	204
сосисочная война	354	219	302	515	352	323	362	215
сосисочный гуманизм	0	0	0	0	10	18	7	7

Продолжение таблицы 1

сосисочный дождь	0	16	0	0	7	0	121	49
сосисочные пальцы	0	0	71	447	618	320	206	114
сосисочный рай	29	17	8	0	6	42	16	27
страна молчунов	0	0	0	0	42	0	48	18
термоядерная русофобка	0	0	0	0	38	0	0	0
тургеневский дворик	0	324	207	0	0	0	0	131
челябинский мохито	21	0	10	23	0	0	0	0
шашлычный спас	127	122	60	110	268	197	232	232
шрамы блокады	44	0	174	167	166	132	16	345
ягодные скидки	0	0	0	0	0	908	372	207